

06  
K-78

ПРОВЕР. 10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

# ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ



КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ



ИЗ ИСТОРИИ  
РУССКО-СЛАВЯНСКИХ  
ОТНОШЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

06  
к

ПРОВЕРЬНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

# ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ



КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

48750

9

ИЗ ИСТОРИИ  
РУССКО-СЛАВЯНСКИХ  
ОТНОШЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА  
Института  
Языкознания  
А. Н. СССР



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
Москва 1952

Редколлегия:

А. В. СМЕРНОВА (отв. ред.), В. Д. КОРОЛЮК, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,  
Е. В. ЧЕШКО, В. И. ЗЛЫДНЕВ (отв. секр.)

## СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ





А. П. Соловьева

## ЯН НЕРУДА О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Истинный демократизм и гуманизм русского реалистического искусства, отобразившего борьбу русского народа против самодержавия и крепостничества, языковая близость русских, чехов и словаков, глубокие симпатии к могучему русскому народу, история которого является блестящим примером многовековой героической борьбы за свою национальную свободу, — все это обусловило огромный интерес чехов и словаков к русской культуре, а также благотворное влияние русской реалистической литературы на чешскую и словацкую литературы.

Реакционные западноевропейские литературоведы, фальсифицируя историю славянских народов и их культуры, стремятся отрицать самобытность культуры славянских народов, ее национальное своеобразие, связывают все развитие славянских литератур, в частности чешской, с западными влияниями и пытаются замалчивать или отвергать благотворное влияние русского реалистического искусства на культуры других славянских народов.

Одной из важнейших задач, которая встает перед исследователями славянских литератур, является проблема связей творчества прогрессивных славянских писателей, связей славянских литератур с русской классической литературой. Вопрос о русско-чешских культурных связях разработан еще далеко не достаточно. Целый ряд важных проблем не только оставался до сих пор вне поля зрения исследователей русско-чешских культурных связей, но и извращенно истолковывался буржуазными литературоведами. Так, например, буржуазные исследователи, рассматривая чешскую литературу 60—70-х годов, пытаются отрицать влияние русской реалистической литературы в этот период на развитие реализма в чешской литературе.

Буржуазный исследователь русско-чешских культурных связей И. Ирасек утверждал, что поколение 60-х — первой половины 70-х годов связано своими идеалами не с Россией, а с немецкой литературой.

«Волна русского реализма в то время до нас еще не докатилась»<sup>1</sup>. «Время Галека и Неруды характеризуется весьма бедными связями с русской литературой»<sup>2</sup>.

Буржуазные исследователи творчества чешских писателей 60—70-х годов и Яна Неруды (1834—1891), «владельца дум» того периода, обычно стремились связать их творчество с движением «Молодой Германии», останавливаясь на влиянии творчества Жан Поля, Берне и Гейне, значительно преувеличивая все эти влияния и, в силу своего мировоз-

<sup>1</sup> Josef Jirásek. Rusko a my. Praha—Brno, 1945, díl. III, стр. 37.

<sup>2</sup> Там же, стр. 38.

зрения, не имея возможности разобраться в их истинном значении (работы Ф. В. Крейчи, И. Карасека, А. Новака и др.). При этом умалнялась самобытность и национальное своеобразие творчества чешских писателей 60—70-х годов, являющегося отражением реальной чешской действительности. Совершенно игнорировалось влияние русского критического реализма на чешскую литературу и на ее крупнейших писателей-реалистов.

Между тем творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, а также многие произведения Рылеева, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова были широко известны в Чехии прошлого века и к 60-м годам стали культурным достоянием чешского народа.

В 1855 г., в годы жесточайшей политической реакции, вышел в свет альманах известного радикального деятеля революции 1848 г. И. Фрича, начавшего ту борьбу за реалистическое чешское искусство, которая стала основным содержанием деятельности прогрессивных чешских литераторов нерудовского направления.

В первом номере альманаха была помещена статья Бендла о русской литературе. В своей статье Бендл упоминает имена Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Веневитинова и Пушкина, подчеркивая вольнолюбие и реализм русской литературы и вольнолюбие создавшего ее русского народа.

«Народ, нашедший в себе достаточно собственной силы, чтобы без какой-либо чужой помощи свергнуть двухсотлетнее монгольское иго, народ, в котором царит дух подлинной народности и почва которого необычайно плодородна, — у такого народа впереди безусловно славное будущее»<sup>1</sup>. Подобное обращение к русскому народу и русской литературе носило, в условиях баховской реакции, смысл политического протеста против национального угнетения.

В конце 50-х годов, в 60-е годы в журналах маевцев появляются первые чешские переводы Некрасова. В 1867 г. в журнале «Кветы»<sup>2</sup>, редактируемом В. Галеком, была помещена небольшая статья «Николай Некрасов, поэт русский», являющаяся одной из первых чешских работ о великом русском поэте. Автор статьи указывает, что Некрасов занимает первое место среди русских поэтов 60-х годов, прежде всего благодаря направлению своей поэзии: «Стихи Некрасова проникнуты глубоким сочувствием к простому народу, особенно к униженным и угнетенным классам народа русского и презрительной, ядовитой гневной иронией по отношению к угнетателям. Благодаря этому направлению своей поэзии Некрасов, как поэт, выходит за узкие рамки отечественной поэзии, переставая быть поэтом только русским; он входит в круг тех поэтов, которые принадлежат всему миру»<sup>3</sup>.

Подчеркивая гражданский пафос поэзии Некрасова и ее мировое значение, автор статьи указывает также на подлинно русское своеобразие поэзии Некрасова. Знакомство со стихами замечательного русского поэта-гражданина не прошло бесследно для лирики чешских поэтов-реалистов — Галека, Неруды, Чеха, Сладека и др.

Интерес к русской литературе и культуре растет и в последующие годы. Все новые и новые произведения русской классической литературы выходят в чешских переводах, чехи знакомятся с лучшими произведениями русской музыки и изобразительного искусства.

<sup>1</sup> «Lada Niola». Praha, 1855, стр. 52.

<sup>2</sup> «Květy», 1867, číslo 17, стр. 143.

<sup>3</sup> Там же.



Изучение творчества чешских писателей и поэтов нерудовского поколения дает интересный материал об обращении их к русской реалистической литературе. Приведем несколько показательных фактов.

Известно, например, значительное влияние творчества Тургенева, прежде всего его «Записок охотника», на Витезслава Галека (1835—1874), соратника Неруды, одного из литературных вождей 60—70-х годов. В 1874 г. на одном из заседаний литературной секции «Умелецкой беседы» Галек сказал:

«Признаюсь, что во мне назревает какой-то перелом, и это благодаря влиянию русской литературы... Новое направление мысли появилось у меня в последнее время и было вызвано чтением Ивана Сергеевича Тургенева»<sup>1</sup>.

Поэт Р. Майер (1837—1865) был близко знаком с поэзией Т. Шевченко, которая оказала определенное воздействие на творчество чешского поэта. Интересно отметить, что в 50-х годах и Шевченко изучал историю славянских народов, знакомился с идеями Коллара и Шафарика и написал замечательную поэму «Еретик», посвященную Яну Гусу и гуситскому движению. Эта поэма завоевала ему горячие симпатии среди чехов. «Необходимо признать, что в нашей поэзии нет о Гусе стихов более боевых, так страстно и прямо направленных против пап — этих палачей Гуса и чешского народа, и вместе с тем с такой любовью и уважением рисующих образ Гуса»<sup>2</sup>.

В 70-е годы в России побывал чешский писатель Антал Сташек, написавший в 1874 г. содержательную статью «Русская литература и Тургенев» и стремившийся изучить общественные отношения России. В своих воспоминаниях он писал: «Я чувствовал, что рядом с Россией, которую мы в Европе знали, существовала еще Россия тайных обществ, Россия грозных мятежников, ненавидящих, мыслящих, решительных. Это меня привлекало. Все мое мировоззрение было проникнуто симпатиями к движению, направленному против сильных мира сего и против существующих общественных порядков, которыми эти вампиры человеческих мышц и мозгов опутали трудовой народ и бедную интеллигенцию, корпящую со сгорбленной спиной, словно мозговая машина, в различных канцеляриях и учреждениях. Я сравнивал Россию этих лет с Францией перед 1789 г. и не сомневался, что в этой огромной, загадочной империи, о тайных силах которой Европа и ее правители не имели никакого представления, обязательно вспыхнет революция»<sup>3</sup>.

Исследование творчества Неруды, одного из основоположников чешского реализма, писателя, творчество которого было эпохой в истории чешской поэзии, прозы, публицистики и литературной критики, дает интересный материал о глубоком знакомстве Неруды с русской культурой, с русской реалистической литературой, о творческом усвоении ее достижений. Это чрезвычайно важно как для понимания творчества самого Неруды, так и для уяснения путей развития чешской литературы 60—70-х годов, периода, который справедливо считается нерудовским благодаря ведущей роли Неруды в литературе того времени.

И в поэзии и в прозе Неруда выступал как подлинный художник-реалист. Художественное творчество Неруды является не только живым откликом на современную ему общественную жизнь, но и сознательным протестом против социального и национального бесправия чешского народа. Большое художественное мастерство и последовательность

<sup>1</sup> «Padesát let Umělecké besedy». Sborník, 1913, стр. 286.

<sup>2</sup> «Nový život», 1951, № 3, стр. 441.

<sup>3</sup> Stašek A n t a l. Vzpomínky. Praha, 1926, стр. 190.



воплощения принципов реалистического искусства в его творчестве являются развитием реалистической прогрессивной традиции чешской литературы первой половины XIX в. и наиболее ярко отражают ведущую тенденцию в развитии чешской литературы.

Выражая чувства чешского народа, Неруда, подобно другим прогрессивным деятелям чешской культуры, всегда испытывал глубокие симпатии к русскому народу. В своем стихотворении «Заря с востока» (1868) поэт пророчески высказал непреклонную веру в победу во всем мире свободы и справедливости, утверждая, что главным борцом за них будет славянский Восток, откуда придет к человечеству заря свободы:

Если славянство встало на страже,  
Кто бы нарушителем мира ни будь,  
Как бы он ни был хитер и отважен,  
Грудь разобьет о славянскую грудь.  
О человечество, сон твой столетний,  
Сон о рассвете, сон о свободе  
Близок к свершенью: сумрак рассветный  
Брежит с Востока — ночь на исходе<sup>1</sup>.

Говоря о славянском Востоке, Неруда имел в виду русский народ. В одном из очерков 1867 г., помещенном в газете «Народни листы», Неруда писал о том, что его многое привлекает в русских, и прежде всего то, что они «являются великим политическим народом». Поэт имел в виду не русскую политическую власть — царское самодержавие; он симпатизировал русскому народу, борющемуся с самодержавием, симпатизировал ему как сильному национально свободному и государственно независимому. В том же очерке Неруда высказал свое отношение и к царской власти:

«Есть, однако, вещи, которые не вызывают во мне зависти к русским. Я имею в виду посулы миллионной награды тому, кто в течение пятидесяти лет напишет лучшую биографию царя Александра. Вот настанет погибель литературы и семейной жизни: никто не будет писать ничего другого, а родители уже с колыбели будут воспитывать детей в духе биографии царя Александра»<sup>2</sup>.

Неруда страстно обрушивался на царское самодержавие и в своих статьях о Гоголе и Островском, на которых мы остановимся ниже.

Резко отрицательное отношение Неруды к русскому самодержавию позволяет думать о подобном же отношении писателя и к австрийской монархии, которое в силу цензурных условий он не мог высказать столь же прямо.

Одним из источников, по которому Неруда знакомился с русским народом, благодаря которому укрепилась в нем любовь к свободолюбивому, ненавидящему царское самодержавие, талантливому русскому народу, была русская художественная литература.

Подобно многим чешским писателям Неруда интересовался русским языком<sup>3</sup>.

Неруда был знаком с произведениями великих русских реалистов в области литературы, живописи, музыки. Он прекрасно понимал

<sup>1</sup> Ян Н е р у д а. Избранное, М. Гослитиздат, 1950, стр. 71.

<sup>2</sup> Jan N e r u d a. Sebrané spisy. Praha, 1907, díl. 18, стр. 140.

<sup>3</sup> В одном из очерков он остроумно сетовал на его трудность: «Известно, что только тем нерусским, кто родился в новогоднюю ночь, удается раз в год сделать в русском слове правильное ударение, а остальные попадают всегда влево или вправо, всегда рядом, но никогда туда, куда нужно». Jan Neruda. Sebrané spisy. Praha, 1907, díl. 22, стр. 110.

мировое значение русского реалистического искусства, его подлинную сущность и ценность. Писатель считал, что русское реалистическое искусство наиболее прогрессивно и занимает первое место в мире, являясь образцом и примером для других стран:

«Подобно Островскому, многие другие русские писатели обратились к правдивому изображению русской жизни: все они работают в «жанре» (т. е. создают правдивые обличительные картины русского быта.— А. С.). Русские «жанры» являются в настоящее время самыми передовыми во всей мировой литературе, независимо от того, называются они «романом», «новеллой», либо как у Островского, «драмой»<sup>1</sup>.

Мировое значение передовой русской литературы XIX в. определяется тем, что она была могучим орудием общественно-политической борьбы против крепостничества и самодержавия, тем, что она была тесно связана с революционно-освободительным движением в России и представляла собой яркий образец органического единства высоких общественных идей и замечательного мастерства художественной, подлинно реалистической формы. Именно на эту сторону в первую очередь обращал внимание и Неруда.

В русском искусстве Неруда ценил прежде всего его общественное содержание, его высокий гражданский пафос, подлинную правду изображения всех сторон русской действительности во имя борьбы за счастье угнетенного простого человека.

Творчество Неруды дает богатый материал о знакомстве писателя с произведениями многих деятелей русской культуры, но материал этот не был еще собран воедино и исследован должным образом. Чешские буржуазные исследователи Неруды в своих работах даже не упоминали о его знакомстве с русской литературой. В критике новой демократической Чехословакии, которая с новых позиций пересценивает творчество замечательного чешского классика, не создано еще исчерпывающих исследований его богатого творческого наследия, не освещен еще и вопрос о связях Неруды с русским реализмом, не исследован характер связей творчества Неруды с творчеством Гоголя и Островского. В 1950 г. в Праге впервые были изданы избранные статьи Неруды об искусстве<sup>2</sup>. В этот ценный сборник вошли важнейшие статьи Неруды об Островском и Гоголе, но в нем почему-то отсутствуют высказывания чешского писателя о других деятелях русского реалистического искусства.

Собранный нами материал свидетельствует о глубоком понимании Нерудой русского реалистического искусства. Многие из его высказываний мало известны, а на русском языке приводятся впервые.

В 1865 г. на сцене пражских театров впервые был поставлен «Ревизор» Гоголя. Неруда немедленно откликнулся на это событие в культурной жизни Праги рецензией, в которой очень тонко и правильно оценил замечательный гоголевский дар типизации и прежде всего подчеркнул обличительное звучание пьесы, ее большое общественное значение.

«Гоголь изобличает не всеобщие человеческие слабости, встречающиеся повсюду, не распушенность только «высших» классов своего времени, он касается специально пороков русского чиновничества; он выставил на осмеяние у позорного столба все то, к чему привело Россию самодержавие. Какое же множество кричащих, чудовищных образов нарисовано поэтическим, могучим пером Гоголя! Мы видим кроважидных пиявок, совершающих именем правительства и властью, предоставленной им

<sup>1</sup> Jan Neruda. Vybrané spisy. Praha, 1927, díl. IV, стр. 185.

<sup>2</sup> Jan Neruda. O umění. Praha, 1950. Československý spisovatel.

правительством, жестокое насилие... Мы видим непрестанную омерзительную вражду этих пиявок друг с другом; видим, как перед власть имущими они пресмыкаются еще более низко и раболепно, чем перед ними самими люди, доведенные рабством до idiotического растительного существования. И ревизор, как некая Немезида, являющаяся издали в этот мир чиновников, не может нас особенно порадовать: вопреки всякому страху мы видим в этих людях все же надежду, что и у страшного ревизора, вероятно, найдется какое-либо из тех дурных качеств, которые им самим свойственны в избытке, что, в худшем случае, удастся подкупить ревизора — и все начнется сызнова. Видя, кроме этой цели деяний русских чиновников и их последствий также и мнимого ревизора в замечательном изображении Гоголя, мы не можем предположить, чтобы он рисовал картину лишь одного городка, отмеченного особым несчастьем... В «Ревизоре» Гоголь-художник рисует кнутом»<sup>1</sup>.

Подобную глубокую оценку замечательной гоголевской пьесы бесспорно мог дать лишь человек, не только отрицательно относившийся к русскому самодержавию и представлявший себе картину российской действительности тех лет, но и прекрасно отдававший себе отчет в общественном значении произведений русской реалистической литературы.

В 1865 г. Неруда приветствовал появление на пражской сцене инсценировки повести Гоголя «Тарас Бульба», которая впервые была поставлена в 1857 г. Автором инсценировки был И. Фрич. В своей рецензии на пьесу Неруда отмечал бережное и любовное отношение к гоголевской повести автора инсценировки, а также хорошую игру актеров.

В 1867 г. в небольшой рецензии на первую постановку пьесы Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» Неруда снова подчеркнул огромную общественную роль русской реалистической литературы, ее великое мастерство типического обобщения:

«В России... постановка подобных пьес является социальной необходимостью. В создавшихся условиях много сейчас расплодилось там негодяев-Кречинских, против которых необходимы палки, судьи, осуждающие пьесы и рассказы... Совершенно ясно, что писатель нарисовал не только отдельный индивидуум, но и изобразил в его лице целый класс...»<sup>2</sup>

Эту же мысль он развивает и в своей рецензии 1867 г. на пьесу Островского «Бедность не порок», которая появилась на пражских сценах. Высоко оценивая патриотизм автора, Неруда подчеркивал, что это качество присуще всей русской реалистической литературе: «В этой пьесе, как и в «Ревизоре» и в «Свадьбе Кречинского», хорошо видно, какую огромную работу делают русские писатели, борясь против пагубного для русского народа увлечения отблеском западной цивилизации. К нашей великой радости в этой пьесе можно также и хорошо увидеть, что ядро русского народа поэтически чисто в своей моральной основе»<sup>3</sup>.

Вместе с тем Неруда указал на известные недостатки пьесы «Бедность не порок», ложность ее драматического конфликта и недостаточный драматизм характеров. Ни одна из пьес А. Н. Островского не вызывала в русской критике таких горячих и принципиальных споров, как пьеса «Бедность не порок», в определенной степени выпадающая из общего обличительного тона его драматургии. Представители демократической

<sup>1</sup> Jan Neruda. Vybrané spisy. Praha, 1927, díl. IV, стр. 169—170.

<sup>2</sup> Jan Neruda. Sebrané spisy. Praha, 1907, Rada II, díl. 3, část 3, стр. 269.

<sup>3</sup> Там же, стр. 283.



критики вступили по поводу этой пьесы в острую полемику со славянофилами, которые увидели в ней, прежде всего в образе Любима Торцова, художественное воплощение своих идеалов. Возражая против идеализации русской старины, против привнесения в пьесу славянофильских, далеких от жизни идеалов, Н. Г. Чернышевский в своей рецензии 1854 г. на «Бедность не порок» писал: «Островский впал в приторное приукрашивание того, что не может и не должно быть приукрашиваемо». Чернышевский указал на вытекающую отсюда нежизненность, надуманность образов и ситуаций, которые подчинены творческой воле автора, но не правде и логике жизни. Очень показательным, что Неруда не только оценил достоинства, но почувствовал и слабые стороны этой пьесы Островского.

В 1870 г. пражская публика увидела на своей сцене одну из жемчужин русского драматургического искусства — «Грозу» Островского. В своей рецензии на эту постановку Неруда высказал глубокие мысли, приближающиеся к добролюбовской оценке «Грозы», как беспощадного изображения темного царства. Своей социальной направленностью оценка Неруды чужда русской славянофильской трактовке «Грозы», а также отличается от неглубоких, легковесных отзывов в чешской критике, которые появились в печати после постановки «Грозы».

Неруда называл Островского немилосердным художником, мужественно обнажающим гнойные раны русского общества, которое не может свободно развиваться в тисках самодержавного деспотизма. Он отметил, что правда, живость изображения в этом произведении помогают воспитывать волю, лечить эти раны. Неруда назвал Островского художником, рисующим с суровой правдой, без малейшего приукрашивания действительности.

Неруда видел значение творчества Островского в его глубоком национальном своеобразии, подлинной правдивости и истинном гуманизме:

«В истории драматургии Островскому будет отведено почетное место, так как в его творениях заложено основание национальной драматической русской поэзии, а благодаря правде изображения и богатству подлинной человечности, он будет жить в веках»<sup>1</sup>.

Подчеркивая высокие художественные достоинства «Грозы», Неруда писал о том, что чешский зритель привык видеть пьесы с «хорошими концами». Удивительная правдивость человеческих характеров в драме убедила чешского зрителя, что для этих людей — героев пьесы жизнь не могла сложиться иначе, удачнее, а следовательно, и у пьесы не могло быть иного конца.

В 1880 г. на пражской сцене было поставлено «Доходное место» Островского. Эта пьеса шла и ранее и была отмечена Нерудой в его рецензии на «Грозу». Обращаясь в 1880 г. снова к оценке творчества Островского и его пьесы «Доходное место», Неруда использовал творчество русского драматурга в борьбе с засилием на чешской сцене мало художественных и безидейных немецких и французских пьес. Он призывал широко отворить двери театров для русской реалистической драматургии: «Островский — драматург необычного для нас склада. Когда одна из его пьес попадает в наш репертуар, потворствующий всем современным вкусам и порокам, человеку кажется, что из салона, где собралось изысканное общество, каждое острое словцо которого, однако, заранее известно, а искусственный аромат которого утомляет и вызывает безразличие, он внезапно попал в лес: горбатые корни вместо паркета, резкие голоса

<sup>1</sup> Jan Neruda. Vybrané spisy. Praha, 1927, díl. IV, стр. 185.

птиц вместо аккордов рояля, кругом грубая кора деревьев вместо нежных шелков, но зато повсюду правда, ясный воздух, животворные ароматы, и человеку кажется, что он внезапно обрел самого себя. Зарисовки Островского напоминают хорошую старинную гравюру: четкие, резкие контуры, живость и выразительность при потрясающей простоте... Столько правды мы не найдем во французских пьесах, может быть, и очень искусно обращающихся к жизни, но уже создавших свои шаблоны для изображения многих моральных сторон жизни; мы не найдем ни щепотки этой правды и в сверхшаблонных немецких пьесах. Островский рисует недуги русского общества сурово, неумолимо, как это вообще делают все русские писатели.

Труд Островского не потеряет свою цену и тогда, когда исчезнет то, что он подвергает критике. В настоящее время его творения еще воистину злободневны. Огромное движение русского общества волнует сейчас весь мир, и кажется, что «Доходное место» было написано именно сейчас, для объяснения великих явлений, которые в нем происходят...»<sup>1</sup>

В заключение Неруда призывал ставить на чешской сцене как можно больше русских пьес.

Эту же мысль Неруда со всей определенностью высказал еще в 1866 г. в небольшой рецензии на постановку во Временном театре «Провинциалки» Тургенева. Он приветствовал пьесу как одно из произведений замечательной русской драматургии. Высказываясь в рецензии о будущем чешского театра, писатель связывал его с классической славянской, и прежде всего русской, драматургией.

Для Неруды очень показательно обращение именно к русской драматургии, так как он придавал ей огромное воспитательное значение.

Неруда знал и любил творчество чрезвычайно любимого в Чехии А. С. Пушкина. В стихотворном очерке «У нас» (1853) он посвятил Пушкину строки, полные любви и признания, подчеркивая не только подлинную народность творчества Пушкина, но и его мировое значение:

Смерть распростерла крылья над страной,  
Страна — как дом, объятый тишиною...  
Бледнеет русский и дрожит прищлец,  
Хозяин плачет вместе со слугою...  
О, Русь, увял чудесный твой венец...  
Как будто солнце с неба сорвалось  
И утонуло в океане слез.

Неруде были известны басни великого русского баснописца «славного», по определению Неруды, Крылова, о чем свидетельствует одно из стихотворений поэтического сборника Неруды «Простые мотивы» (1883), где он говорит, что в баснях Крылова «правдой дышит каждое слово».

Неруда был знаком также и с романами замечательного реалиста Гончарова, во всяком случае с «Обломовым», откликом на который явился «Жулет Обломовский» — небольшой набросок о пражском богатом бездельнике из сборника рассказов «Арабески» (1864).

В своей борьбе за реализм и народность чешского искусства Неруда, как было указано, не ограничивался сферой литературы. Он горячо поддерживал прогрессивные явления чешского национального искусства во всех областях. От его внимания не ускользнуло ни одно значительное явление современного ему отечественного реалистического искусства.

<sup>1</sup> Jan Neruda. «O umění». Praha, 1950, стр. 235—236.

Достаточно указать, что Неруда искренне и смело выступил в защиту гения чешской музыки Б. Сметаны (статья 15 декабря 1872 г. и 28 февраля 1875 г.), которого не признавали и травили реакционные буржуазные круги чешской общественности, в частности глава старочехов Ф. Ригер. Неруда прекрасно понял подлинный смысл творчества Сметаны, подчеркнув народность и демократизм его музыки. Примечательна в этом отношении одна из эпиграмм Неруды, высмеивающая противников Сметаны:

Нет, этой музыке никто из нас не рад!  
Она, во-первых, к танцам непригодна,  
А, во-вторых, она народна,  
А, в-третьих — Сметана ужасный демократ.  
Тут в каждой флейте, в каждой скрипке  
Демократические греются улыбки!..<sup>1</sup>

Не меньшее значение имели высказывания Неруды о виднейших чешских реалистах, представителей изобразительного искусства, — скульпторе Мысльбеке, замечательный талант которого Неруда оценил и поддержал одним из первых (как и талант молодого, начинающего художника Алеша), о полотнах крупнейшего чешского художника-реалиста прошлого века Иозефа Манеса и др. Все это обусловило интерес Неруды и к русской музыке и изобразительному искусству, этим объясняется и его глубокое проникновение в известные ему произведения русской классики, способствовавшее, в свою очередь, верному восприятию чешского демократического искусства.

В 1867 г. в Праге была поставлена опера Глинки «Руслан и Людмила», горячо встреченная чехами. Дирижировал М. Балакирев, Партию Руслана пел близкий друг Неруды И. Лев. Неруда в самых восторженных тонах отозвался о замечательном произведении русской оперной классики: «Совершенно ясно, что даже если бы я не питал никакой зависти к русским (а они во мне вызывают зависть прежде всего потому, что являются великим политическим народом), я все равно завидовал бы им за «Руслана и Людмилу»<sup>2</sup>.

Этим признанием большого значения «Руслана и Людмилы» Неруда как бы продолжил ту борьбу прогрессивных сил за Глинку, которая в свое время велась в музыкальном мире.

«Опера «Руслан и Людмила» — настоящая мученица, — писал В. Стасов, — между всеми произведениями русского искусства: с самого появления ее на свет ее постоянно преследуют такие неудачи, несчастья и гонения, которых никогда не испытывало у нас ни одно другое художественное произведение»<sup>3</sup>.

Огромную волну симпатии к России вызвала во всех славянских странах русско-турецкая война 1877—1878 гг., в результате которой Турция признала независимость Сербии, Черногории и Румынии, а также существование Болгарского княжества. Выставка репродукций картин В. В. Верещагина, организованная в 1881 г. в Праге, — одно из проявлений симпатий чехословацкого народа к русскому народу.

Картины Верещагина были известны в Европе и Америке, о них писали газеты и журналы десятков стран. Демократическая пресса окружала художника вниманием и симпатией. Что же касается реакцион-

<sup>1</sup> Ян Неруда. Избранное. М., Гослитиздат, 1950, стр. 139.

<sup>2</sup> Jan Neruda. Sebrané spisy. Praha, 1907, díl. 18, стр. 139.

<sup>3</sup> В. В. Стасов. Соч., т. III, стр. 203.



ной части общества, то она боялась Верещагина и подвергала его постоянным нападкам и травле. Известно, например, что в Берлине фельдмаршал Мольтке запретил немецким солдатам посещать выставку Верещагина, опасаясь силы воздействия его картин.

Неруда оценил смелое новаторство и подлинный гуманизм великого русского художника, искусство которого было ему близко по своей идейной направленности. Еще в 1859 г. в статье «Теперь» Неруда резко выступил против агрессивных захватнических войн:

«Я не могу назвать славой славу, добытую войной. Эту славу я мог бы признать только в том случае, если война ведется в интересах прогресса, в интересах всего человечества»<sup>1</sup>.

В 1881 г. Неруда посвятил творчеству Верещагина специальную статью, в которой обращал внимание на подлинный реализм творчества русского художника и его глубокую любовь к простому человеку-солдату, несущему на своих плечах все тяготы войны. В ней Неруда подчеркивал миролюбивый характер русского народа, вновь отмечая прогрессивный гуманистический действенный характер русского искусства и его мировое значение.

«Картины Верещагина — это крик ужаса... Мы должны признать, что более душераздирающего крика мы не слышали. Да, может быть, этим путем можно было бы достичь идеала вечного мира, который так долго и так страстно призывает все человечество, утомленное вечной враждой народов.

Вместе с тем картины Верещагина являются доказательством силы, поистине огромной, которая пробуждается в русском народе. Когда немцы закончили свою последнюю завоевательную войну, они пышно торжествовали победу и обещали миру лишь новые захваты. Когда же русские кончили войну, в которой сражались за освобождение братьев, вместо триумфа интеллигенция объявляет протест против войн вообще — искусство говорит свое благородное слово в пользу гуманизма»<sup>2</sup>.

Далее Неруда подчеркивает, что для Верещагина война — это несчастье, что русский художник рисует просто и бесискусственно, совсем иначе, чем французские и немецкие баталисты, приукрашивающие силу национального оружия.

В 1871 г. в Праге была организована выставка произведений Айвазовского. Неруда немедленно откликнулся и на это событие:

«Айвазовский — один из наиболее выдающихся художников, которого мы когда либо видели на пражских выставках. Имя его нам было известно уже давно, а его произведения впервые попали на пражские выставки. Его картины одерживают победы при первом же взгляде на них. Какая в нем самостоятельность, какая сила мысли и ясность воплощения! Поэзия цвета, света, мысли — поэзия в целом и в мельчайшем изломе солнечного луча»<sup>3</sup>.

Высказывания Неруды о русском реалистическом искусстве показывают, что он хорошо знал произведения русского реалистического искусства, прежде всего русской реалистической литературы, и, глубоко проникая в их подлинное значение, считал их лучшими и передовыми во всей мировой литературе.

В русском реалистическом искусстве Неруда находил поддержку для своей страстной борьбы за подлинную правду чешского искусства, которой, по его мнению, можно достичь лишь в результате тщательного изу-

<sup>1</sup> Jan Neruda. Vybrané spisy, Praha, 1927, díl. стр. 8—9.

<sup>2</sup> Там же, стр. 327.

<sup>3</sup> Jan Neruda. Sebrané spisy. Praha, 1907, díl. 22, стр. 227.

чения действительности, изучения жизни всех слоев общества и правдивости изображения. Неруда утверждал, что правдивое искусство не может не отразить социальной несправедливости, парящей в жизни; вследствие этого оно всегда демократично, служит народу и страшно лишь для тех, кто угнетает и боится быть изобличенным в этом. Он высказал уверенность в том, что будущее чешского народа принадлежит наиболее угнетенной и бесправной части чешского общества — рабочим, а будущее чешской литературы, которая будет служить интересам трудящихся, принадлежит реализму (статья «Современный человек и искусство», 1867). Неруда был убежден в том, что подлинно художественные произведения рождаются в годы общественного подъема, создаются художниками-гражданами, участниками общественной борьбы (статья «О вкусе», 1870).

В своих заметках о русской культуре Неруда неустанно подчеркивал ее глубокое национальное своеобразие, которое он сумел оценить по-настоящему, в известной степени, благодаря тому, что сам всю свою жизнь вел неустанную борьбу за самобытное чешское искусство. По его мнению, лишь глубоко и подлинно национально-своеобразные произведения смогут стать достоянием не только отечественной, но и всемирной культуры.

Неруда неустанно восхищался художественным богатством русского искусства, русской литературы, подчеркивая глубокое содержание и замечательную художественную форму ее произведений. Если обратиться к критической деятельности Неруды, становится особенно понятным его глубокое проникновение в одну из замечательных особенностей русской классической литературы. Во всех своих литературно-критических выступлениях он настоятельно требовал, чтобы в основу художественного произведения была положена ясная, глубокая общественно-важная мысль, без которой произведение не будет подлинно художественным, к каким бы литературным ухищрениям ни прибегал автор. Одним из первых среди чешских писателей Неруда четко сформулировал принцип типического обобщения действительности, как одного из важнейших условий художественного творчества. Особое внимание писателей он обращал на важность овладения неисчислимыми богатствами родного языка, подчеркивая жизненную необходимость кровной связи литературы с народным творчеством.

Последовательная борьба за чешское самобытное реалистическое искусство и претворение этих требований в собственном художественном творчестве помогли Неруде осознать и оценить мировое значение русского реалистического искусства и литературы в целом, а также творчества отдельных ее представителей. И с другой стороны, русское реалистическое искусство способствовало идейному росту чешского писателя.

Чешский писатель испытывал благотворное влияние русского реализма, сказавшееся как на его литературно-критических выступлениях, так и на художественном творчестве. Этот чрезвычайно важный и сложный вопрос требует специального исследования. В данном кратком сообщении укажем лишь на то, что многие произведения Неруды обнаруживают некоторую идейную и художественную близость с творчеством Гоголя и Островского, которое было ему хорошо известно и близко по своей тематике и идейной направленности, как это видно из приведенных высказываний чешского писателя. Великие русские реалисты и чешский писатель изображали и осуждали родственные стороны общественной действительности России, страдавшей под гнетом царского самодержавия, и Чехии, испытывавшей гнет Австро-Венгерской монархии.

Творчество Неруды, одного из крупнейших представителей чешского реализма прошлого века, развивалось не в стороне и не изолированно от русского критического реализма, достижения которого писатель творчески усваивал и использовал. Высказывания Неруды о русской культуре, замалчиваемые чешским буржуазным литературоведением и недостаточно изученные современной чешской критикой, — факты отнюдь не поверхностного знакомства с русской реалистической литературой поэтов и писателей «нерудовского» поколения, а также определенная идейная и художественная близость их произведений с творчеством великих русских реалистов — должны пролить новый свет на развитие чешского реализма в 60—70-е годы прошлого столетия.

В. Д. Конобеев

## К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ БОЛГАРИИ В 1879 г. РУССКИХ СУДОВ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Как известно, вопрос о судьбе Болгарии окончательно был решен на Берлинском конгрессе «великих» держав в 1878 г. Усилиями западных государств территория Болгарии была сокращена до одной трети той территории, которая была намечена в Сан-Стефано. Русские представители на конгрессе отстаивали интересы Болгарии, однако они не смогли противостоять стовору трех хищников: Англии, Германии и Австро-Венгрии.

Одно из пленарных заседаний Берлинского конгресса было посвящено вопросу организации вооруженных сил Болгарии. Выступая яркими врагами национальной независимости Болгарии, западные державы стремились ослабить обороноспособность молодого Болгарского государства. Глава английской делегации Биконсфильд настаивал на том, чтобы систему организации и комплектования болгарской армии установить только как систему милиционную. Председательствующий на конгрессе Бисмарк немедленно поддержал предложение Биконсфильда о милиционной системе болгарской армии и в качестве примера сослался на французскую территориальную армию<sup>1</sup>, не принимая в расчет, что эта армия существовала как резерв постоянной кадровой армии. Проводя линию на ослабление обороноспособности Болгарии, западные державы вместе с тем подстрекали Турцию к различным провокациям и реваншу. Главная роль в этом неблагоприятном деле принадлежала Англии. По ее указанию турецкие правительственные круги, играя на религиозных и национальных чувствах турецкого меньшинства в Болгарии, создавали напряженную обстановку как на границах Болгарии, так и внутри ее.

Тотчас же по окончании войны в районе р. Арды и в предгорьях Родопских гор стали скапливаться шайки башибузуков и черкесов из разбитой армии Сулеймана-паши. В эти отряды входили солдаты и офицеры регулярной турецкой армии, а также бсжавшие из занятых русскими войсками районов Болгарии турецкие крупные землевладельцы. В рядах этих шайк в качестве инструкторов находились английские офицеры. Численность отрядов, созданных турецкими властями с помощью англичан, достигла 10 тыс. человек. В ликвидации этого заговора приняла участие русская армия<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Les protocoles du Congrès de Berlin avec la traité. СПб., 1879, стр. 14—15.

<sup>2</sup> Н. Овсяный. Русское управление в Болгарии, ч. 2, СПб., 1906—1907, стр. 19.



Чтобы обмануть бдительность болгарского народа, турецкое правительство демобилизовало солдат, уроженцев из областей Болгарии, и из них создало кадры отрядов для ведения подрывной деятельности в стране. Для этих кадров еще в период отступления турецкой армии с территории Болгарии были оставлены тайные склады оружия.

Центром, где сходились нити всех заговоров против независимости болгарского народа, было английское посольство в Константинополе. Именно оно вдохновляло и практически подготовляло выступление турок против Болгарии. С целью организации выступления турецких отрядов и шаек башибузуков и черкесов и поддержания с ними связи английское посольство направляло в восточную часть Болгарии корреспондента английской газеты Фицжерольда и английского консула Дользеля<sup>1</sup>.

Одновременно с подготовкой выступления этих отрядов турецкое правительство организовало многочисленные диверсии и на границах Болгарии. Так, 22 августа 1878 г. отряд турецкой армии перешел границу в Софийской губернии и ограбил деревню Сушица. Ограбление сопровождалось насилиями турецких солдат над мирным населением. Один из жителей был изрублен на части, другой пропал без вести. Подобный налет турецких отрядов с участием регулярных войск, численностью более 200 человек, повторился 4 ноября 1878 г. у деревни Цирверицы<sup>2</sup>.

Можно было бы привести десятки подобных фактов, говорящих о посягательствах Турции на независимость болгарского народа. Действия турецких правительственных кругов, руководимых Англией, имели определенную политическую цель: создать напряженное положение внутри Болгарии и на ее границах, добиться смешанной оккупации страны европейскими державами, еще больше урезать независимость болгарского народа и, хотя бы частично, восстановить господство турецких помещиков.

Действительно, вопрос об оккупации Болгарии смешанными силами был поднят западными державами на Берлинском конгрессе. Глава австро-венгерской делегации, ярый враг свободы славянских народов, Андраши предложил осуществить ее после эвакуации из Болгарии русских войск, якобы для поддержания внутреннего порядка; Биконсфильд, глава английской делегации, немедленно поддержал Андраши и тут же заявил, что «Англия уже готова поставить свою часть контингента войск»<sup>3</sup>.

Ясно, что Россия не могла допустить ввода на территорию Болгарии вооруженных сил западных держав. Чтобы оградить себя от восстановления турецкого, а вместе с тем и английского господства, Болгария должна была быстро создать армию. Россия помогала Болгарии материально в создании необходимой армии. В частности, она передала Болгарии в 1879 г., после эвакуации русской армии, небольшой флот на Дунае и Черном море.

Решением Берлинского конгресса Болгария была лишена права иметь военный флот, кроме легких судов, предназначенных для Таможенного управления. Поэтому Болгарии были переданы только суда торгового флота, переоборудованные Россией для военных целей во время войны.

<sup>1</sup> См. Центр. госуд. историч. архив (ЦГИА). Ленинградское отдел. (ЦГИАЛ), ф. 932, ед. хр. 63 бл. 240—243; Архив ВПР МИД, ф. Полит. архива, 1878, д. 2131, л. 356.

<sup>2</sup> Архив ВПР МИД. Посольство в Константинополе, 1878, д. 2491, лл. 158, 241.

<sup>3</sup> Les protocoles du Congrès de Berlin avec la traité. СПб., 1879, стр. 19—20.

Но флотилия явилась первой школой в деле обучения болгарских моряков. В войне, развязанной Сербией по прямому указанию Австрии в 1885 г., она оказала болгарской армии большую помощь.

Россия передала Болгарии из состава Дунайской флотилии четыре парохода: «Опыт», «Взрыв», «Пародим», «Горный Студень», шесть паровых катеров и пять гребных судов.

На Черном море, где Болгария имела морской порт — Варну, были переданы из состава черноморского флота винтовая шхуна «Келасуры», паровой катер, грузовая баржа, несколько деревянных магон и гребных судов и некоторое портовое оборудование<sup>1</sup>.

В секретной переписке военного министра Д. А. Милютина и комиссара русского гражданского управления говорилось, что эти суда могут служить Болгарии, пока она «будет в состоянии завести новые»<sup>2</sup>. Таким образом, предполагалось, что переданный флот должен обеспечить только первую крайнюю необходимость в морских и речных средствах и явиться первой базой для подготовки моряков Болгарии.

Для того чтобы иметь полное представление о значении переданных судов, необходимо коротко описать их историю и боевое участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Как известно, Россия вступила в войну при очень малочисленном флоте на Черном море, так как после Лондонской конференции 1871 г., отменившей статьи Парижского трактата, ограничивавшие суверенные права России на Черном море, построить современные военные суда Россия еще не успела. Поэтому во время русско-турецкой войны и на Дунае и на Черном море широко использовались арендованные или купленные у частных компаний торговые суда, которые переоборудовались и вооружались для ведения военных действий.

К 1 января 1878 г. в составе дунайской флотилии было всего только 2 броненосные лодки, 3 шхуны, 8 переоборудованных торговых пароходов, 2 мортирные пловучие батареи и около 20 паровых катеров<sup>3</sup>. К началу войны дунайская флотилия состояла всего только из 2 пароходов («Взрыв», «Заграждение») и 4 паровых катеров. В то же время Турция имела на Дунае одних только современных, по тому времени, броненосцев 8 единиц, не считая других военных судов<sup>4</sup>.

Несмотря на такое превосходство Турции в количестве и качестве судов, русские моряки своими героическими и самоотверженными действиями не только полностью блокировали турецкий флот на Дунае, но часто вели наступательные бои, выходя из них победителями.

В боевых операциях дунайской флотилии принимали непосредственное участие и пароходы «Опыт» и «Взрыв».

Пароход «Опыт» перед началом войны был куплен морским министерством у Русского общества пароходства и торговли и считался в дунайской флотилии лучшим «из всех купленных у Общества»<sup>5</sup>.

«Опыт» был построен в 1870 г. С начала войны он был вооружен двумя 4-фунтовыми орудиями и одной скорострельной пушкой. Русские моряки дунайской флотилии использовали его, прежде всего, как тральщик, для чего впереди парохода сделали приспособление, которое взрывало неприятельские мины на безопасном расстоянии от парохода. 27 сентября

<sup>1</sup> См. ЦГИА ВМФ, ф. 243, 1879, ед. хр. 11136, л. 3.

<sup>2</sup> ЭГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 7914, л. 1.

<sup>3</sup> Е. А р е н с. Роль флота в войну 1877—1878 гг., СПб., 1903, стр. 69.

<sup>4</sup> Н. Ч у б и н с к и й. Об участии моряков в войне с Турцией 1877—1878 гг., СПб., 1889, стр. 5; «Инженерный журнал», 1884, № 8, стр. 607.

<sup>5</sup> ЦГИА ВМФ, ф. 283, 1879, л. 83, л. 13.



пароход «Опыт», в составе флотилии (3 шхун), идя впереди этой флотилии, участвовал в бою в Сулинском рукаве Дуная с канонеркой «Сунна» и вооруженным турецким пароходом «Картал». Во время этого боя турецкая канонерка подорвалась на минах, поставленных накануне отрядом русских моряков.

На следующий день, 28 сентября, русский отряд вступил в бой с двумя турецкими броненосцами, которые были значительно повреждены и, спасаясь бегством, укрылись у г. Сулин, где находилась международная дунайская комиссия<sup>1</sup>. Пароход «Опыт» использовался в дунайской флотилии и для минных заграждений. 12 августа 1877 г. «Опыт», имея на буксире четыре минных катера, поставил минные заграждения в Георгиевском гирле Дуная у с. Махмудье. Болгарское население приветствовало русских моряков колокольным звоном, хлебом и солью<sup>2</sup>.

Во время этой операции был закрыт доступ турецким кораблям через этот рукав Дуная.

Пароход «Взрыв» был приобретен морским министерством у одной из торговых фирм в Галаце и во время войны был также использован в боевых операциях на Дунае. 30 апреля 1877 г. он участвовал в постановке минного заграждения в районе Браилова и Гичет, затем непрерывно транспортировал боеприпасы и все необходимое для снабжения 14-го армейского корпуса, находившегося в районе Добруджи.

Большую работу проделал экипаж этого парохода после окончания русско-турецкой войны в 1878 г., когда обострились англо-русские отношения. Экипаж перебросил в устье Дуная большое количество мин, артиллерии и всего необходимого для постройки оборонительных укреплений на случай отражения попытки вторжения английского флота в этот район.

Как указывалось выше, в составе переданных судов были и пароходы «Пародим» и «Горный Студень». Эти небольшие пароходы были изготовлены на одном из парижских заводов на средства морского министерства, но от имени частного лица, строителя Бендеро-Галацкой дороги Полякова<sup>3</sup>. На Дунай они были доставлены в разобранном виде и собраны были только в августе 1878 г., так что русской армии они никакой помощи не оказали.

В число переданных судов входили шесть паровых катеров, четыре из которых принадлежали инженерному управлению русской армии («Ракета», «Фердикс», «Мотала» и «Бавария»); два — морскому министерству («Птичка» и «Олафчик»)<sup>4</sup>. Эти катера с началом войны были доставлены на Дунай с Невы по железной дороге. Во время боевых действий катера широко использовались как для организации переправы русских войск, так и для постановки и снятия минных заграждений и т. п.

Все эти факты говорят о том, что русские суда, переданные Болгарии, были боеспособными военными судами.

Болгарии были переданы и механические мастерские в г. Рушук; эти мастерские были оборудованы токарными, сверлильными и другими станками, привезенными из Петербурга<sup>5</sup>. С помощью русских специалистов мастерские были развернуты потом в большое адмиралтейство, имевшее в своем составе такие мастерские, как механико-слесарную,

<sup>1</sup> Е. А р е н с. Указ, соч., стр. 65.

<sup>2</sup> В. Ч у б и н с к и й. Указ, соч., стр. 73—74.

<sup>3</sup> Там же, стр. 99.

<sup>4</sup> ЦГИА ВМФ, ф. 243, ед. хр. 11136, лл. 3—7.

<sup>5</sup> ЦГИА ВМФ, ф. 283, 1879, д. 83, л. 6.

чугунного и медного литья, кузницу, малярную мастерскую и артиллерийскую лабораторию. К 1885 г. в адмиралтействе работало по вольному найму 220 рабочих, не считая специалистов, состоявших в рядах армии<sup>1</sup>.

В начале 1880 г. во флоте Болгарии были проведены небольшие изменения. По просьбе болгарского правительства шхуна «Келассуры» была заменена пароходом «Голубчик», так как шхуна по своей осадке не могла заходить в болгарские порты Дуная<sup>2</sup>.

Болгарская общественность тепло отнеслась к тому, что Россия передала этот пароход. «Голубчик» — хороший корабль во всех отношениях», — писала болгарская газета<sup>3</sup>.

Как видно из приведенного документального материала, все суда принадлежали русскому флоту и не были трофейными судами, как неправильно утверждается в Большой Советской Энциклопедии<sup>4</sup>.

По просьбе Болгарии, в болгарском флоте добровольно остались русские матросы балтийского флота.

Балтийские моряки пришли в черноморский флот и дунайскую флотилию в качестве добровольцев. Один этот факт говорит о глубокой симпатии трудящихся масс России к братскому болгарскому народу, об их желании помочь ему в освобождении от турецкого ига. Трудящимся России были близки стремления трудящихся масс Болгарии к освобождению от многовекового феодального турецкого гнета.

В черноморском флоте балтийцы вошли в состав героических экипажей пароходов «Веста» и «Россия»<sup>5</sup>. Замечательной страницей в истории дружбы русского и болгарского народов, бескорыстной любви русского народа к болгарскому является участие русских моряков в обучении болгарских моряков. Первые учителя болгарских моряков сами были опытными моряками: они участвовали во многих боевых подвигах черноморского флота во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на пароходах «Веста» и «Россия».

Так, 11 июля 1877 г. «Веста», крейсируя вдоль западного берега Черного моря, встретила в 35 милях от Кюстенджи (Констанцы) с турецким броненосцем «Фехти-Буленд» и приняла неравный бой, продолжавшийся пять часов. Когда турецкий броненосец хотел таранить «Весту», русские моряки решили свалиться с ним на бордаж. Несмотря на понесенные потери в личном составе и повреждение парохода, героический экипаж заставил отступить вооруженный современной техникой турецкий броненосец<sup>6</sup>.

Другой пароход, «Россия», из состава экипажа которого остались потом в Болгарии охотники-балтийцы, крейсируя вблизи Анатолийского берега, 13 декабря 1877 г. недалеко от Пендерклии пленил большой турецкий вооруженный пароход «Мерсина», на борту которого находились два батальона турецких войск, секретная переписка Мухтара-паши, главнокомандующего турецкой армией в Малой Азии. Русские моряки привели «Марсину» в Севастополь<sup>7</sup>.

Для обучения болгарских моряков, как показывает анализ архивных документов, остались моряки самых различных специальностей<sup>8</sup>. Здесь

<sup>1</sup> А. Бендерев. Сербско-болгарская война. СПб., 1892, стр. 29.

<sup>2</sup> ЦГИА ВМФ, 1879, ф. 283, д. 54, л. 82.

<sup>3</sup> «Марица», 1880 г. 1 июля.

<sup>4</sup> БСЭ, т. 5, 2-е изд., стр. 418.

<sup>5</sup> ЦГИА ВМФ, 1879, ф. 283, д. 54, л. 67.

<sup>6</sup> Е. Аренс. Указ. соч., стр. 86.

<sup>7</sup> Там же, стр. 90.

<sup>8</sup> ЦГИА ВМФ, 1879, ф. 183, д. 33, л. 45.

мы видим боцманов, марсовых, матросов I и II статьи, машинистов, кочегаров и т. д. В составе инструкторов были даже водолаз и несколько специалистов по ремонту судов. Таким образом, для обучения болгарских моряков был подобран весь комплекс невоенных специальностей. В составе русских инструкторов был и инженер-механик.

Добровольно оставшихся в Болгарии русских моряков морское министерство не увольняло в отставку, а формально отпускало для службы на коммерческих судах. Дело в том, что на основании 873 и 874 статей торгового устава того времени военно-морскому ведомству разрешалось отпускать офицеров и матросов на коммерческие суда. В этом случае служба на коммерческих судах им зачислялась в действительную службу, а офицерам выплачивалась половина жалования по чинам. Служащие на коммерческих судах пользовались всеми правами военных моряков, их производили в следующий чин вместе с состоящими на действительной службе. Служба на коммерческих судах зачислялась в выслугу к государственной и эмиральной пенсиям и к получению орденов.

Питая братские чувства к трудящимся массам болгарского народа, русский народ стремился бескорыстно оказать ему помощь. Это и нашло свое выражение в героических подвигах русских моряков во время войны и в благородной помощи в деле обучения болгарских моряков. Русские моряки были направлены в Болгарию после эвакуации русской армии из страны. Они содержались на средства Болгарии, для чего в первом же бюджете были предусмотрены необходимые расходы на содержание флота в сумме 500 тыс. франков<sup>1</sup>.

Подбор личного состава экипажей во флот Болгарии производился из молодежи прибрежных селений Дуная и Черного моря, знакомых уже частично с условиями службы во флоте<sup>2</sup>. Срок действительной службы во флоте устанавливался в три года.

Личный состав русских моряков честно относился к своим обязанностям учителей. По окончании срока пребывания в Болгарии русские инструктора неизменно получали отзывы: «Исполнял возложенные на него обязанности со знанием своего дела»<sup>3</sup>.

К началу болгарско-сербской войны 1885 г. состав болгарского флота почти не изменился, прибавился только один пароход и две небольшие миноноски, вооруженные только одной пушкой. Но флот сыграл большую роль в военных действиях болгарской армии. Дело в том, что болгарский народ не ожидал, что во время воссоединения Южной Болгарии с Болгарским княжеством ему будет нанесен удар в спину со стороны Сербии князем Миланом, агентом Австро-Венгрии. Поэтому оборона Болгарии с севера не была организована. В частности, такая крепость, как Видин, оставалась не занятой гарнизоном, не говоря уже о ее вооружении, которое вообще было запрещено решением Берлинского конгресса.

По примеру русского флота, болгарские пароходы были вооружены на время войны 4-фунтовыми орудиями. Правда, флотилия непосредственно в боевых операциях не участвовала, но она принесла неоценимую помощь армии в транспортировке военных грузов и снаряжения.

В первый же рейс, в ночь с 18 на 19 сентября, два парохода с баржей перебросили в Видин 34 орудия (в том числе 6 тяжелых осадных орудий), 16 зарядных ящиков, 8500 снарядов и 2 роты солдат<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 7914, л. 242.

<sup>2</sup> Там же, л. 2.

<sup>3</sup> ЦГИА ВМФ, ф. 283, д. 83, л. 62.

<sup>4</sup> А. Бендерев. Сербско-болгарская война. СПб., 1892, стр. 468.

За время военных действий, около 1½ месяцев, пароходами «Голубчик», «Опыт», «Взрыв», «Яхта» было совершено около 120 рейсов и переброшено все необходимое для северного отряда, в том числе кавалерия. Одного продовольствия было переброшено около 500 тыс. пудов. Одним словом, крепость Видин была спасена благодаря самоотверженным действиям молодых болгарских моряков.

В деятельности болгарского флота того периода была еще одна очень важная деталь. Флот Болгарии не имел собственных военных командных кадров. И тогда на помощь болгарскому народу пришли русские моряки, находившиеся в отставке. По просьбе болгарского правительства, они приняли на себя командование пароходами. Большую помощь болгарскому флоту оказал русский ученый, изобретатель первого в мире электрического динамометра и первой в мире газовой турбины, капитан в отставке, Павел Дмитриевич Кузьминский, работавший на посту главного механика болгарского флота.

Так, независимо от корыстных классовых целей царского правительства, крепили связи двух братских народов.



---

В. Г. Карасев

Д. И. ПИСАРЕВ И СВЕТОЗАР МАРКОВИЧ

(Из истории русско-сербских общественных связей)<sup>1</sup>

Этническое и языковое родство, а также общность исторического развития славянских народов обусловили исключительную широту их культурных и общественных связей с братским русским народом.

Многовековые русско-сербские экономические, общественно-политические и культурные связи, вопреки наглым фальсификациям фашистских мракобесов из клики Тито — Ранковича, наглядно подтверждают это положение. Более того, можно без преувеличения сказать, что все передовые течения в истории сербской культуры и сербской общественной мысли были теснейшим образом связаны с прогрессивной русской общественно-политической и философской мыслью, с русской наукой и культурой и ее выдающимися представителями. Неопровержимые факты свидетельствуют о том, что в ходе исторического развития, по мере приближения к современности, русско-сербские связи неизменно росли и крепились, охватывая все более широкий круг отношений.

С середины прошлого столетия, когда на общественной арене появились русские революционные демократы, эти связи приобрели новые черты и обогатились глубоким революционным содержанием. Передовые представители братских славянских народов, выражавшие интересы и чаяния эксплуатируемых масс, стали завязывать между собой революционные связи помимо и вопреки желаниям своих реакционных правителей и правительств, с тем чтобы объединенными усилиями свергнуть антинародные, реакционные режимы в своих странах и повести освобожденные народы по пути свободы и прогресса.

Изучение революционных связей, революционных идей и революционно-демократической идеологии в истории каждой нации отвечает насущной задаче, поставленной В. И. Лениным перед исторической наукой.

«В *каждой* национальной культуре, — писал В. И. Ленин, — есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»<sup>2</sup>. И далее: «... мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес

---

<sup>1</sup> Настоящая статья является публикацией некоторых новых материалов о связях и отношениях сербского революционера-демократа С. Марковича с Д. И. Писаревым и о влиянии последнего на Марковича.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»<sup>1</sup>.

Сербский революционный публицист, руководитель революционно-демократического лагеря в сербском общественном движении 60—70-х годов Светозар Маркович (1846—1875) испытал на себе сильное и благотворное влияние освободительных идей русских революционеров-демократов. С передовой русской литературой он познакомился еще в Сербии, однако вплотную изучением русского революционного движения, передовой русской общественной мысли и науки Маркович смог заняться только в Петербурге, куда прибыл летом 1866 г.<sup>2</sup> Два с половиною года, проведенные им в Петербурге, в центре русского революционного движения той поры, оставили глубокий и неизгладимый след в его сознании. Здесь, по его собственному признанию, окончательно определилось его мировоззрение, как революционного демократа. Именно в Петербурге, под воздействием идеологии русских революционных демократов, которые, «испытав на себе влияние современной им европейской науки и революционных идей 1789 и 1848 гг., самобытно развили ее и двинули дальше»<sup>3</sup>, Маркович раз и навсегда определил свой жизненный принцип: «быть в сербском народе тем, кем были Чернышевский, Добролюбов и другие в русском народе»<sup>4</sup>.

Светозар Маркович считал себя учеником и последователем Н. Г. Чернышевского, которого он не называл иначе, как «наш великий учитель»<sup>5</sup>, и всю свою жизнь неустанно пропагандировал в Сербии идеи русских революционеров-демократов — передовой русской философии, науки, литературы и искусства. Он всемерно содействовал переводу произведений русских мыслителей на сербский язык и много переводил сам<sup>6</sup>.

Как известно, во время пребывания С. Марковича в Петербурге Н. Г. Чернышевский находился в далекой сибирской ссылке. Из славной плеяды русских революционеров-демократов 60-х годов Маркович мог видеть и лично познакомиться только с Д. И. Писаревым, который в год его приезда в Петербург вышел из Петропавловской крепости. Видел ли Маркович Д. И. Писарева? Да, видел. Как и при каких обстоятельствах — об этом рассказывает сам Маркович в одной из первых своих статей под названием «Литературный вечер»<sup>7</sup>.

«Литературный вечер» в Петербурге, — пишет Маркович, — это то же, что у нас «Беседа». Разница только в том, что у нас ни одна беседа не бывает без танцев, а у русских все литературные вечера проходят без них.

Вчера вечером состоялся один такой вечер в пользу ассоциации, основанной некими швеями в Петербурге. Собрание происходило в боль-

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 8.

<sup>2</sup> С. Маркович был студентом Института инженеров путей сообщения.

<sup>3</sup> Из статьи С. Марковича «Русские революционеры и Нечаев». Цит. по книге: Јован. Скерлић Светозар Марковић његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 128.

<sup>4</sup> Из письма С. Марковича — Л. Беллимарковичу от 26 июня 1869 г. Цит. по Скерличу, стр. 127.

<sup>5</sup> Там же, стр. 129.

<sup>6</sup> Скерлић отмечает, что С. Маркович перевел «Азбуку социальных наук» Флеровского и напечатал ее в газете «Глас јавности» за 1874 г. (стр. 127), «Очерки политической экономии по Миллю» Н. Г. Чернышевского (стр. 131) и другие работы, полный список которых еще далеко не определен.

<sup>7</sup> Статья эта была написана Марковичем в Петербурге, а напечатана в Белграде в сербской либеральной газете «Србија» (№ 29 за 1868 г.). Позднее статья вошла в собрание сочинений С. Марковича («Целокућна Дела»). Београд, 1893, т. II, часть 8, стр. 9—12. Перевод в сокращенном виде приводим по тексту последнего издания.



шом зале «Клуба художника»... В программе вечера было чтение стихов, прозы и пение.

Поэзия была представлена двумя произведениями из современной русской жизни. В первом стихотворении, под названием «Вампир», изображалась жена чиновника, которая своей красотой, ценой своей чести, покупает для своего мужа место у развращенного старика-вельможи (вампира), и русское общество, которое считает эту женщину мученицей, в то время как она просто испорченная женщина. В другом стихотворении, «Маскарад», изображалась испорченность современного русского высшего общества...

Впрочем, эти стихотворения у русских не имеют такого успеха, как об этом можно подумать, судя по содержанию. У русских это «старая песня». У них существует уже целая библиотека «обличительной литературы» в этом роде. Ее уже высмеяли знаменитые люди из молодой русской партии, такие, как Добролюбов, Чернышевский и др., так как она слишком мелочна и нерешительна, бьет по злоупотреблениям отдельных лиц, по испорченности отдельных классов, но не имеет мужества обрушиться на государственную систему, являющуюся причиной всего этого зла. Кроме того, русская публика имела таких гениев в литературе этого рода (как Гоголь), что ее теперь трудно удовлетворить всякими пустяками.

Из произведений, читанных в прозе, были чрезвычайно интересные: доклад о Генрихе Гейне, который прочел известный писатель из русской молодежи г. Писарев.

Сначала он очень бегло упомянул о том, какое влияние на развитие народа имеет плохое правительство, и в качестве примера привел французские правительства, разорившие французский народ и вызвавшие революцию. Затем он говорил о влиянии, которое оказывает общество на развитие отдельных людей, и о том, каким было общество, в котором был воспитан Гейне...

В заключение он, в частности, подчеркнул, что такие люди, как Байрон и Гейне, по своему уму далеко превосходили либералов и поэтому ненавидели все реакционное. «Это титаны,— сказал г. Писарев,— которые весь век проводят в отчаянной борьбе... Для них борьба является жизнью и наслаждением, ибо только в борьбе они забывают ничтожность мира, заставившую их подняться на борьбу».

Из статьи видно, что Маркович не только посещал вечера, собрания передовых, революционно мыслящих русских деятелей, но и усваивал их общественные и политические взгляды.

Для выявления всех связей, которые были установлены Марковичем с русскими революционными деятелями 60-х годов<sup>1</sup>, и, в частности, с нелегальным кружком петербургской учащейся молодежи того времени, под названием «Сморгонская академия»<sup>2</sup>, необходимы дополнительные, более детальные сведения об этом «вечере». Новые данные позволили бы выяснить, что представлял собою «Клуб художника», в котором происходил описанный Марковичем литературный вечер. Кто являлся инициатором созыва этого «вечера», кто присутствовал на нем? и т. д. К сожалению, среди русских материалов нам пока не удалось найти новых данных об

<sup>1</sup> О русско-сербских революционных связях см. статью Е. Н. Кушевой. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов. «Уч. зап. Ин. славяноведения», т. 1, М.—Л. 1949, стр. 343—358.

<sup>2</sup> См. исследование Б. П. Козьмина. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.

этом «Литературном вечере»<sup>1</sup>. Правда, мы располагаем одним косвенным свидетельством. В воспоминаниях революционера Л. Б. Гольденберга содержится весьма интересный факт. Л. Б. Гольденберг рассказывает о своем участии на нелегальном собрании в Петербурге в 1868 г. в школе Михайлова (Шеллера). «В этот вечер, — пишет современник и участник тех собраний, — читал доклад Писарев, а затем некий Крылов (возможно, что это был псевдоним) довольно хорошо читал свой собственный слабый рассказ, описывавший несчастное положение России того времени и беспощадно критиковавший учреждения страны и ее властителей»<sup>2</sup>.

У нас нет достаточных данных, чтобы отождествить это собрание с тем, которое описывал Маркович в статье «Литературный вечер», однако факт участия на том и другом собрании Д. И. Писарева сам по себе уже говорит о многом<sup>3</sup>.

Статья «Литературный вечер» является отнюдь не единственным свидетельством знакомства Марковича с высказываниями Д. И. Писарева. Большой философский труд Марковича — «Реальное направление в науке и жизни» (опубликован в двух журналах «Српски летопис» за 1871 и 1872 гг.) был написан под сильным влиянием русского революционера-демократа. Под непосредственным влиянием статьи Писарева «Наша университетская наука» была написана и автобиографическая повесть С. Марковича — «Как нас воспитали?»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Известно лишь, что стихотворение «Маскарад», о котором упоминает в своей статье С. Маркович, принадлежит перу поэта Д. Д. Минаева (1835—1889), примыкавшего в тот период к революционным демократам.

<sup>2</sup> Воспоминания Л. Б. Гольденберга. «Каторга и ссылка», 1924, № 3, стр. 99—100.

<sup>3</sup> Дело в том, что собрание с участием Л. Б. Гольденберга было организовано кружком «Сморгонская академия», с членами которого С. Маркович был знаком. Это подтверждает рассказ одного из видных деятелей этой тайной революционной организации, Варлаама Черкезова. См. упомянутую работу Б. П. К о з ь м и н а, стр. 117—118.

<sup>4</sup> Светозар Маркович. Целокупна дела, т. II, часть 8. Београд, 1893, стр. 13—54. Повесть написана в Петербурге.

В своей автобиографической повести Светозар Маркович цитирует небольшой отрывок из произведения Д. И. Писарева «Наша университетская наука». Ниже этот отрывок приводится полностью:

«Что значит учить для экзаменов, — пишет С. Маркович, — знает каждый, кто учился в Сербии, а для тех, кто не знает, я хочу привести слова одного русского автора, Писарева: «Ученик, если он учит какой-нибудь предмет для экзаменов, он запоминает из этого предмета некоторые картины на несколько дней; когда он выдержит экзамен — эти картины исчезают и заменяются другими, и так подряд, до последнего экзамена. Если бы, например, ученики, выдержав экзамен по зоологии, затем пришли сдавать экзамен по математике, а им объявили, что они должны снова держать экзамен по зоологии: я уверен, что те, кто знал на пять на первом экзамене, были бы на этот раз довольны 3, а тот, кто знал хуже, не знал бы ничего. Так меняются картины в голове» (см. С. М а р к о в и ч. Ц. Д., т. II, св. 8. Београд, 1893 г., стр. 49).

Приведенный отрывок представляет собой весьма приближенный перевод цитаты из Д. И. Писарева, воспроизводящий лишь общий смысл писаревского текста. Повидимому, С. Маркович цитировал на память. В этом легко убедиться при сравнении текстов. У Д. И. Писарева мы читаем: «Сдавши, например, выпускной экзамен из истории и приступая к занятию математикой, юноша разом вытряхивает из головы имена, годы и события, которые он еще накануне лелеял с таким увлечением... (следует пропуск нескольких абзацев).

«Положим, что сегодня, 21 мая, экзамен из географии происходит блистательно. Проходит два дня, 24-го числа те же воспитанники приходят экзаменоваться из латинского языка. Пусть тогда педагог, считающий меня фантазером, объявит юношам, что экзамена из латинского языка не будет, а повторится уже выдержанный экзамен из географии. Вы посмотрите, что это будет. По рядам распространится панический страх; будущие друзья науки увидят, что они попали в засаду; начнется такое избивание младенцев, какого не было со времени нечестивого царя Ирода; кто 21 мая получил пять баллов, помирится на трех, а кто довольствовался тремя, тот не скажет ни

Не менее значительным было влияние Д. И. Писарева (наряду с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым) и на эстетические взгляды сербского мыслителя. Ведя борьбу против пагубного влияния идеалистов-эстетов на сербскую литературу, С. Маркович обращался к сочинениям Д. И. Писарева. В статье «Поэзия и мышление»<sup>1</sup>, разоблачая метафизические принципы сербских эстетов, он писал:

«Эстеты, утверждая по своему желанию, «a priori», что человеку «от рождения» присущи некие абсолютные идеи, бог знает откуда запавшие в его душу, доказывали, что и идея абсолютно прекрасного присуща человеку независимо от формы, в которой она проявляется. Исходя из такой ложной посылки, они доказывали, что все искусства возникли из стремления человека осуществить идею о прекрасном идеале — из стремления дополнить природу. Несчастные люди! Они воображали, что дополняют природу, в то время как весь их труд был жалким подражанием природе». Для доказательства укажу только на один пример, приводимый Писаревым: «Известно, — говорит Писарев, — что высший род поэзии — драма: но всякий знает, что все драмы, в том числе и драмы Шекспира, приближаются к действительной жизни только тогда, когда в них удовлетворительно исполняются роли, — значит необходима совершенно новая отрасль искусства, необходимы: ум, талант и образование, для того только, чтобы понимать и комментировать бледные намеки на действительность»<sup>2</sup>. «Конечно тот, — продолжает далее Маркович, — для кого еще являются авторитетами Аристотель, Гегель, Куно Фишер и другие метафизики, назовут неслыханной дерзостью провозглашение гениальных творений Шекспира бледными копиями природы, а эстетику праздно выдуманной. Но люди науки неоспоримо доказали, что метафизические теории о прекрасном — пустая выдумка»<sup>3</sup>.

Кроме как в статье «Поэзия и мышление», отрывок из которой мы только что привели, других подобных ссылок на произведения Д. И. Писарева в сочинениях С. Марковича, опубликованных до настоящего времени, нет. Известно, однако, что основные произведения Писарева были переведены на сербский язык уже в 70-х годах XIX в. В своей монографии о С. Марковиче И. Скерлич приводит довольно большой список работ Д. И. Писарева, переведенных на сербский язык в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия и опубликованных в различных сербских изданиях<sup>4</sup>.

одного лутного слова». Д. И. Писарев. «Наша университетская наука (Университет)», см. Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах. ОГИЗ. 1934 год, т. I, стр. 329—340.

<sup>1</sup> Там же, стр. 55—71. Статья написана в Петербурге 24 сентября 1868 г.

<sup>2</sup> Эта цитата взята С. Марковичем из «Разрушения эстетики» Писарева, причем с большими сокращениями. Для сравнения приводим текст Писарева: «Кто усомнится в верности этой мысли, тому я могу предложить следующее доказательство. Известно, что высший род поэзии — драма; известно, что лучшие драмы в мире написаны Шекспиром; выше шекспировских драм в поэзии нет ничего; стало быть, если образы шекспировских драм окажутся бледными и неопределенными намеками на действительность, то о всех остальных поэтических произведениях нечего будет и говорить. Но всякий знает, что все драмы, в том числе и драмы Шекспира, достигают некоторой определенности, приближающей их к действительности, только тогда, когда они играют на сцене; всякий знает далее, что играть удовлетворительным образом шекспировские роли могут только замечательные артисты; значит, необходима целая новая отрасль искусства для того, чтобы придать поэтическим образам некоторую определенность; значит, необходим ум, талант и образование для того, чтобы понимать, комментировать, бледные и неопределенные намеки на действительность». См. Д. И. Писарев, Соч., ч. IV. С.-Петербург, 1867, стр. 115.

<sup>3</sup> С. Маркович. Целокупна дела, т. II, ч. 8, стр. 59.

<sup>4</sup> Вот этот список: «В 1869 г. в «Вили» Стоян Новакович переводит отрывок из Писарева под названием «Поэты». В 1870 г. «Србија» печатает «Дарвинову теорију»



Но ни Скерлич, ни другие авторы, писавшие о Марковиче, не упоминают о переводах статей Писарева, напечатанных в газете «Радник» (газета выходила в Белграде с 1 июня 1871 г. до начала 1872 г.), фактическим организатором и руководителем которой был Светозар Маркович. Между тем такие переводы были. Мы знаем об этом из серии «Мала библиотека», выходящей в 1877 г. в Новом Саде. В первом выпуске этой серии за 1877 г. даны переводы двух статей Д. И. Писарева: «Пчелы» и «Разговор с либералом», причем указано, что они перепечатаны из «Радника».

В данном случае речь может идти только о «Раднике» Светозара Марковича, так как никакой другой газеты с подобным названием в Сербии до 1877 года не существовало<sup>1</sup>.

Обратимся теперь к рассмотрению интересующих нас статей.

Статья Д. И. Писарева «Пчелы» принадлежит к числу выдающихся произведений русского критика и мыслителя. В ней мысль Писарева достигает зрелости и совершенства. Но мы не будем касаться содержания самой статьи, это не входит в нашу задачу. Для нас сейчас важнее подчеркнуть другое, а именно, что статья «Пчелы» впервые появилась в 1868 г. в первом издании сочинений Д. И. Писарева, предпринятым Ф. Павленковым, с указанием даты ее написания — 1862 г. Начиная с этой публикации и вплоть до настоящего времени, во всех изданиях статья неизменно кончалась многоточиями<sup>2</sup>. Последняя фраза статьи такова: «Между тем пролетарии, встревоженные увяданием цветов, также начинают собираться в кучки и толковать...»<sup>3</sup> Это служило указанием на то, что по каким-то причинам (вероятнее всего, из-за цензуры)

(Повидимому отрывок из большой работы Д. И. Писарева — «Прогресс в мире животных и растений». — В. К.). Светозар Никетич объявляет подписку на «Историческое развитие европейской мысли», Рафа Милошевич посылает для «Млада Србадија» «Напредоване животиња и растења» («Прогресс в мире животных и растений». — В. К.), в богословском обществе «Братство» один из членов его читает «Поглед инглеских мислилаца на современе потребе друштвене» («Взгляды английских мыслителей на умственные потребности современного общества»). В 1871 г. «Јединство» (№№ 150—183) печатает «Преглед умног живота у Среднем Веку» (Повидимому, «Перелом в умственной жизни средневековой Европы». — В. К.). В 1871 г. в «Јединству» (№№ 21—26) «Историја развија у старо доба» (без текста трудно точно установить название статьи на русском языке. Возможно, это «Исторические эскизы». — В. К.), которая была напечатана отдельной книгой; в 1873 г. объявляется подписка на «Исторические идеи Огюста Конта». В 1873 г.: «Исток» (№№ 64—132) печатает «Историјски развитак рада» (вероятно, «Очерки из истории труда». — В. К.), «Будућност» (№ 72) публикует «Нови век или доба метафизичких доказа» (возможно, это «Популяризаторы отрицательных доктрин» или «Времена метафизической аргументации», как были названы XVII—XXIII главы большой работы «Исторические идеи Огюста Конта», напечатанные в сборнике «Луч» за 1866 г. — В. К.). См. Јован С к е р л и ч. Светозар Марковић његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 133.

<sup>1</sup> В 1881 г. непродолжительное время выходил другой «Радник», основанный Митой Ценичем (1851—1888), учеником и соратником Светозара Марковича, бывшим сотрудником первого «Радника», (1871—72 гг.). В своей газете Мита Ценич напечатал перевод статьи Д. И. Писарева «Пролетаријат што мисли» — «Мыслящий пролетариат». См. С к е р л и ч. Цит. соч., стр. 130. В том же 1881 г. эта статья Писарева на сербском языке вышла отдельным изданием: «Пролетаријат што мисли» од Д. И. Писарева (превод с руског) издање редакције «Радника» Прештампано из «Радника». Београд, 1881.

<sup>2</sup> Исключением является издание: Д. И. Писарев. Избранные философские и общественно-политические статьи под редакцией и с предисловием В. С. Кружкова. Госполитиздат, 1949. Здесь многоточие не обозначено. Концовка статьи дается в прежнем варианте. Правда, в примечаниях к статье оговорено, что «при прохождении цензуры статья в самом конце подверглась, повидимому, сокращению».

<sup>3</sup> Д. И. Писарев. Соч., ч. 9. Изд. Ф. Павленкова. С.-Петербург, 1868, стр. 23.

статья не имела окончания. И действительно, читатель так и не узнает о развязке конфликта, назревавшего в пчелином улье<sup>1</sup>.

В сербском же тексте статьи приводятся многоточия и затем следует еще продолжение. Концовка «Пчел» в сербском тексте представляет собой самостоятельный абзац, причем без кавычек (последние могли бы служить указанием на то, что это не авторский текст), и дословно гласит следующее (в силу важности этого отрывка мы даем тексты и на сербском языке и в переводе):

За оне, кој јоп не знају свршетак у овако добро уређеном друштву, ми смо слободни напоменути: да у том тренутку пчеле раднице забораве на све захтеве учтивости и друштвене потпуности, те свом снагом својом и свим жакама својим јурише на благородне трутове, поубијају их, и избаце на пље из кошнице<sup>2</sup>.

Для тех, кто еще не знает исхода дела в столь хорошо организованном обществе, мы берем на себя смелость напомнить: в тот момент рабочие пчелы, забыв все требования учтивости и социального подчинения и собрав все свои силы и пустив в ход все свои жала, пошли в атаку на благородных трутней, перебили их и выбросили вон из улья.

Прежде чем пытаться делать выводы на основании приведенного отрывка, необходимо рассмотреть вторую статью — «Разговор с либералом». Как отмечалось выше, впервые эта статья на сербском языке была также помещена в «Раднике». Но, в отличие от статьи «Пчелы», «Разговору с либералом» предпослано предисловие от переводчика, в котором говорится:

«Тем, которые с воодушевлением кричат: «Свобода, равенство, братство», которые говорят, что любят свой народ, а между тем живут за счет доходов, которые им приносят другие, тем не доставит удовольствия чтение этого разговора; они здесь увидят себя в истинном свете, они увидят, что величайшей ложью является их утверждение, что будто бы они любят свой народ, ибо тот, кто не производит, должен жить за счет другого, бесчестно присваивать (любими путями) заработок другого. Тот, следовательно, наносит вред своему народу, он расточает то, что приобрели другие; а говорить еще, что он любит свой народ, было бы дерзкой бессмыслицей, такой же бессмыслицей, как если бы вор утверждал, что он любит того, кого он обокрал.

Я взял этот разговор из книги сочинений Д. И. Писарева. «Либерал», которого читатель найдет в этом разговоре, является русским, между тем я оставляю на собственное усмотрение читателя перенести отсюда, если он захочет, что-либо и на нас; я не даю ему никаких советов и не от чего его не отсоветываю, я лишь прошу его с большим вниманием отнестись к подчеркнутым местам и, делая выводы, думать своим собственным мозгом. Теперь я хочу перейти к самому разговору.

Переводчик<sup>3</sup>.

Таким образом, в предисловии содержится точное указание на то, что «Разговор с либералом» извлечен из книги 4 сочинений Д. И. Писарева. Поскольку «Радник», в котором был напечатан впервые перевод этой статьи, выходил в 1871—1872 гг., то означенная книга 4 может относиться лишь к первому изданию сочинений Д. И. Писарева, вышедшему с 1866 по 1868 г. Однако ни в части 4 первого издания сочинений

<sup>1</sup> Автографа этой статьи, как известно, не сохранилось.

<sup>2</sup> «Мала библиотека». Пчеле. Разговор с једним либералом. Нови Сад, 1877, стр. 41.

<sup>3</sup> Там же, стр. 45.

Писарева, ни в других изданиях позднейшего времени статьи Писарева под таким названием не значится. Тем не менее, на основании содержания «Разговора», нетрудно установить, что он является заключительной частью большой работы Писарева под названием «Подрастающая гуманность (сельские картины)», действительно помещенной в части 4 первого издания его сочинений.

Как в статье «Пчелы», так и в статье «Разговор с либералом» обращает на себя внимание концовка, которой нет в печатном тексте у Писарева. Статья Д. И. Писарева «Подрастающая гуманность» в первом издании его сочинений (как, впрочем, и во всех других изданиях) заканчивается следующим абзацем:

«По-моему давно пора прекратить этот разговор. Поезжайте к себе в деревню, откажитесь от глухих фантазий, свойственных петербургскому студенту, и превращайтесь поскорее в образцового хозяина. Вы сами знаете очень хорошо, что для вас в жизни нет другой дороги»<sup>1</sup>.

В сербском тексте есть продолжение, причем без кавычек и без нового абзаца. Приводим это продолжение на сербском языке с нашим переводом.

На крају упамтите ову просту истину: били ви добри, били хрџави, као што се видели, неће вам бити добро. Ако ви будете добри вас ће упропастити радници; а ако ви будете хрџави, ви ћете упропастити њих. Ни једно ни друго вама се не допада, а ви не можете да схвате од куд то долази. Међу тим то долази из најпростијег узрока: што би ви хтели да останете «господар», а радници ваше «слуге» што ви хоћете да примате приход, а не радите. Немојно, маните се господства, радите ви сами, па да видите да неће бити никакве невоље. Пробајте... Али куд је вама до такве пробе? Ви више волете «по староме». Идите ви па угодно живете и даље по старом. Има друга врста људи, која ће да разруши то «старо», довољно јака да не тражи ваше помоћи»<sup>2</sup>.

В заключение запомните следующую простую истину: будете ли хорошим или плохим, вам, как вы могли видеть, не будет добра. Если вы будете хорошо обращаться с работниками, то они вас разорят, а если плохо, то вы доведете их до разорения. Ни то ни другое вам не нравится, и вы не можете понять, отчего это происходит? Между тем причина этого чрезвычайно проста: вы хотели бы оставаться «господином», а работники — вашими «слугами», вы хотите, не работая, получать доход. Полно, откажитесь от господства, работайте сами, и вы увидите, что не случится никакой беды. Пробуйте... Но куда вам до такой попытки? Вы предпочитаете жить «по-старинке». Идите и живите в довольстве по-старому. Есть люди много склада, которые разрушат это старое, причем люди достаточно сильные, чтобы не искать вашей помощи.

Размеры и характер статьи не позволяют нам привести все характерные особенности и отступления от оригинала в сербском переводе разбираемых статей Д. И. Писарева. Не можем мы воспроизвести и все «подчеркнутые места» из «Разговора с либералом», на которые переводчик просит обратить особое внимание сербских читателей, хотя сами по себе эти «подчеркнутые места» представляют большой интерес. Достаточно сказать, что в тексте Писарева подчеркнутых слов и выражений насчитывается всего 19, тогда как в сербском их более ста.

Из всего вышесказанного возникают, по крайней мере, два основных вопроса:

- 1) кто является переводчиком разобранных нами статей Д. И. Писарева? и
- 2) принадлежат ли приведенные нами концовки этих статей Писареву или их сделал сербский переводчик?

<sup>1</sup> Д. И. Писарев. Соч. ч. 4. Изд. Ф. Павленкова, СПб., 1876, стр. 159.

<sup>2</sup> «Мала библиотека». Пчеле. Разговор с једним либералом. Нови Сад, 1877, стр. 62.



Внимательное текстологическое изучение сербских переводов разбираемых статей Д. И. Писарева, а также литературных приемов переводчика, характера и стиля предисловия к статье «Разговор с либералом», в сопоставлении с другими фактами, о которых мы отчасти упоминали в статье, дают, как нам кажется, основание считать автором сербского перевода этих статей Писарева — Светозара Марковича.

Приведем важнейшие доказательства в пользу нашего предположения:

1. Подбор статей Писарева для помещения их в «Раднике» отнюдь не случаен. Он целиком и полностью отвечает насущным целям борьбы сербских революционных демократов против находящихся у власти либералов и их антинародного режима. Сделать это мог человек, хорошо знакомый с творчеством русских революционеров-демократов. Таким человеком в тогдашней Сербии и был Светозар Маркович.

2. Содержание окончания статей «Пчелы» и «Разговор с либералом» свидетельствует о том, что их переводчиком мог быть только революционно мыслящий человек. Сторонником революционного метода разрешения социальных и политических конфликтов в Сербии того времени и был как раз Светозар Маркович. И, наконец,

3. Характер предисловия к «Разговору с либералом» и его стиль (вплоть до отдельных выражений и оборотов речи) удивительно совпадают с манерой писания Марковича и не оставляют сомнения в том, что его автором был Светозар Маркович.

Более того, в других произведениях Марковича этой поры встречаются выражения и термины, заимствованные из статьи Д. И. Писарева «Пчелы». Так, в статье «Рабочий вопрос», рассказывая о расколе общества на два антагонистических класса, С. Маркович использует аллегорический прием Д. И. Писарева и говорит о разделении общества на «трудолюбивых пчел и ленивых трутней»<sup>1</sup>.

Что касается второго поставленного нами вопроса, то, при отсутствии рукописей этих статей Д. И. Писарева, окончательно ответить на него не представляется возможным.

Одно можно сказать, что если Маркович и не был знаком с рукописью этих статей Писарева, то такие концовки он мог сделать сам, исходя из смысла и духа писаревского изложения.

Какой же вывод относительно русско-сербских общественных связей можно сделать на основании приведенных нами материалов?

Публикуемые материалы красноречиво свидетельствуют о благотворном революционизирующем влиянии русских революционных демократов на передовых представителей сербского общественного движения. Это еще и еще раз подтверждает высокую оценку, данную В. И. Лениным русским революционерам-демократам на примере деятельности Н. Г. Чернышевского, который «... умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»<sup>2</sup>.

Воспитанные на творчестве русских революционеров-демократов, на русских революционных традициях, передовые сербские деятели несли революционные идеи русских мыслителей в массы, поднимая их на борьбу за свое освобождение.

Любовь к передовой русской науке, русской литературе и культуре вдохновляла в прошлом и вдохновляет и теперь лучших людей Югосла-

<sup>1</sup> С. Маркович. Целокупна дела, т. I, часть 2, Београд, 1912, стр. 109—110.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

вии на борьбу за свободу и счастье своего народа против всех и всяческих поползновений внутренних и внешних врагов. Стремление белградской фашистской клики наемных шпионов и убийц, презренных оруженосцев зарвавшихся американо-английских империалистов ввергнуть народы Югославии в пучину новой мировой войны обречено на провал. Народы Югославии, верные вековой дружбе со своим освободителем — великим русским народом, никогда не поднимут оружия против СССР и стран народной демократии.

«Испокон веков между русским и югославскими народами существуют дружеские связи, — заявил в своем приветствии XIX съезду ВКП(б) председатель «Союза югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито — Ранковича и империалистической неволи» Перо Попивоца. — Страницы старой и новой истории Югославии полны примерами, говорящими об огромной помощи и защите, оказывавшейся русским народом своим югославским братьям в самые трудные периоды их истории. С другой стороны, они полны примеров верности и признательности, которыми югославские народы отвечали своим русским братьям по крови и оружию.

Историческое развитие югославских народов столетиями находилось в прямой зависимости от взаимоотношений и связей с великим русским народом, с его моральной и материальной, политической и военной помощью.

Исторические факты говорят, что югославские народы, наперекор всем антинародным режимам, были и остались верными друзьями и союзниками великого русского народа, что они высоко ценят его дружбу и братскую помощь»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> «Правда», 14 октября 1952 г.

---

**В. И. Владимирская**  
**К ВОПРОСУ О ПУБЛИКАЦИИ РАБОТ**  
**В. И. ЛЕНИНА и И. В. СТАЛИНА**  
**В БОЛГАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**  
**в 1917—1918 гг.**

Героическая революционная борьба русского пролетариата, деятельность большевистской партии и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина оказывали решающее влияние на развитие болгарского рабочего движения. В создании Болгарской коммунистической партии, в ее борьбе против оппортунизма и в преодолении ошибок величайшую роль сыграл всемирноисторический опыт ленинско-сталинской большевистской партии.

Стратегия и тактика большевизма, идеи и дела большевиков обогащали и учили пролетарских революционеров всех стран. Вождь болгарского пролетариата Г. Димитров в 1934 г. говорил: «Мы учились, учимся и впредь будем учиться у славных русских большевиков»<sup>1</sup>.

Болгарская коммунистическая партия, возглавляющая и организующая строительство социализма в Болгарии, широко пропагандирует ленинско-сталинские идеи, историю и теорию большевизма, черпая в них ясность перспективы, уверенность в победе лагеря мира и социализма. Все основные произведения Ленина и Сталина многократно издавались большими тиражами в народно-демократической Болгарии. Начато издание собрания сочинений великих вождей русского и международного пролетариата.

Гениальные труды Ленина и Сталина идейно вооружают болгарских коммунистов, вдохновляют их в борьбе за торжество социализма в своей стране.

Партия тесняков с начала своего существования испытывала сильное благотворное влияние ленинско-сталинских идей. Только благодаря этому она смогла стать передовым, интернационалистским отрядом болгарского пролетариата выдвинуться в ряды революционных марксистских организаций среди левых социал-демократических группировок Запада, а затем, после Великой Октябрьской социалистической революции, встать на путь большевизации.

Разработка истории болгарского рабочего движения и Болгарской коммунистической партии требует всестороннего изучения решающего влияния большевистской партии и ее вождей Ленина и Сталина. Без этого нельзя понять и объяснить сложный процесс создания подлинно революционной партии болгарского пролетариата.

---

<sup>1</sup> Г. Д и м и т р о в. Партиздат, 1937, стр. 2.

Все это предопределяет исключительную важность тщательного выявления и изучения всех публикаций работ Ленина и Сталина в болгарской революционной печати — марксистской на протяжении всех этапов истории рабочего движения и коммунистической партии Болгарии.

Задача настоящего сообщения и заключается в том, чтобы на анализе публикаций в болгарской социал-демократической тесняцкой прессе некоторых работ Ленина и Сталина в 1917—1918 гг. обратить внимание на важность и некоторые специфические особенности этой источниковедческой работы.

Первые труды В. И. Ленина и И. В. Сталина печатались в Болгарии еще в годы революционной борьбы болгарского пролетариата. Так, например, в 1904 г. были опубликованы отрывки из работы В. И. Ленина «Что делать?» в журнале «Работническо дело». Многие работы В. И. Ленина издавались в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Так, в 1917—1918 гг. в органе болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков) — газете «Работнически вестник» в сокращенном виде публиковались многие работы Ленина. 6 сентября 1917 г. в этой газете, под заголовком «Классовая борьба в период русской революции», было напечатано «Письмо 1-ое — Первый этап русской революции» («Письма издалека»). Письмо печаталось без подписи. В газете «Работнически вестник» от 2 октября 1917 г. печатались в некотором сокращении ленинские «Письма о тактике». В номере от 15 ноября 1917 г. в качестве передовой статьи публикуется работа Ленина «Кризис назрел».

В 1918 г. «Работнически вестник» опубликовал в сокращенном виде статью В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой сформулирован гениальный ленинский вывод о возможности победы социализма в одной стране. Эта статья помещена в газете тесняков в качестве передовой в номере от 8 мая 1918 г. под заголовком «Будущая Европа» и дана без подписи.

Особый интерес вызывает публикация в газете «Работнически вестник» в мае — июне 1918 г. гениального труда В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эта ленинская работа печаталась в центральном органе партии тесняков в переводе и изложении Д. Благоева, с его комментариями. Метод изложения был избран Благоевым как наиболее приемлемый и удобный для ознакомления читателей с существом ленинского труда, подлинный текст которого обильно цитировался Благоевым. Так, в номере от 11 мая 1918 г. Благоев полностью цитирует ленинское определение империализма, начиная со слов: «Если бы необходимо было дать...» до конца стр. 253 тома 22 (4-го издания), включая абзац, заканчивающийся словами: «...крупнейшими капиталистическими странами». «Очень важно знать, — заключает цитату Д. Благоев, — как Ильин (т. е. В. И. Ленин. — В. В.) обосновал свое понимание империализма и каковы его практические выводы для социал-демократии и вообще пролетариата». При этом, как уже указывалось, изложение было лишь способом ознакомления с дословным текстом работы В. И. Ленина. Так, например, в номере от 23 мая 1918 г. с небольшими сокращениями напечатан второй раздел ленинского труда «Банки и их новая роль». В номере от 10 июня 1918 г. в передовой, подписанной Благоевым, печатается четвертый раздел работы Ленина «Вывоз капитала», также с небольшими сокращениями. 7 июля газета напечатала заключение Благоева.

В 1918 г. в Софии вышла отдельной брошюрой работа В. И. Ленина «Военная программа пролетарской революции».



Это перечисление не исчерпывает, разумеется, всего списка работ В. И. Ленина, напечатанных в Болгарии в 1917—1918 гг.

Большое значение имеет выяснение даты первой публикации работ И. В. Сталина в болгарской социал-демократической печати. До сих пор считалось, что первая работа И. В. Сталина напечатана в Болгарии в 1922 г. В вышедшем в 1951 г. в Болгарии библиографическом сборнике «Сталин на Български», составленном Павлиной Кънчевой под общей редакцией Т. Борова, указывается, что впервые работы товарища Сталина на болгарском языке были напечатаны в 1922—1923 гг. В этом сборнике в статье «Сталин на Български» Т. Боров пишет: «Первой работой товарища Сталина, переведенной на болгарский язык, как установил К. Д. Каруцин («Письмо в редакцию» — «Литературен фронт», № 18, 5 января 1950 г.), необходимо считать статью «Мелкие заметки», помещенную в иллюстрированном приложении к «Работнически вестник» от 7 ноября 1922 г., посвященному 5-летию Октябрьской революции, под названием «Товарищ Ленин на отдыхе», подписанную: «И. Сталин». Затем была переведена на болгарский язык другая работа И. В. Сталина — «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов», опубликованная в русской газете «Правда» от 14 марта 1923 г.

... Работа эта опубликована на болгарском языке в журнале «Ново време», книга 17 от 15 мая 1923 года (Български библиографически институт, Елин Пелин. Сталин на Български. София, Печатница дечо Стефанов, 1951 г., стр. XIX).

Таким образом, в изданном в Болгарии в 1951 г. библиографическом сборнике напечатание первой работы И. В. Сталина на болгарском языке датируется 7 ноября 1922 г.

В процессе работы над газетой Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесняков) «Работнически вестник» за 1917 г. нам удалось обнаружить напечатанную в этой газете от 23 июля 1917 г. (№ 63) работу И. В. Сталина «Вчера и сегодня» («Кризис революции»), т. е. до Великой Октябрьской социалистической революции<sup>1</sup>.

Работа И. В. Сталина «Вчера и сегодня» («Кризис революции») опубликована в газете в сокращенном виде под заголовком «Кризис в русской революции» и дана без подписи. «Работнически вестник» сообщал, что эта статья была перенечатана из «Правды». В действительности, она была напечатана в «Солдатской правде», № 42 от 13 июня 1917 г. и подписана: «К. Сталин».

Эта работа товарища Сталина относится к периоду подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, к периоду революционной мобилизации масс на победу социалистической революции. Она отражает острую и непримиримую борьбу большевиков против идеологии и политики соглашательских партий России и Запада, против западных и российских империалистов, продолжавших империалистическую войну. Она также отражает борьбу И. В. Сталина за мир, как важнейший элемент ленинско-сталинской стратегии в социалистической революции. И. В. Сталин в этой работе писал: «Сомнения невозможны. Война была и остаётся империалистической. Разговоры о мире без аннексий при готовящемся на деле наступлении лишь прикрывают грабительский характер войны. Временное правительство определённо стало на путь **активного** империализма. То, что вчера ещё казалось невозможным, сегодня стало возможным благодаря вступлению «социалистов» во Временное правительство. Прикрывая социалистическими фразами империалисти-

<sup>1</sup> См. И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 80—87.

ческую сущность Временного правительства, они укрепили и расширили позиции поднимающейся контрреволюции. «Социалистические» министры, с успехом используемые империалистической буржуазией в своих контрреволюционных целях — вот каково теперь положение»<sup>1</sup>.

И далее: «Развитие нашей революции вступило в полосу кризиса. Новый этап революции, врывающейся во все сферы хозяйственной жизни и революционизирующей их снизу доверху, подымает на ноги все силы старого и нового мира. Война и связанная с ней разруха обостряют классовые противоречия до последних пределов. Политика соглашений с буржуазией, политика лавирования между революцией и контрреволюцией становится явно несостоятельной»<sup>2</sup>.

Газета «Работнически вестник» печатает вывод сталинской статьи «Вчера и сегодня» («Кризис революции») со слов «Развитие нашей революции...» до конца 87 стр. тома 3 Сочинений И. В. Сталина.

Наряду с печатавшимися в газете работами В. И. Ленина, статья И. В. Сталина «Вчера и сегодня» оказала большое влияние на партию тесняков, на их позицию по вопросам войны, мира и революции в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Несомненно, что эти работы Ленина и Сталина, опубликованные в 1917—1918 гг., сыграли важную роль в дальнейшем процессе изживания ошибок и приближения партии тесняков, уже в 1919 г. объявившей себя коммунистической, к ленинско-сталинским большевистским позициям по узловым вопросам международного революционного движения.

На наш взгляд, не исключена возможность, что работы И. В. Сталина печатались в Болгарии и в более ранний период. Начатая Болгарским библиографическим институтом работа по составлению библиографии трудов И. В. Сталина имеет первостепенное значение. В дальнейшей работе авторам библиографического сборника «Сталин на Български» необходимо учесть, что работы И. В. Сталина (как это мы видели на примере его статьи «Вчера и сегодня») могли печататься и, очевидно, печатались в Болгарии до 1917 г. и в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции без подписи и даже под другими названиями.

Это обязывает к тщательному изучению всей печати болгарской социал-демократической, а затем коммунистической партии.

Эти важные источниковедческие исследования позволят выяснить в более полном объеме вопрос о путях влияния ленинско-сталинских идей на создание и развитие Болгарской коммунистической партии.

<sup>1</sup> И. В. С т а л и н. Соч., т. 3, стр. 84—85.

<sup>2</sup> Там же, стр. 87.

Л. С. Кишкин

## ДЕКАБРИСТ ВРАНИЦКИЙ

(Из истории русско-чешских связей)

Подъем национального движения в Чехии и Словакии в конце XVIII—начале XIX в. сопровождался интенсивным развитием разносторонних связей с Россией.

Деятели этого движения, направленного против гнета Габсбургской монархии, заявляли о близком родстве чехов и словаков с великим русским народом. С надеждой смотрели они на Восток, думая о помощи в борьбе за независимость против австрийской узурпации.

Почти все виднейшие чешские и словацкие ученые, нередко бывшие и крупными общественными деятелями того периода, получившего в литературе название «национального возрождения» (Добровский, Юнгман, Шефарик, Челаковский, Коллар и т. д.), находились в тесных связях с представителями русской культуры.

Большой интерес к общественной жизни и культуре чехов и словаков возник в свою очередь в то время и в России. Подтверждением этому является множество научных поездок, которые совершили русские (Т. Н. Грановский, Н. В. Станкевич, И. И. Срезневский, О. М. Бодянский и др.) в 20—40-х годах прошлого столетия в чешские земли и в Словакию. В те же годы с жизнью чешского и словацкого народов непосредственно знакомятся многие русские писатели (Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков, Н. В. Гоголь, В. И. Григорович и др.).

Развитию интереса чехов и словаков к русскому народу способствовало неоднократное пребывание на их территории русских войск в период наполеоновских войн.

Благожелательно встречали русских чехи и словаки в 1799 г., когда русские войска под командованием Суворова проходили в Италию через Моравию и Чехию. В 1813 г., когда русские войска под Хлумом в Северной Чехии вели бои с Наполеоном, то раненные в этих боях солдаты и офицеры получали помощь в чешских лазаретах и затем отправлялись на отдых в окрестности Праги. Широкие круги пражского общества глубоко симпатизировали русским. Представления в Сословном театре в Праге, на которых присутствовали русские, превращались в громкие манифестации русско-чешской дружбы<sup>1</sup>.

Символом дружбы русского народа с народами Чехословакии является памятник русским офицерам на Ольшанском кладбище в Праге, на кото-

<sup>1</sup> См. книгу «1000 let Kronika československo—ruských styků slovem i obrazem», 1947, стр. 21, а также в книге В. А. Францев. Русские в Чехии. 1913, стр. 11, 12, 18.

ром можно прочесть: «Памятник храбрым российским офицерам, которые от полученных ими ран в сражениях под Дрезденом и Кульмом в августе месяце 1813 года в городе Праге померли».

Победы русских войск над Наполеоном воспринимались в Чехии и Словакии с воодушевлением. Были случаи, когда в те годы чехи и словаки поступали на службу в русскую армию<sup>1</sup>.

Судьбе одного из них и посвящено настоящее сообщение.

В 1950 г. наша общественность широко отмечала 125-летний юбилей восстания декабристов, первых русских революционеров, поднявшихся на борьбу против крепостничества и самодержавия.

Мало известен тот факт, что под знаменем революционной борьбы передовых русских людей начала прошлого века шел чех, полковник русской армии Василий Иванович Враницкий<sup>2</sup>.

Сведений о Враницком мало, нередко они противоречивы, однако все же небезинтересны и заслуживают внимания.

В «Списке членам тайных обществ, переданным Верховному уголовному суду, по манифесту 1 июня 1826 года» среди принадлежавших к «Южному обществу» четырнадцатым из тридцати семи (фамилии передаваемых суду расположены по степени тяжести преступлений) значится Василий Враницкий, полковник квартирмейстерской части<sup>3</sup>. В графе «число лет в 1825 году» стоит цифра 40, в графе «где воспитывался» значится: «В Богемии в Пражской гимназии у католических ксендзов пиаристов»<sup>4</sup>.

Более подробные сведения о воспитании и происхождении Враницкого, о том, когда и при каких обстоятельствах он попал в русскую армию, мы находим в его следственном деле.

«Я воспитывался в моем отечестве в городе Праге...»<sup>5</sup> — пишет декабрист в ответах на вопросы следственной комиссии от 24 апреля 1826 г. После окончания пиаристской гимназии Враницкий поступил на военную службу. Будучи уже австрийским офицером, он был направлен в 1803 г. в учрежденную тогда в Праге артиллерийскую офицерскую школу, где обучался черчению, тактической съемке, фортификации и военной географии<sup>6</sup>. Все говорит о том, что Враницкий был человеком широко образованным. Он знал русский, немецкий, французский и итальянский языки, был знаком с математическими науками<sup>7</sup>.

На русскую службу (в Севской пехотный полк прапорщиком) Враницкий поступил из отставных австрийских офицеров в декабре 1806 г.,

<sup>1</sup> «Молодежь чешская, по свидетельству современника, под влиянием знакомства и общения с русскими, стала стремиться в ряды русских полков, «чувствуя в жилах своих братскую кровь», — так пишет по этому поводу В. А. Францев («Русские в Чехии», «Прага чешская». 1913, стр. 20).

Упоминания о чехах и словаках, находившихся в то время на русской военной службе, можно встретить и в чехословацкой литературе. См., например F. S t r e j - ě k a. Примечания к книге Sv. Čecha, ve stínu lípy, 1946, стр. 73.

<sup>2</sup> О чешском происхождении Враницкого см. в Указателе к «Алфавиту декабристов» под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. «Восстание декабристов» (Материалы). Централхив, т. VIII, Л., 1925, стр. 299.

<sup>3</sup> См. Б о г д а н о в и ч. История царствования Александра I и России в его время, т. VI. СПб., 1871. Приложения, стр. 68.

<sup>4</sup> Там же. Помимо приведенного относительно возраста Враницкого, имеются разноречивые сведения. Сам декабрист в ответах на вопросы следственной комиссии от 24 апреля 1826 г. писал: «Имею от роду 40 лет» («Следственное дело Враницкого», л. 12). В формулярном списке (составлен в 1826 г.) его возраст означен цифрой 43 (там же, лл. 14 и 15). Очевидно, правильное полагать, что Враницкий родился в 1785 г.

<sup>5</sup> ЦГИА, фонд 48, Следственное дело № 407 (Враницкого), л. 12.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же, формулярный список, лл. 14, 15.



когда русская армия находилась в Пруссии. Причина ухода Враницкого со службы из австрийской армии неизвестна. Находясь в русской армии, Враницкий участвовал в сражениях против французов в Пруссии (1806—1807), в шведской войне (1808) и в войне 1812 г. В 1814—1815 гг. вместе с русскими войсками был во Франции. За это время был несколько раз ранен, награжден рядом орденов. Одной из наград за участие в войне 1812 г. была золотая шпага с надписью «За храбрость». В 1821 и 1824 гг. Враницкий был в отпусках<sup>1</sup>; каждый раз по четыре месяца.

Сведения о пребывании Враницкого в артиллерийской офицерской школе в Праге, о времени его поступления в русскую армию и прохождении службы в ней и некоторые другие, повидимому, не были известны автору единственной статьи о Враницком («Чех-декабрист»), на которую мы ссылаемся ниже.

Во времени декабрьского восстания и восстания Черниговского полка Враницкий занимал должность обер-квартирмейстера 3-го пехотного корпуса I армии, расквартированного в то время на Украине.

В графе формулярного списка «Из какого состояния, и буде из дворян, не имеет ли крестьян, и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно» о Враницком сказано: «Из дворян, королевства Богемии города Праги»<sup>2</sup>.

О родителях и родственниках Враницкого известно только то, что они жили в Праге, состояли в переписке с декабристом (даже во время его ссылки) и что были очень бедны. Уже будучи под арестом, Враницкий в письме к Левашову говорит о плохом состоянии своего здоровья и о том, что оно еще больше расстраивается, так как от него зависит благополучие старого и больного отца и трех сестер, которые, не имея никакого состояния, жили только на те средства, которые он им посылал<sup>3</sup>.

По-чешски фамилия, к которой принадлежал Враницкий, звучала очевидно — Vraníctí (Враницкие). В Пражском городском архиве первой половины XIX в. значится довольно много носящих фамилию Враницких<sup>4</sup>.

В Южное общество полковник Враницкий был принят в конце 1824 г. наиболее деятельной Васильковской управой общества<sup>5</sup>, которую возглавляли Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин.

Как можно судить по опубликованным следственным делам и документам членов Южного общества и влившего в него в 1825 г. «Объединенного общества славян», а также некоторым архивным материалам, особенно активным членом Общества Враницкий не был<sup>6</sup>.

Однако он не был и случайным или формальным членом Общества. В первоначальном показании следственной комиссии Бестужев-Рюмин

<sup>1</sup> ЦГИА, фонд 48, Следственное дело № 407 (Враницкого), лл. 14, 15.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. О том, что родные Враницкого жили в Праге и состояли в переписке с декабристом, говорится в «Записке о состоянии и домашних обстоятельствах ближайших родных декабристов» от 20 августа 1827 г. (ЦГИА, ф. 48, л. 315, л. 318).

<sup>4</sup> См. ст. «Čech děkabrista» в сборнике Z dějin východní Evropy a Slovanstva, v Praze, 1928, стр. 380—389. В статье делается предположение, что если русское общество Иванович соответствует действительному имени отца Враницкого, то им мог быть староместский пивовар Johann Wranitzky, имя которого фигурирует в списках жителей Праги до 1840 г.

<sup>5</sup> См. Восстание декабристов (Материалы). Центархив, т. IV, М.—Л., 1927, стр. 110.

<sup>6</sup> См. показания Бестужева-Рюмина. Восстание декабристов (Материалы). Главное Архивное Управление МВД СССР. Госполитиздат, 1950, т. IX, стр. 161, а также показания Сергея Муравьева. Восстание декабристов, т. IV, 1927, стр. 278. О том же см. в ответе Сергея Муравьева на дополнительные вопросы следственной комиссии от 4 мая 1826 г. (ЦГИА, ф. 407, л. 37).

говорит: «Полковник Враницкий принят в тайное Общество Сергеем Муравьевым в 1824 г. Действие его мне неизвестно, но принят он был в намерении идти в Москву, куда должен он был колонновожатым»<sup>1</sup>.

В ответах на вопросы следственной комиссии от 8 февраля 1826 г. член «Общества соединенных славян» поручик Бесчаснов пишет о том, что на совещании у Сергея Муравьева, когда тот сказал об Александре I: «Слишком стыдно, чтобы 50 миллионов страдали от одного человека и несли ярмо его — надобно истребить сие зло и быть свободным», Враницкий и Швейковский, хотя и не поддерживали Сергея Муравьева так горячо, как Артамон Муравьев и Тизенгаузен, однако «жаловались на притеснения и презрение к младшим высшего начальства»...<sup>2</sup>

В следственном деле Враницкого есть указание, что он участвовал в совещании декабристов в Киеве у Давыдова и что во время приезда в Киев предлагал принять в члены Общества генерала Редигера. О том же, т. е. не о формальной принадлежности Враницкого к Обществу, свидетельствует, наконец, и упоминание о его участии в работе по объединению «Общества Соединенных славян» с «Южным обществом», которое находим в донесении следственной комиссии<sup>3</sup>.

После подавления восстания Враницкий, находившийся тогда в Житомире, был арестован и 18 января 1826 г. доставлен в Петербург на главную гауптвахту, а позже, по распоряжению царя, был переведен в Петропавловскую крепость и помещен в 25-й арестантский покой Невской куртины. В своей принадлежности к тайному Обществу Враницкий долго не признавался. Только 3 апреля на очной ставке со Швейковским и Тизенгаузен он признал свою принадлежность к Обществу<sup>4</sup>. О товарищах по Обществу писал и говорил мало (в следственных делах Сергея Муравьева-Апостола, Швейковского, Тизенгаузена и др. показания Враницкого отсутствуют). В июле Враницкий вместе с остальными декабристами (всего 121 чел.) был предан Верховному уголовному суду, судим и, как «государственный преступник осьмого разряда», по конфирмации 10 июля, был приговорен к лишению чинов, дворянства и ссылке на вечное поселение в Сибирь.

В «Росписи государственным преступникам приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям» в графе «главные виды преступлений» о нем сказано: «Принадлежал к тайному Обществу и знал цель его, т. е. изменение государственного порядка»<sup>5</sup>. Бессрочная ссылка позже была заменена Враницкому двадцатью годами.

В ссылке Враницкий долгое время находился в городе Пельиме Тобольской губернии. В 1830 г., в связи с болезнью, он был переведен в Ялуторовск, где и умер 2 декабря 1832 г.<sup>6</sup>

К сожалению, нет никаких сведений о характере связи Враницкого

<sup>1</sup> Восстание декабристов, т. IX, 1950, стр. 41 (разрядка наша). В том, что Враницкий был принят Муравьевым, Бестужев-Рюмин ошибается. На самом деле он был принят в Общество полковником Швейковским в конце 1824 г. Поручение же о принятии Враницкого Швейковский действительно получил от Сергея Муравьева, еще в 1823 г. (см. дело Враницкого, лл. 32—35).

<sup>2</sup> Восстание декабристов (Материалы). Централхив, т. V, М.—Л., 1926, стр. 282.

<sup>3</sup> Декабристы. Изд. Саблина. М., 1907, стр. 85.

<sup>4</sup> ЦГИА, ф. 48, д. № 407, л. 28. Интересна запись в одном из протоколов очной ставки: «Полковник Враницкий, уличенный показаниями полковника Швейковского, сознался, что он действительно был принят в тайное Общество; прежде же отрицался от сего потому, что не желал подвергать Швейковского ответу за свое принятие, так как они между собой были приятели».

<sup>5</sup> Декабристы, тайные Общества в России. Изд. Саблина. М., 1906, стр. 94.

<sup>6</sup> Восстание декабристов, т. VIII, стр. 299.

с Чехией. Может быть, эту сторону жизни декабриста приоткроет обнаружение тех бумаг, которые были изъяты у него при аресте<sup>1</sup>.

Не исключена возможность, что материалы, связанные с жизнью и деятельностью Враницкого, могут быть обнаружены также и в Чехословакии.

Чех по рождению, декабрист Враницкий, как уже говорилось, не принадлежал к числу активных членов Южного общества, его скорее следует считать рядовым членом. Однако он разделял взгляды передовых русских людей, благодаря которым «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение...»<sup>2</sup>. И это позволяет напомнить о нем сегодня.

---

<sup>1</sup> О том, что такие бумаги были, свидетельствует упоминание о «тюке бумаг Враницкого», направляемом к военному министру; его находим в рапорте дежурного генерала Главного штаба от 18/1 1826 г. (ЦГИА, ф. 48, д. 31, л. 123), а также упоминание о имевшихся в делах следственной комиссии бумагах декабристов (ЦГИА, ф. 48, д. 315, л. 318).

<sup>2</sup> Л е н и н, Соч., т. 23, стр. 234.

В. Д. Королюк

## К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РУСИ И ПОЛЬШИ В X ВЕКЕ

Для решения сложного вопроса о польско-русских отношениях X в. необходимо прежде всего восстановить процесс складывания государственной территории Польши при первых Пястах на основе изучения древних источников.

К середине X в. объединяющим центром польских племенных княжеств становится Гнезно, колыбель династии Пястов. Все остальные племенные центры, где можно отметить зарождение ростков самостоятельной государственности, к тому времени или уже находились под властью великопольского князя, или подпали под власть чужеземных князей.

Такая судьба постигла, например, государство вислян в Малой Польше, разрушенное в свое время великоморавским завоеванием<sup>1</sup>. Процесс образования территории древнепольского государства не завершился до конца X в., поскольку Краков довольно рано, во всяком случае, к 966 г., по свидетельству современного арабского путешественника еврея-купца Ибрагима Ибн-Якуба<sup>2</sup>, оказался в составе чешского государства Пшемислидов. Козьма Пражский датирует завоевание Кракова 999 г.

Сведения Ибрагима подтверждаются документом «Dagome júdex», датированным обычно 992—996 гг., и хроникой Козьмы Пражского, относящего присоединение Кракова к Польше в 999 г. Более того, летописное сообщение 996 г.: «И бе живя (Владимир) с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чешьским, и бе мир межю ими и любы», — тоже является косвенным подтверждением того, что Краков в то время находился под властью Чешского князя, так как в противном случае подразумеваемая летописью общая русско-чешская граница была бы невозможной. Вместе с тем, согласно летописному сообщению, в состав Венгрии к 966 г. уже была включена Словакия и, повидимому, часть Моравии. Древность этого сообщения может быть засвидетельствована хотя бы уже присутствием его в древнейшей Новгородской летописи.

Итак, до последних лет X в. Краков не входил в состав монархии Пястов, Малая Польша принадлежала Чехии, очевидно, в большей

<sup>1</sup> K. Potkański. Kraków przed Piastami (Rozprawy Akademji Umiejętności. Wydział historyko-filozoficzny, t. 35, 1898), str. 168—69. Widajewicz. Państwo Wiślan. Kraków, 1947, str. 74—75.

<sup>2</sup> Ф. Вестберг. Комментарии на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903, стр. 80; Mon. Pol. Hist. N. S., t. I, стр. 49.



своей части. С другой стороны, в состав Польского государства уже в то время входила, повидимому, Мазовия<sup>1</sup>.

Однако, если Краков и значительная часть Малой Польши находились под властью Чехии, то имеем ли мы основание предполагать, что территория восточно-славянских племен — хорватов и дулебов (т. е. территория Червенских городов)<sup>2</sup> могла в изучаемый период входить в состав монархии Пястов. Очевидно, нет, поскольку Краковская и Сандомирская земли почти совершенно отрезали ее от основного массива польских владений. Между тем именно об этом говорит летописное сообщение 981 г.: «Иде (Владимир) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью».

Перед нами, таким образом, полное противоречие в показаниях источников.

Опуская всю обширную литературу по данному вопросу, остановимся только на нескольких, наиболее интересных, точках зрения. Основная масса польских историков из буржуазно-националистического лагеря не желала обращать внимание на наличие этого противоречия в источниках. Она стремилась использовать показания летописи под 981 г. только для того, чтобы объявить Червенские города исконной польской территорией. Отвергая этот тезис польской буржуазной историографии, русские буржуазные и даже советские<sup>3</sup> исследователи клали сообщение под 981 г. в основу анализа польско-русских отношений X в. Таким образом, эти ученые пытались показать, что сообщение летописи под 981 г. доказывает, что первым фактом в истории польско-русских отношений была вооруженная борьба. Но существовала и другая точка зрения.

Из польских буржуазных ученых на указанное выше противоречие в показаниях источников обратил внимание Владислав Абрагам. Анализируя этот вопрос, он отверг летописное сообщение 981 г. и пришел к выводу, что Червенские города не входили в состав монархии Пястов во второй половине X в. и что там в это время продолжали править самостоятельные русские племенные князья<sup>4</sup>.

Попытку примирить указанное выше противоречие в показаниях источников сделал Шелёнговский в работе «Najstarsze drogi z Polski na wschód»<sup>5</sup>. Он считает, что Пясты могли овладеть Червенскими городами, минуя Малую Польшу, через Мазовию. Однако, если и допустимо предположить такую возможность в отношении захвата Червеня, то захват Перемышля попрежнему оставался бы загадкой. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе почти совершенную изоляцию территории хорватов от основной пястовской территории, от которой ее отделяли малопольские владения чехов и близко подходящие к ним владения Киева. Наконец, нужно иметь в виду, что центр польского государственного формирования лежал в Великой Польше, в области Гнезно и Познани. «Записка» Ибрагима Ибн-Якуба о славянах дает нам общее представление не только о размерах Польского государства, но и указывает на то направление, в котором шло его расширение, — в сторону поморян,

<sup>1</sup> Это подтверждается сообщением Ибрагима Ибн-Якуба о существовании в его время общей польско-русской границы. Вестберг. Указ. соч., стр. 145—146. Mon. Pol. Hist. N. S., т. I, стр. 50.

<sup>2</sup> Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1872, стр. 88.

<sup>3</sup> Ср., например, трактовку вопроса о польско-русских отношениях в недавно вышедшем труде А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории Древнерусского государства», Москва, 1951, стр. 127 и др.

<sup>4</sup> Wł. Abraham. Organizacja kościoła w Polsce. Lwów, 1893, стр. 43—44.

<sup>5</sup> Kraków, 1909.

поскольку именно с ними Мешко вел долгие и ожесточенные войны. Это подтверждают и данные саксонского хрониста Видукинда.

Правда, Ибрагим знает о существовании общей польско-русской границы: «И граничат с Мешкой на востоке русы и на севере бусы»<sup>1</sup>. Однако, в свете всего вышеизложенного, ясно, что границу эту можно локализовать лишь где-то на стыке русских, ятвяжских и польских поселений. В последние годы правления Мешко I и в начале правления Болеслава I, в связи с их успехами в борьбе за Малую Польшу, граница эта могла продвинуться на юг и даже подойти вплотную к Червенским городам.

Несколько ранее Абрагама близкую к этой точке зрения высказал русский исследователь вопроса Е. Крыжановский. Исходным пунктом для доказательства правильности своей мысли он взял тезис о принадлежности Кракова и Малой Польши к территории Чешского государства, опирающийся на не вызывающие сомнения данные Ибрагима Ибн-Якуба. Крыжановский обращает, кроме того, внимание на неправдоподобность предположения, что Мешко I мог совершенно ничем не реагировать на потерю таких важных областей, как территория Червенских городов. Руководствуясь этими соображениями, он категорически отвергает летописное известие 981 г. Для него совершенно ясно, что Владимир не вел тогда никакой войны с поляками из-за Перемышля и Червеня<sup>2</sup>.

Однако, не показав, каким образом попало это неверное сообщение в древний русский летописный свод, нельзя считать решение этого вопроса исчерпывающим.

В этом смысле особый интерес представляет позиция, занятая А. Шахматовым. Правда, он не ставил перед собой задачи исследовать ход польско-русских отношений X в. Его интересовала только история летописного текста. Помещая известия 981 г. в свою реконструкцию Древнейшего киевского летописного свода<sup>3</sup>, Шахматов исходит из следующих соображений: текст летописи, стоящий под 981 г., основан на припоминаниях, связанных с событиями 1018 г. (захват Червенских городов поляками) и 1031 гг. (поход Ярослава и Мстислава, закончившийся обратным присоединением этих городов к Руси). В пользу сделанного им наблюдения говорит, по его мнению, не случайное число 50, разделяющее 981 и 1031 гг.

Однако такое решение вопроса, считающееся лишь с припоминаниями, как источником известия 981 г. (в том виде, как оно дошло до нас), не представляется в достаточной мере убедительным. Прежде всего, нет никаких оснований придавать какое-либо исключительное значение числу 50, отделяющему 981 от 1031 г. Оно вполне могло быть результатом совершенно случайного совпадения. С другой стороны, известие «Повести временных лет» под 992 г.: «Иде (Владимир) на хорваты», — принадлежность которого к Древнейшему своду (А. Шахматов датировал его 1039 годом)<sup>4</sup> доказывается наличием его в составе 1-й Новгородской летописи, казалось бы, избавляет нас от необходимости связывать припоминания о завоевании Владимира, навеянные событиями 1031 г. с ничем не знаменательным 981 г. Кроме того, присутствие под тем же годом упоминания

<sup>1</sup> Ф. В е с т б е р г. Указ. соч., стр. 146. В Ибрагимовых «бусых» следует видеть, очевидно, пруссов.

<sup>2</sup> Е. К р ы ж а н о в с к и й. Соч., т. II. Забужная Русь. Киев, 1890, стр. 330 — 332.

<sup>3</sup> А. А. Ш а х м а т о в. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 556.

<sup>4</sup> Шахматов помещает известия 992 г. (993) в состав своей реконструкции Древнейшего киевского свода. Там же, стр. 567.

о походе Владимира на вятичей, что, разумеется, никак не было связано с борьбой из-за Червенских городов, подрывает несколько и самый основной тезис Шахматова, что все известие 981 г. было основано в Древнейшем своде на одних припоминаниях. В таком случае поход на вятичей был бы отнесен, повидимому, на какой-либо иной год, тем более, что уже в следующем, 982 году мы вновь встречаемся с упоминанием в летописи о походе на вятичей. Поэтому и исследование А. Шахматова не дает ответа на основной вопрос: можно ли считать твердо установленным историческим фактом летописное сообщение о конфликте в 981 г. между древнерусским и древнепольским государствами из-за Червенских городов.

Итак, показания источников того времени (Ибрагим Ибн-Якуб и документ «Дадоте judex») совершенно исключают всякую попытку включить территорию Червенских городов в состав польской государственной территории во второй половине X в. и связывать с борьбой за эти города первое польско-русское столкновение, тем более, что в нашем распоряжении нет никаких указаний на стремление Мешко I восстановить после 981 г. свои восточные границы. Это станет еще более странным, если учесть, что в этот период времени затихает польско-немецкая борьба, а столкновение Пястов с чехами развертывается приблизительно лишь с 985 г.<sup>1</sup>

В таком случае, как объяснить показания русской летописи?

Прежде всего отметим, что сама конструкция летописного текста: «Иде (Владимир) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью», указывает на факт его позднейшей редакции. Именно в этих последних словах: «иже суть и до сего дне под Русью», — чувствуется рука позднейшего редактора свода, писавшего под впечатлением развернувшейся в XI в. борьбы Руси и Польши из-за Червенских городов. Кроме того, замечание его, что города эти «суть и до сего дне под Русью», — указывает на то, что дошедшая до нас редакция текста составлена значительно позже 1031 г., когда Ярослав и Мстиславу удалось вернуть Червенские города Руси.

Продолжая далее разбор летописного сообщения, придется, повидимому, отказаться и от первой его части: «Иде (Владимир) к ляхом и зая грады их», как несоответствующей действительности, и отнести ее на счет одного из позднейших редакторов свода. Очищенный таким образом текст 981 г. приобретает следующий вид: «Иде (Владимир) на Перемышль, Червен и ины грады и зая их».

Далее, однако, в летописи под тем же годом следует: «В сем же лете и вятичи победи и взложи на ня дань от плуга, якоже и отец его имаша». Разница между формой сообщения в первом и во втором случае представляется слишком очевидной, чтобы останавливаться на ней более подробно. В первом — внимание читателя акцентируется на двух городах, являвшихся центрами племенных территорий хорватов и дулебов. Во втором — упоминается просто племя, подвергнувшееся нападению. Нетрудно заметить, что последний способ выражения более стар и, судя по другим аналогичным сообщениям, более соответствует летописным формулам X в. Приведем их:

982: «Заратишася вятичи и иде на ня Володимер и победи я второе».

983: «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы и взя землю их».

984: «Иде Володимер на радимичи».

992: «Иде Володимер на хорваты».

<sup>1</sup> «Polska, jej dzieje i kultura». S. A., т. I, стр. 60.



Особенно показательным является сообщение 992 г., упоминающее о части территории Червенских городов. Вместо Перемышля здесь опять появляются хорваты. Однако такая замена названия города именем племени логически представляется сомнительной. Это дает основание предположить, что в тексте сами названия городов Перемышля и Червеня являются лишь позднейшей интерполяцией, заменившей соответствующие им более древние термины. В первоначальном виде сообщение это должно было звучать приблизительно так: «Иде (Владимир) на хорваты и дулебы». Поход 981 г., таким образом, происходил в действительности и был направлен против независимых восточно-славянских племенных княжеств, территория которых лежала на большом торговом пути, соединяющем Киев с Краковом и Прагой.

Появление в Кракове и Праге около 966 г. русов — купцов, о чем свидетельствует «Записка» Ибрагима, является лишним доказательством, подтверждающим наличие тенденции распространения власти киевского князя именно в эту сторону, и объясняет нам упорное стремление Владимира удержать за собой свои западные приобретения. В 992 г. он предпринимает еще один поход на хорватов, восставших, очевидно, против его власти.

Нам остается лишь попытаться выяснить те непосредственные причины, которые повлекли за собой появление обнаруженной нами позднейшей интерполяции в летописном сообщении 981 г. Единственным возможным путем для этого является анализ самой летописи.

В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Помимо 981 г., Червенские города упоминаются в летописи на протяжении ближайшего отрезка времени под 1018 г., когда Болеслав Храбрый на обратном пути из Киева «и города Червенския зая себе», и под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собраста вои мног, идоста на ляхи и заяста грады Червеньския опять».

Отсутствие обоих этих сообщений в древнейшей Новгородской летописи не может считаться достаточным основанием к тому, чтобы отрицать их наличие (одного или обоих) в Древнейшем киевском своде. Древнейшая по составу, она тоже хранит на себе следы многих редакций. Поэтому это обстоятельство не может считаться решающим аргументом. Отметим, что Шахматов помещает эти сообщения в свою реконструкцию свода 1039 г.<sup>1</sup>

Имея перед глазами оба эти сообщения (1018 и 1031 гг.), позднейший редактор, представлявший себе, очевидно, весь смысл польско-русских столкновений, согласно понятиям времени, лишь в споре из-за Червенских городов, мог сравнительно легко восстановить только события XI в. В 1018 г. эти города были захвачены Болеславом I, в 1031 г. русским князьям посчастливилось вернуть их обратно. Однако неясным оставалось: когда они впервые, до 1018 г., были присоединены к Руси. В поисках этого момента он натолкнулся на сообщение 981 г.: «Иде (Владимир) на хорваты и дулебы». Хорваты — Перемышль, Дулебы — Червень — перед ним было первое упоминание о Червенских городах, поскольку сообщение 992 г. касается лишь части их территории. Отсюда совершенно понятно и стремление автора заменить устаревшие племенные термины более современными, чтобы привлечь к ним внимание читателя. Из переноса же современных редактору свода воспоминаний о многолетней и упорной вражде из-за этих городов появляется в тексте имя «ляхов», внесенное, может быть, рукой уже другого редактора свода.

<sup>1</sup> А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 577, 581.



Таково, повидимому, происхождение известия 981 г.: «Иде (Владимир) к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, иже суть и до сего дне под Русью». Автор мог с полным основанием и удовлетворением подчеркивать этими словами окончательное торжество Руси.

Итак, сообщение 981 г. не может являться свидетельством о наличии конфликта между Польшей и Русью из-за Червенских городов в X в. Оно отражает, повидимому, подчинение Киевом двух сохранявших еще до того времени самостоятельность племенных княжеств.

Произведенный выше анализ сообщения 981 г. дает основания и для оценки другого летописного сообщения: «Иде (Владимир) на хорваты» («Повесть временных лет» — 992, 1-я Новгородская летопись — 993). С этим сообщением в литературе связана оживленная дискуссия. Спорным является следующий момент — были ли события 992 (993) г. обычным походом князя против восставшего племенного княжества или же их следует расценивать как польско-русское столкновение из-за Червенских городов. В пользу второго варианта говорит как будто бы свидетельство иностранного источника — Гильдесгеймских анналов, сообщающих о Болеславе Храбром, под 992 г.: «*imminebat illi grande contra Rusianos bellum*» [ему грозила великая война против русских]. Однако подобное решение вопроса наталкивается на целый ряд трудностей. Во-первых, как мы уже указывали, не владея Краковом и основной частью Малой Польши, Болеслав Храбрый не мог предпринимать какие-либо попытки захватить Червенские города. Между тем польское наступление в предшествующие годы развивалось в направлении Силезии. Именно здесь разыгрывалось, судя по сообщениям Титмара Мерзебургского, польско-чешское военное столкновение; это подтверждается известием Сазавского монаха, сообщающего под 990 г. о потере чехами города Немчи (Силезия): «*Item eodem anno Nemci perdita est*» (также в том же году потеряли Немчи)<sup>1</sup>.

Возможно, что в те годы Пястам удалось овладеть значительной частью Силезии. Зато говорить о каких-либо их попытках занять Краков и эти и другие источники не дают нам никаких оснований.

С другой стороны, сама форма сообщения: «Иде (Владимир) на хорваты», тоже не указывает на какое-либо польско-русское столкновение. Между тем, судя по летописному сообщению 996 г.<sup>2</sup>, летописцу было хорошо известно имя ляхов и Болеслава Храброго. Более того, само содержание сообщения 996 г.: «И бе живя (Владимир) с князи околними миром, с Болеславом Лядским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чешским, и бе мир межю ими и любы», логически исключает всякую попытку расценивать поход на хорватов 992 г. как русско-польскую войну из-за Червенских городов. При этом, как мы уже указывали, согласно точному смыслу этого сообщения (полностью подтверждаемого Козьмой Пражским), Краков все еще оставался в чешских руках: в противном случае общая русско-чешская граница была бы невозможной.

Что касается владений Пястов, мы можем, конечно, предполагать, что уже в то время в их владения были включены частично земли Малой Польши. Документ «*Dagome juredex*» даже прямо свидетельствует о том, что в некоторых пунктах польская граница подступала вплотную к стенам Кракова (*usque in Cracoa*). Однако сохранение последнего за чехами, характер сообщения летописи под 992 г. и категорическое заявление ее об общей русско-чешской границе не оставляют никаких сомнений относи-

<sup>1</sup> *Fontes Rerum Bohemicarum*, т. II, стр. 240.

<sup>2</sup> Шахматов относит его тоже к Своду 1039 г. Указ. соч., стр. 569.

тельно того, что между территорией хорватов и владениями Болеслава Храброго все еще лежала полоса чешских владений. Таким образом, нет никаких оснований связывать поход 992 г. на хорватов с каким-либо польско-русским столкновением из-за Червенских городов. Сообщение же Гильдесгеймских анналов, источника, заслуживающего доверия и самым определенным образом свидетельствующего о существовании угрозы польско-русской войны в 992 г., нет основания связывать с походом на хорватов. Вероятнее всего, следует расценивать его как указание на угрозу столкновения на северо-восточной границе Польши с Русью. Наличие этой границы было отмечено еще Ибрагимом Ибн-Якубом.

В таком случае не исключена возможность, как предполагал это уже Флоровский<sup>1</sup>, что достоверно сообщение Никоновской летописи, говорящее о переговорах между князьями в 992 г.: «Того же лета приидоша послы к Володимиру от Болеслава лятцкого» и далее — «Того же лета приидоша послы от Андриха Чешского, с любовью, к Владимиру в Киев». Совпадение этих данных со сведениями Гильдесгеймских анналов, возможно, не является случайным. Более того, из сопоставления всех этих данных можно будет даже сделать вывод о том, что чешский князь, находившийся в состоянии войны с Польшей, пытался в своих интересах использовать польско-русское столкновение. До вооруженного конфликта дело, повидимому, все же не дошло, тем более, что и анналы говорят лишь об угрозе войны.

Исходя из признания достоверности сообщения 996 г., можно признать достоверным и еще одно известие Никоновской летописи под 995 г.: «Прииде Володимер в Киев, воевав Хорваты».

Таким образом, установлению общей венгерско-русской границы, о которой летопись упоминает под 996 г., предшествовал еще один поход Владимира на хорватов в 995 г.

Принадлежность сообщения 996 г. к Древнейшему своду устанавливается не только из факта нахождения его в Новгородской летописи, но и вследствие полного совпадения его данных со сведениями других современных источников. Появление подобного известия несколькими десятилетиями лет позже было бы совершенно невозможно, поскольку Краков уже при Болеславе Храбром стал столицей.

Остановимся еще на одном любопытном явлении, прежде чем закончить настоящий краткий разбор летописных известий X в. о польско-русских отношениях. Речь идет об имени — Андрих Чешский, упомянутом как под 992 г. в Никоновской летописи, так и под 996 г. в «Повести временных лет». Упоминание имени «Андрих» (Ольдржих) вместо имени Болеслава II Чешского — самое определенное свидетельство против признания первоначальности обоих текстов. Помимо того, сама дата — 996 г. — тоже, повидимому, не является первоначальной, если учесть, что начало правления Стефана Венгерского датируется обычно 997 г.

Но если сдвиг или разночтения в один год — явление в летописи обычное, то появление в тексте имени Андриха представляет собой, очевидно, более сложное явление. Следует признать, что в настоящем виде текст 996 г. представляет собой позднейшую редакцию и что в Древнейшем своде (следовательно, и в сообщении Никоновской летописи под 992 г.) вместо имени Андриха стояло имя Болеслава II Чешского, а все известие в целом звучало, по всей вероятности, несколько иначе, рассказывая лишь о приходе посольств от «князей окольных». Последнее наблюдение

<sup>1</sup> Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки из истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935, стр. 25.

связано уже с самим характером текста 996 г.: «И бе живя с князи околними миром», — указывающим на факт позднейшей редакции.

Что же касается появления в летописи имени Андриха, то обстоятельство это следует, видимо, ставить в связь с имевшим место в 20—30-х годах XI в. русско-чешским военным и политическим сотрудничеством. Возможно, однако, что на появление имени Андриха повлияло и другое обстоятельство, а именно — присутствие в одном и том же сообщении сразу имени двух Болеславов, что не могло не вызвать подозрений со стороны не слишком искушенного редактора. Так, очевидно, следует объяснять появление этого более позднего имени в сообщениях 992 г. Никоновской летописи и 996 г. «Повести временных лет».

Подводя итоги, мы можем констатировать, что на протяжении всего X в. ни летопись, ни другие источники не дают основания предполагать какие-либо военно-политические конфликты Руси и Польши из-за Червенских городов. Это вполне понятно. До тех пор, пока Пясты не укрепились в Малой Польше, всякие притязания их на Червенские города были исключены.

## РЕФЕРАТЫ







---

---

Ш. О. Карышковский

## К ВОПРОСУ О ПЕРВОИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ПОХОДОВ СВЯТОСЛАВА

Одним из наиболее сложных и важных моментов в истории русско-болгарских и русско-византийских отношений является время киевского князя Святослава Игоревича (964—972). Разгром Хазарской державы, утверждение власти русского князя в Приазовье и, наконец, долгая война на Балканах приводят к складыванию в основных чертах территории Древнерусского государства. Для Византии и Болгарии 60—70-е годы X в. были временем перелома в упорной и продолжительной борьбе, окончившейся падением Болгарского государства, и временем резкого обострения классовых противоречий внутри последнего.

Нельзя сказать, что указанная эпоха не привлекала внимания историков, но выводы буржуазных ученых методологически неприемлемы, а недостаточное внимание некоторых авторов к указаниям первоисточников привело их к ряду фактических неточностей и даже прямых ошибок. Кроме того, единственный крупный русский труд, целиком посвященный Балканским войнам 967—971 гг., был написан более ста лет назад<sup>1</sup>. С этого времени опубликовано немало новых источников и напечатано значительное количество специальных статей, не говоря уже о существующих разделах в общих трудах по истории древней Руси, Болгарии и Византии. Таким образом, необходимость разработки этого вопроса, осуществленной на единственно научной основе марксизма-ленинизма, несомненна. Если к тому же добавить, что изображение изучаемых событий часто искажается в литературе под влиянием предвзятых и ненаучных построений, то само собой определяется и актуальность этой темы.

Однако изучению собственно истории русско-византийских и русско-болгарских отношений 60—70 годов X в. должно предшествовать обобщающее рассмотрение всей совокупности сохранившихся источников, главным образом письменных. Это тем более необходимо, что господствующий в буржуазной науке формально сравнительный метод, тесно связанный с общей порочностью идеалистических взглядов, не дал в области изучаемого вопроса сколько-нибудь точных выводов. Поэтому установление зависимости между источниками и исторический анализ сообщений о Балканских войнах 967—971 гг. в различных памятниках стали первым этапом предпринятой работы, результаты которого излагаются ниже.

Наиболее полные, но резко тенденциозные сведения по истории византийско-русских и русско-болгарских взаимоотношений конца 60-х и начала 70-х годов X в. содержатся в византийских исторических памят-

---

<sup>1</sup> А. Д. Чертков. Описание войны вел. князя Святослава против болгар и греков в 967—971 гг.; Русский исторический сборник, т. 6, кн. 3—4. М., 1843.

никах X—XII вв. и частью более позднего времени. Такова, прежде всего, «История» Льва Диакона, написанная в конце X в. и обнимающая всего несколько десятилетий (959—976), затем хроника Иоанна Скилицы, составленная столетием позже и охватывающая более трех веков и, наконец, ряд позднейших всемирных хроник, начинающих обычно с библейских мифов и доводящих рассказ до времени их создания — Синописис Георгия Кедрина (конец XI или начало XII в.), всемирная хроника Иоанна Зонары (первая половина XII в.), стихотворная хроника Константина Манасси (середина XII в.), летопись Михаила Глики (вторая половина XII в.), краткая хроника Иоаила (середина XIII в.), анонимный исторический труд, изданный К. Сафой (вторая половина XIII в.), стихотворная хроника Ефрема (первая четверть XIV в.) и одно из продолжений хроники Георгия Амартола (XV в.). Все указанные произведения (за исключением, быть может, только хроники Глики) вышли из среды византийской придворной интеллигенции или духовенства и отражают интересы верхушки феодального общества. Все они проникнуты, хоть и в различной степени, высокомерным чувством по отношению к «варварским» народам; все они содержат преимущественно перечисление, зачастую вовсе лишенное какой-либо внутренней связи, одних лишь событий внешнеполитической истории, церковной жизни или придворных интриг. Тем не менее по характеру изложения, по объему и отчасти по тенденции сочинения эти различны и, будучи, как правило, компилятивными и зависимыми друг от друга, представляют собой источники различной ценности.

Основным и лучшим источником для изучаемого вопроса принято считать «Историю» Льва Диакона. Этот труд является хроникой военной и придворной жизни. Вся первая половина его состоит из рассказа о Критской и Сирийской войнах Никифора Фоки, прерываемого описанием экспедиции его брата Льва против арабов и сообщениями о неудачных походах императора в Болгарию, а его полководцев — в Сицилию. Наряду с этим подробно изложены обстоятельства воцарения и гибели Никифора, перемежающиеся описаниями землетрясений и затмений, виденных самим Львом. Во второй половине, после рассказа о воцарении Цимисхия и назначениях новых церковных иерархов, следует обзор войн с Русью<sup>1</sup> и Сирийских походов Цимисхия, а в промежутках и в заключении помещены известия о возмущениях Фокадов, о чудотворной иконе, о новых церковных назначениях, о небесных знамениях и т. п.

По своему характеру «История» — типичное произведение средневековья. Автор ее искренне верит в чудеса, восхваляет подвиги христианского аскетизма, верит предсказаниям и приметам, особенно астрологическим. В центре его внимания находятся императоры с их непосредственным окружением, полководцы и высшие сановники церкви, а народ упоминается лишь вскользь и всегда в пренебрежительном тоне. Образование Льва в общем довольно поверхностно, начитанность невелика, язык напыщен, рассказ часто прерывается и отклоняется от действительной последовательности событий; хронологические рамки часто неопределенны и иной раз даже ошибочны. Несмотря на это, авторитет труда Льва Диакона в исторической литературе достаточно велик: рассматривая Льва как очевидца и даже участника этих событий, многие историки

<sup>1</sup> Leonis Diaconi Caloënsis, Historiae, libri X e recensione C. B. Hasii, Bonnae, 1828, стр. 102—111, 124—126, 128—145, 147—159; ср. также стр. 61—63 et 77—81.

отдают его известиям решительное предпочтение перед сообщениями других авторов, не подвергая никакому сомнению весь его рассказ<sup>1</sup>. Между тем подобное утверждение неправильно. Во время войн, описанных в первых книгах «Истории», Лев был подростком, а в дальнейшем изложении личные его наблюдения относятся (за исключением единственного случая, стр. 171—173) лишь к несущественным подробностям. Ввиду этого приобретает значение вопрос об источниках Льва Диакона, для разрешения которого необходимо сравнение его известий с произведениями других византийских писателей, и в первую очередь, с хроникой Иоанна Скилицы, обнимающей период от 811 до 1078 г. Эта хроника представляет собою довольно обстоятельную и достаточно добросовестную компиляцию, не изданную до настоящего времени и доступную лишь в составе Синописа Кедрина, который охватывает период до 1057 г. и в части, совпадающей со Скилицей, является почти дословным воспроизведением его текста.

Хотя в рассказе о событиях 959—976 гг. хроника Скилицы и отличается от данных Льва, но сравнение их сообщений показывает, что различие это не настолько велико, чтобы считать оба изложения независимыми друг от друга, как это полагал Вартенберг<sup>2</sup>. В то же время целый ряд деталей, сохранных только Скилицей (и притом в местах, особенно близких ко Льву), опровергает мнение, будто главным источником хрониста был труд Льва, как это считали многие буржуазные ученые<sup>3</sup>. Мало того, в близких по содержанию местах Льва и Скилицы наблюдается не только сходство всего повествования, но и последовательное сходство каждого предложения. Ввиду этого следует вместе с М. Я. Сюзюмовым<sup>4</sup> привясть, что Лев не является первоисточником в буквальном смысле слова, но что оба они имели перед собою труд неизвестного современника бурных событий третьей четверти X в. Это утраченное произведение, возникшее, насколько можно судить, около 985—986 гг., уже содержало некоторые сведения о правлениях Романа Лакапина и Константина Багрянородного, а в дальнейшем автор его, относившийся весьма доброжелательно к Никифору Фоке и его родственникам, интересовался в особенности всем имеющим отношение к Фокадам. При описании правления Цимисхия этот труд касался главным образом войны с Русью, вследствие чего показания Скилицы об этих событиях являются не менее важными, чем соответствующие известия Льва<sup>5</sup>.

Однако в распоряжении Скилицы был и другой источник, не известный Льву и враждебный императору Никифору. Этот также не сохранившийся памятник отличался узко церковным мировоззрением своего составителя и был написан, по всей вероятности, вскоре после смерти Цимисхия. Первые следы его появляются в рассказе о времени Романа

<sup>1</sup> Например, Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 331; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 23. Ср. также В. Г. Васильевский. К истории 976—988 гг. «Труды», т. II, в. 1, СПб., 1909, стр. 64 (также «Труды», т. IV, Л., 1930, стр. 3—5); К. Кrumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2 Aufl., München, 1897, стр. 267 сл.

<sup>2</sup> G. Wartenberg. Leo Diaconus und die Chronisten, Byz. Zeitschrift, т. VI. 1897, стр. 285 сл.

<sup>3</sup> Например, Nasil practatio ad Leonem D., стр. XXI; В. Г. Васильевский, «Труды», т. IV, стр. 3—4; F. Hirsch. Byzantinische Studien. Lpz., 1876, стр. 374; К. Кrumbacher, Указ. соч., стр. 366.

<sup>4</sup> М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. «Византийское обозрение», т. II, в. 1, 1916, стр. 106 сл.

<sup>5</sup> Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae ope ab Im. Bekkero Suppletus et emendatus, т. II, Bonnae, 1839, стр. 372, 383—388, 392—403, 405—413.



Лакапина, а для следующих трех правлений он является главным, уступая свое место только что обрисованному труду лишь с момента начала борьбы Иоанна Цимисхия со Святославом.

Использование двух произведений, близких по времени возникновения к описанным в них событиям, совпадающих в значительной части по содержанию, но различных по тенденции и подходу к материалу, а также по системе хронологических показаний, делает хронику Скилицы важным источником, независимо от того, использовал ли именно он труды своих неизвестных предшественников или уже нашел их соединенными в какой-либо анонимной хронике. Несмотря на обычную для хронистов неряшливость его работы, из текста хроники можно получить представление об ее источниках, а сравнение с «Историей» Льва показывает, что позднейший хронист (заслуживший, впрочем, от В. Г. Васильевского названия «добросовестного и почтенного компилятора») оказался более внимательным, аккуратным и подробным, чем тенденциозный современный историк. Тем не менее путаница встречается и у Скилицы, который опускает ряд подробностей, использованных Львом, труд которого остается очень важным, хотя и мало надежным во многих частях источником, а сам автор представляется скорее «посредственным историком-подражателем» (М. Я. Сюзюмов), нежели «самостоятельным современным автором» (В. Г. Васильевский). Запутанный и напыщенный стиль соответствует сбивчивости и неясности изложения, настойчивое подражание Агафию и прямые заимствования из его сочинения, легкое и неумеренное хвастовство понижают ценность его сообщений. Но у Льва имеется и важное преимущество перед Скилицей: в его рассказе заметны следы пользования архивным материалом, на основании которого даны известия о переговорах Цимисхия со Святославом, о втором посольстве Святослава к Цимисхию и о договоре, окончившем войну. Отсюда следует, что для изучения истории русско-византийских и русско-болгарских отношений 60—70-х годов X в. только критическое использование известий Льва Дякона и Скилицы и сопоставление их показаний в каждом отдельном случае позволят определить, кому следует отдать предпочтение. Однако для этого необходимо привлечь и соответствующие данные других источников, сохранивших известия об этих же событиях, и в первую очередь — показания Зонары, труд которого обличает в авторе гораздо более самостоятельного писателя, нежели остальные хронисты. В особенности в рассказе о событиях византийской истории (и чем ближе к концу хроники, тем это заметнее) Зонара все более свободно перелагает труды своих предшественников, сознательно сокращая их рассказ, сравнивая их известия, исправляя ошибки, порой выражая даже недоверие к их сообщениям, а кажущиеся ему невероятными места прямо относит за счет источников. Тем не менее сочинение Зонары остается на всем своем протяжении не более чем компиляцией с сильно выраженной церковной тенденцией. Уже в предисловии он объявляет всякую светскую науку делом светной праздности, а тяжкий грех составления своей хроники целиком возлагает на тех, кто побуждал его к этому труду.

Для времени Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия повествование Зонары представляет собой сокращенный пересказ соответствующей части хроники Скилицы, не всегда удачный в деталях именно из-за краткости. Зонара передает текст своего источника, сохраняя последовательность и все существенное содержание рассказа, но опускает имена второстепенных участников событий, точные географические обозначения и многие хронологические даты, а так как он не является просто переписчиком, то у него и получаются иногда неувязки и шероховатости, которые

выясняются при сравнении с соответствующими местами Скилицы. Но при всем этом в хронике имеется ряд сообщений, отсутствующих в ее главном источнике и не возбуждающих никаких сомнений в своей подлинности. Они иногда представляют собой лишь незначительные подробности, но порой не лишены некоторого значения. Наличие таких деталей при общей близости всего рассказа Зонары к повествованию Скилицы делает весьма вероятным предположение, что Зонара использовал, — непосредственно или косвенно, — наряду с хроникой последнего и тот церковноисторический труд, который был указан выше в качестве второго источника Скилицы. В пользу этого говорит и некоторое усиление клерикальных и притом именно враждебных Фоке тенденций у Зонары. Поэтому рассказ его о русско-болгарских делах изучаемого периода<sup>1</sup> не может быть оставлен без внимания.

Позднейшие византийские хронисты не располагали рано утраченными первоисточниками, использованными Львом Диаконом, Скилицей и отчасти Зонарой. Уже современник последнего, Константин Манасси, пользуется, правда, наряду с трудом Зонары, и какой-то другой хроникой, доведенной до 1081 г. и, вероятно, также знакомой Зонаре, но краткий рассказ его не имеет существенного значения. Это же следует повторить и об анонимной хронике, изданной К. Сафой. Она возникла уже при Михаиле Палеологе и механически включила в себя тот же источник, каким пользовался Манасси. Михаил Глика, писавший во второй половине XII в., пользуется сочинениями Скилицы, Зонары и, как можно полагать, того же Манасси. Иоиль, писавший столетием позже, сокращает Скилицу, а Ефрем, живший в начале XIV в., перелагает рассказ Зонары в стихи. Наконец, составитель второго продолжения труда Амартота и авторы так называемых народных хроник (Дорофей Монеувасийский и др.) черпают свой материал у Манасси, отчасти у Зонары и местами также у Кедрина — наиболее популярных хронистов. Все эти произведения не содержат самостоятельных известий о событиях X в. и не имеют сколько-нибудь важного значения для истории русско-византийской войны.

Таким образом, «История» Льва Диакона, хроника Иоанна Скилицы (доступная только в составе Синописа Кедрина) и всемирная хроника Иоанна Зонары исчерпывают собой круг греческих исторических памятников повествовательного характера, необходимых для изучения русско-византийских отношений при Святославе. Наибольшее значение среди них должно принадлежать Скилице и Льву Диакону. Первый использовал, хоть и довольно беспомощно, оба первоначальных источника, в то время как Лев следует лишь одному из них, непомерно преувеличивая и без того ярко выраженную в нем тенденцию в пользу Фокадов и лишь местами дополняя эти сведения документальными данными. Что касается Зонары, то хотя его взглядам более соответствовала церковная тенденция второго утраченного первоисточника, но к этому последнему восходят лишь отдельные подробности. Всем существенным содержанием своей хроники Зонара обязан все тому же Скилице.

Кроме исторических произведений, Балканские войны 967—971 гг. отразились и в памятниках византийской художественной литературы — в стихотворениях Иоанна Геометра, современника правлений Фоки, Цимисхия и Василия II (963—1025), а также в сатирическом диалоге «Филопатрид».

<sup>1</sup> Ioannis Z o n a r a e Epitome Historiarum, libri XIII—XVIII, edidit Th. Büttner-Wobst, Bonnae, 1897, стр. 512—513, 522—525, 527—535.

Стихотворения Иоанна Геометра, впервые использованные в качестве исторического источника В. Г. Васильевским, определившим время жизни автора, представляют собой эпиграммы и стихотворения на различные случаи. Поэт живо откликается на многие современные события и, в частности, несколько раз упоминает об отношениях Византии с ее северными соседями. Непосредственно к событиям 967—971 г. Васильевским отнесено всего одно стихотворение<sup>1</sup>, говорящее об опасности, угрожающей Византии от Руси. Единственного спасителя автор видит в покойном уже к тому времени Фоке и обращается к нему с призывом о помощи, передавая, таким образом, настроение правящего класса империи в момент, когда русские отряды подходили к стенам столицы. Это стихотворение является хорошим коррективом к хвастливому повествованию византийских историков.

Представляется вероятным, что и другое стихотворение относится к тем же событиям — именно ко времени посылки Калокира в Киев<sup>2</sup>. Таким образом, стихотворения Иоанна Геометра содержат ряд ценных дополнений к трудам историков и хронистов.

Некоторые указания на размеры опасности, угрожавшей Византийскому государству со стороны Руси во время войны со Святославом, можно отыскать и в диалоге «Филопатрид»<sup>3</sup>, написанном между 28 октября и 11 декабря 969 г., где говорится о набегах скифов. Сообщения диалога служат доказательством того, что военные действия руссов против Византии начались еще при Никифоре, и опровергают тем самым заключения ученых (Ф. И. Успенский, в последнее время — С. А. Семенов-Зусер), относивших второй поход Святослава на Балканы к 970 или даже к 971 г. Диалог свидетельствует и о том значении, какое представляла русская угроза для Византии осенью 969 г., и, кроме того, помогает уточнить хронологию событий.

Что касается «Записки» греческого топарха — загадочного памятника, используемого большинством исследователей (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, а также В. Г. Васильевский, С. А. Геденлов и мн. др.) в качестве источника о походах Святослава<sup>4</sup>, то такое истолкование памятника не подтверждается изучением документа и посвященной ему довольно обширной литературы. В самом деле, время действия описанных в отрывках событий можно приурочить лишь к одной из ряда периодически повторяющихся дат; топографически — почти несомненно только совпадение упоминаемого в тексте «царствующего на севере Истра», могущественного покровителя, с киевским князем, которое вместе с именем Днепра создает некоторую вероятность того, что речь идет о климате Крыма. Отождествление же автора отрывков с каким-либо определенным лицом не представляется возможным. Кроме того, утрата рукописи не позволяет проверить палеографические данные о документе. Ввиду этого памятник может давать лишь материал для более или менее гипотетических построений, но какие-либо твердые выводы извлечь из него затруднительно<sup>5</sup>. Поэтому осторожность заставляет воздержаться от укрепив-

<sup>1</sup> Помещено в Боннских изданиях Льва Диакона (стр. 453) и Скилицы (т. II, стр. 378).

<sup>2</sup> Ioannis Geometrae. Carmina varia, addita interpretatione J. P. Migne, PCC, S. G. wt. 106. Parisiis, 1863, N. 22, col. 919.

<sup>3</sup> Напечатан Б. Г. Нибуром в Боннском издании Льва Диакона, стр. 324 сл.

<sup>4</sup> Издано К. Б. Газе в Боннском издании Льва Диакона, стр. 496 сл.; перепечатан Ф. Вестбергом, ЗАН, 8 серия, ИФО, т. 5, № 2, 1901, стр. 14 сл.

<sup>5</sup> Ср., впрочем, довольно твердо обоснованные заключения М. В. Левченко. «Центный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. «Византийский временник», т. IV, 1951, стр. 42 сл.



шейся в литературе традиции использования «Записки» как документа, свидетельствующего именно об изучаемых событиях.

Односторонние и пристрастные в пользу Византии показания греческих источников дополняются и исправляются, прежде всего, на основании сообщений «Повести временных лет», являющейся не только одним из сокровищ мировой литературы, но и одним из наиболее достоверных исторических источников средневековья. Повесть была завершена в первых десятилетиях XII в. и представляет собой широко задуманный исторический труд, проникнутый глубоким патриотизмом и неопровержимо свидетельствующий о высоте и оригинальности древнерусской культуры. Вместе с тем «Повесть временных лет» является не первым историческим произведением на Руси. Трудом многих поколений русских ученых и работами советских исследователей (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин) выяснены в общих чертах основные этапы развития древнерусского летописания и установлены объем и характер предшествовавших «Повести» сводов. Тем не менее и сейчас остается немало неразрешенных вопросов.

Рассказ о Святославе, находящийся ныне в составе «Повести временных лет»<sup>1</sup>, имеет свою историю, тесно связанную с историей всего памятника в целом. Основой соответствующих летописных известий были, несомненно, устные народные предания, рано слагавшиеся вокруг героических походов Святослава. Не представляя собой источника строго документального, не чуждые порой наивного преклонения перед мужеством русского князя и доблестью всего его войска, эти сказания, очень важные, как проявление отношения народа к одному из выдающихся деятелей прошлого, сохраняют память не только об общем ходе Балканских войн, но и многие ценные их подробности. Ввиду этого представляется весьма вероятным, что составители летописных сводов XI в. не просто комбинировали устные сказания, но и располагали краткими записями, относящимися ко времени самих событий (И. И. Срезневский, М. И. Сухоплинов, Б. Д. Греков).

Вместе с тем сравнительное изучение летописных известий и показаний иностранных источников приводит к заключению, что господствующее воззрение, усматривающее источник, откуда был почерпнут летописный рассказ о Святославе, в какой-то не сохранившейся болгарской летописи<sup>2</sup>, не соответствует действительности. Напротив, отдельные летописные предания о воинственном князе, характеристика его и самый остов исторических сведений о событиях его княжения являются известиями русского происхождения, в своей основе — произведениями устного, в первую очередь дружинного, творчества. Они впервые возникли тогда, когда в памяти участников были, с одной стороны, еще свежи многие мелкие подробности событий, а с другой — когда уже значительная часть виденного стала забываться и облекаться в легендарные одежды. Трудно установить с несомненностью, когда стали записываться отдельные известия и сказания, но в сохранившемся летописном своде они составляли уже в самом начале его возникновения одну из основных частей. Если не принимать во внимание хронологических ошибок, неизбежных при произвольной разбивке на годовые статьи первоначально

<sup>1</sup> Лаврентьевская летопись, Полное собрание русских летописей, т. I, в. 1, изд. 2-е. Л., 1926, стр. 64 сл.; ср. Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, в. 1, изд. 3-е. Пгр. 1923, стр. 53 сл.

<sup>2</sup> Например, А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 120 сл.; 127 сл.; 465 сл.; ср. М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 27, 33 и др.



сплошного повествования, а также того, что ярче всего запомнились, разумеется, победы и успехи Руси, то нельзя не отметить, что рассказ русской летописи не противоречит в основном показаниям греческих источников. Это является, разумеется, не свидетельством заимствования или литературного подражания, но лишним подтверждением правдивости русских летописцев и их глубокого интереса к прошлому родной земли.

Заботливости и добросовестности древних летописцев мы обязаны также сохранением единственного документального источника, касающегося Балканских войн Святослава,— договора, окончившего войну Руси с греками. Этот документ составлен в соответствии с дипломатическими нормами той эпохи и, не являясь полным текстом международного соглашения, представляет собой только слова клятвы русского князя, произнесенной при ратификации условий мирного соглашения. Поэтому текст договора содержит лишь краткое перечисление односторонних обязательств Руси по отношению к империи и никак не является доказательством безоговорочной капитуляции русского князя. Это подтверждается тем, что Лев Диакон и отчасти Скилица сохранили сведения об обратных обязательствах греков перед Русью, свидетельствующих о факте обоюдного соглашения на основе взаимных уступок.

В дальнейшем воинские подвиги русского князя и его доблестных воинов не раз привлекали внимание составителей последующих памятников русского летописания. Однако в составе летописных сводов XII—XIV вв. сообщения «Повести временных лет» сохранились без существенных изменений, своды же XV—XVII вв. расширяют круг известных главным образом за счет хронографа, исторического, или точнее, историко-литературного, памятника, возникшего на Руси еще в первой половине XV в. Но показания русского хронографа не самостоятельны и восходят к данным «Повести временных лет», а также к славянскому переводу стихотворной хроники Манасси, дополненной в нескольких местах сведениями, почерпнутыми из славянского же перевода всемирной хроники Зонары. Утрата ранних произведений югославянской историографии не позволяет судить, насколько интересовали болгарских и сербских хронистов рассказы о Балканских войнах X в. Сохранившиеся сербские хронографы представляют собой в интересующей нас части лишь сокращение известий русского хронографа. Наконец, рассказ польского хрониста Яна Длугоша (XV в.), также построенный на основе русских летописных материалов, не содержит сколько-нибудь существенных подробностей по сравнению с соответствующим рассказом «Повести временных лет».

Существенным дополнением к рассмотренным материалам являются показания восточных исторических памятников. Сирийский христианин Яхья Антиохийский, живший в XI в. и писавший на арабском языке, отмечает в своем сухом рассказе общий ход событий, приводит некоторые самостоятельные детали и способствует, благодаря своему стремлению к хронологической точности, установлению подлинной последовательности событий. Армянский летописец Асогик, писатель конца X — начала XI в., прямо указывает на совместную борьбу Руси и Болгарии против Византии и также помогает уточнить хронологию русско-византийской войны и связанных с нею событий. Хорошая осведомленность обоих восточных писателей, независимых друг от друга и использовавших, как можно полагать, утраченные византийские источники (относительно Яхьи можно, в частности, предполагать использование утерянной хроники Феодора Севастийского), придает их свидетельствам большой авторитет.

Произведения собственно мусульманских арабских историков и географов не содержат никаких указаний на болгаро-русские дела 60—70-х годов. Арабские историки подробно рассказывают о войнах Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия на восточной границе империи, приводят иногда очень ценные данные о тяжелых налогах в Византии в правление Никифора Фоки и о всеобщей ненависти к нему, располагают сведениями о придворных интригах и деталях убийства Никифора, но, насколько известно, не упоминают вовсе о событиях на Западе, и, в частности, о русско-болгарских делах, если не считать весьма неопределенного указания у Ибн-Хаукаля.

Итак, при изучении русско-византийской войны и русско-болгарских отношений в конце 60-х и начале 70-х годов X в. современная наука располагает как документальными, так и литературно-повествовательными и литературно-художественными памятниками: рассказами Льва Диакона и Скилицы, частично восходящими к одному утраченному первоисточнику, повествованием «Повести временных лет» и, наконец, текстом обязательства Святослава. Дополнительные детали находятся в произведениях византийской художественной литературы, в хронике Зонары и в трудах Яхьи и Асогика. Остальные памятники, представляя порой известный литературный интерес, не имеют характера первоисточников, и историческое их значение состоит лишь в том, что они свидетельствуют о долговременном сохранении интереса к войнам Святослава не только на Руси, но и в Византии.

Сравнительное рассмотрение всей совокупности сохранившихся письменных исторических источников в свете учения марксизма-ленинизма создает необходимую предпосылку для воссоздания всей истории Балканских войн, причем не в плане рассмотрения действий королей и полководцев, «завоевателей» и «покорителей» государств, а в плане изучения истории трудящихся масс<sup>1</sup>, истории одного из этапов творческого содружества братских славянских народов, истории совместной борьбы их против внешней агрессии.

В самом деле, критическое рассмотрение первоисточников позволяет установить, что, вопреки господствующему в буржуазной историографии мнению о жестокостях и насилиях руссов в завоеванной Болгарии, единичные факты репрессий не определяют собой существа русско-болгарских отношений этой поры. Напротив, перед нами явственно вырисовывается факт совместной борьбы двух славянских народов, под руководством русского князя, против Византийской империи, причем источники позволяют установить и время заключения этого союза, существовавшего со времени второго появления руссов на берегах Дуная осенью 969 г. до момента пленения византийцами болгарского царя и фактического конца болгарской самостоятельности весной 971 г. Таким образом, военное содружество русских и болгар и общая их борьба против внешней агрессии восходят к древнейшим временам и прочно удостоверяются современными событиями первоисточниками<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См. И. С т а л и н. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 552.

<sup>2</sup> См. нашу статью по этому вопросу. «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 101 сл.

---

А. С. Сазонова

## СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ В УЧЕНИИ ЯНА ГУСА<sup>1</sup>

Одним из важнейших этапов в истории чешского народа по праву считается национально-освободительное движение XV в. Это был период, когда чешский народ поднялся на борьбу против злейшей католической реакции, против социального и национального угнетения. Великая чешская крестьянская война XV в., потрясая устои феодального строя в Европе и освободившая Чехию от немецкого господства, получила свое имя — гуситское движение от виднейшего представителя начального этапа этого движения — Яна Гуса.

Громадное значение Яна Гуса в истории национально-освободительного движения в Чехии придает проблеме изучения социально-политических и национальных требований великого чешского деятеля особую актуальность. Оценка взглядов Гуса представляет интерес как с точки зрения определения его роли в движении, так и с точки зрения характеристики всего первого периода гуситского движения. Правильная оценка взглядов Гуса важна также и потому, что в реакционно-католической и либерально-буржуазной историографии учение Гуса представлено в искаженном или тенденциозном виде. Изучение этих взглядов представляет глубокий научный интерес, но до сих пор этот вопрос не получил достаточного освещения в нашей советской историографии.

Задачей советской исторической науки является беспощадное разоблачение такой фальсификации. Только с позиций марксистско-ленинской методологии может быть правильно оценено мировоззрение Яна Гуса и его значение в истории классовой борьбы в Чехии XV в.

Решающее значение для понимания исторического смысла выступления Яна Гуса и гуситского движения имеют труды классиков марксизма-ленинизма, касающиеся непосредственно эпохи конца средневековья. Оценка социально-экономических противоречий, предшествующих европейской реформации, была дана впервые Энгельсом в книге «Крестьянская война в Германии». Здесь содержится блестящая характеристика эпохи германской реформации и крестьянской войны. Постановка проблемы и методология исследования событий в этой работе Энгельса имеют отношение и к изучаемому нами гуситскому периоду.

Анализ особенностей социально-экономического процесса интересующего нас периода дан также Энгельсом в статье «О разложении феодализма и развитии буржуазии». Характеризуя XV в. как начальный

---

<sup>1</sup> Тезисы диссертации, защищенной в Ученом совете МГПИ им. В. И. Ленина 29 июня 1951 г.



период разложения феодализма в Западной Европе, Энгельс подчеркивает, что этот процесс был подготовлен созданием в недрах феодализма новых буржуазных отношений, связанных с развитием городов и ростом нового класса — горожан, воплотивших в себе дальнейшее развитие производства и обмена<sup>1</sup>. В этой же статье Энгельс указывает на проблему образования национальных государств в европейских странах как на закономерный процесс, связанный с переходом общества от феодализма к капитализму.

Возможность еще глубже понять особенности интересующего нас периода и сущности гуситского движения дает сталинское учение о нации и условиях возникновения наций. «Нация,— говорит И. В. Сталин,— является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»<sup>2</sup>. Вместе с этим И. В. Сталин отмечает, что элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — создались исподволь, еще в период докапиталистический<sup>3</sup>. Эти элементы, говорит И. В. Сталин, представляли собой потенцию в смысле возможности возникновения нации в будущем при известных благоприятных условиях. «Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»<sup>4</sup>.

Конец XIV и начало XV в. для Чехии были периодом, когда, вследствие формирования в недрах феодализма буржуазных отношений, имеющиеся в потенции элементы нации получили возможность для своего развития.

Исследуемый период в истории Чехии характеризуется крайним обострением социальных и национальных противоречий, связанных с ломкой старых производственных отношений, а также с процессом начинающегося формирования чешской народности в нацию.

Социальные и национальные противоречия проявились, прежде всего, в городах, где растущее городское сословие находилось в состоянии оппозиции по отношению к церковно-феодалной аристократии, как воплощению всей феодалной системы средневековья.

Борьба против старого феодалного строя выразилась в европейских странах, прежде всего, в развитии бюргерской ереси. Специфику чешской бюргерской оппозиции составляет то, что она была направлена не только против феодалной эксплуатации со стороны католического духовенства, но и против национального угнетения. Переплетение национальных и социальных противоречий наложило отпечаток на состав и программу чешской бюргерской оппозиции. К чешской бюргерской оппозиции примкнуло дворянство, видевшее в католической церкви соперника своему собственному господству. Антинемецкие и антикатолические требования отвечали интересам и широких народных масс.

Наличие широких слоев народа в составе чешской бюргерской оппозиции придавало выступлению Гуса боевой, действенный характер.

Радикализм Гуса, отражавший влияние широких народных масс, был отмечен в трудах Маркса. С большой симпатией говорит Маркс о деятельности Гуса в Чехии, о его смелом выступлении против немцев и католического духовенства, называя Гуса защитником национальных и народных прав чехов. «Как защитник национальных и народных прав,— писал Маркс,— Гус становился тем популярнее среди чехов, чем ярост-

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 441.

<sup>2</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 303.

<sup>3</sup> См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

<sup>4</sup> Там же.



нее нападали на него исмежные остолопы...»<sup>1</sup> Маркс высоко оценил значение проведенной при активном воздействии Гуса реформы Пражского университета, а также деятельность Гуса в изгнании, его проповеди на чешском языке, чешский перевод библии и его публицистическую деятельность<sup>2</sup>.

Вместе с этим Маркс дал весьма отрицательную характеристику участникам Констанцского собора и императору Сигизмунду, вероломно предавшему Гуса<sup>3</sup>.

Высоко оценивая деятельность Гуса, Маркс вместе с тем заклеил умеренных профессоров Пражского университета, считавших себя последователями Гуса, и назвал их «узколобыми». Он отмечал, что они в своей программе сделали шаг назад от Гуса и Иеронима<sup>4</sup>, став впоследствии предателями крестьянско-плебейского движения.

Методологические указания классиков марксизма-ленинизма дают возможность понять совокупность всех тех факторов, которые способствовали возникновению гуситского движения в Чехии, а также правильно осветить социальные и национальные требования Яна Гуса.

Наиболее ценным источником для исследуемого вопроса служат сочинения Гуса, написанные на чешском языке. В них затрагивались вопросы, отражавшие назревшие социальные и национальные требования народных масс. Сочинения Гуса на чешском языке написаны в основном в последний период его жизни (1412—1415 гг.). Именно в этот период Гус окончательно сформулировал свою программу.

Наряду с чешскими сочинениями в диссертации использованы также латинские сочинения Яна Гуса, главным образом выступления против римской курии и духовенства, эксплуатирующих народные массы.

Ценным источником являются письма Гуса (1408—1415 гг.). Письма дают возможность проследить этапы жизненного пути Яна Гуса, его взаимоотношения с представителями различных слоев чешского общества и эволюцию его взглядов в связи с нарастанием оппозиционного движения в стране.

Кроме собственных сочинений Гуса, привлечены сообщения его современников и последующих хронистов. Наиболее ценным из них можно считать книгу Петра Младеновиц. Интересные сведения о Гусе имеются также в анонимной хронике Пражского университета (1348—1413 гг.) и в ряде чешских летописей.

Совершенно тенденциозный и клеветнический характер носят сообщения о Гусе, даваемые представителями католического направления — Ульрихом Рейхенталем, Энеем Сильвием и др. В их произведениях отразилась ненависть реакционно-католического лагеря по отношению к чешскому движению.

Литература о Гусе огромна. Ее можно рассматривать по следующим основным направлениям: реакционно-католическое направление, русские историки XIX в., либерально-буржуазное, или протестантское, направление, историки современной демократической Чехословакии и советские историки.

Реакционная католическая историография подвергла учение Гуса сознательному извращению и фальсификации. Представители этого направления стремились доказать «случайность» выступления Гуса и всего гуситского движения. Ими был выдвинут еще в XV в. тезис о некри-

<sup>1</sup> Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 214.

<sup>2</sup> См. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 214—216.

<sup>3</sup> См. там же, стр. 218—219.

<sup>4</sup> См. там же, стр. 224—225.

тическом заимствовании Гусом взглядов у английского реформатора Викафа. Гус, по их мнению, будто бы механически перенес идеи Викафа в Чехию, результатом чего, по их мнению, были многочисленные бедствия, принесшие Чехии лишь «катастрофу» и «разрушение».

Концепция католических историков была полностью воспринята представителями реакционной исторической школы XIX в., отражавшей интересы правящих кругов Австрийской монархии и германской империалистической буржуазии (Гёфлер, Штрунц, Фишер). Их исторические концепции не дают решительно ничего нового по сравнению с католиками и повторяют избитый тезис последних о «случайности» гуситского движения и заимствовании Гусом взглядов у Викафа, о вредной роли гусизма в истории Чехии. Главной целью и этих историков было отвлечь народные массы Чехии от своего героического прошлого, связанного с активной борьбой против социального и национального угнетения.

События гуситского периода привлекали внимание русских историков XIX в. (Елагин, Новиков, Клеванов, Пальмов), которые видели в гуситском движении важное историческое событие, подчеркивали его антикатолический характер и с большой симпатией относились к Яну Гусу, как к национальному чешскому деятелю. Однако русские историки подходили к гуситскому движению преимущественно как к религиозному, считали Гуса лишь церковным реформатором и тщетно пытались установить его связь с православием. Изучение гусизма в русской историографии XIX в. в конце концов не вышло за рамки конфессионального характера.

Большое внимание уделено событиям гуситского периода в работах чешских либерально-буржуазных историков XIX в. Ф. Палацко и др. Историческая концепция Палацко сложилась в условиях нарастающего революционно-демократического движения, с одной стороны, и борьбы чешской буржуазии с буржуазией господствующей немецкой нации — с другой. Палацкий выступил с апологией великой исторической роли гуситского движения, в противоположность реакционно-католическому направлению. В целях опровержения реакционно-католических историков Палацким и его школой было предпринято издание многочисленных документов по истории гуситского движения.

Однако оценка характера гуситского движения и выступления Гуса была дана Палацким с узко классовых, буржуазных позиций. Стремление снять с повестки дня вопросы социального характера заставило Палацко скрыть социальный момент в учении Гуса и свести его выступление к религиозно-нравственному протесту против злоупотреблений католического духовенства. Правда, кроме религиозно-нравственной стороны в гуситском движении, он обращал внимание и на национальный момент, но вместо реальных классов, борющихся за определенные интересы, у него выступает «народ», как некая бесклассовая масса. Лозунгом национального объединения буржуазия стремилась отвлечь народные массы от социальной борьбы. Поэтому вопрос о социальных требованиях в учении Гуса не был даже поставлен в буржуазной историографии.

Концепция Палацко была воспринята всей буржуазной историографией XX в. (Новотный, Кибаль, Бартош, Халоупецкий), которая еще больше акцентировала внимание на религиозно-нравственном моменте в учении Гуса. Подобно тому как выступление Палацко явилось реакцией на революционно-демократическое движение XIX в., так и работы буржуазных чешских историков XX в. отразили страх либеральной буржуазии перед пролетарским движением и были реакцией на Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г.

Прогрессивные историки современной народно-демократической Чехословакии стремятся по-новому подойти к решению вопросов своего исторического прошлого, используя методологические указания классиков марксизма-ленинизма. Гусу и гуситскому периоду уделено большое внимание в работах З. Р. Нееды и Ф. Грауза, которые связывают выступление Гуса с предшествующим социально-экономическим процессом и рассматривают учение Гуса как выражение назревших социальных потребностей. Работа историков демократической Чехословакии находится еще в начальной стадии.

В нашей советской историографии достигнуты значительные успехи в разработке вопросов, касающихся гуситского движения в целом. В учебниках и лекционных курсах (профессоров А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, В. Ф. Семенова) дается марксистская трактовка данного вопроса. Советские историки приступили и к более детальной разработке отдельных проблем гуситского периода. В частности, в ряде работ молодых советских историков начато глубокое изучение истории таборитов.



Прежде чем приступить к рассмотрению взглядов Яна Гуса, необходимо дать характеристику социально-экономического положения Чехии накануне гуситского движения.

В экономическом развитии Чехии интересующего нас периода наблюдаются глубокие изменения в связи с началом разложения феодальных и возникновением буржуазных отношений. Это был период значительного роста производительных сил. В сельском хозяйстве усвершенствуется техника обработки земли, повышается урожайность. Большое значение приобретает виноградарство, увеличивается развитие огородно-бахчевых культур. Значительно возросла роль чешских городов, где ремесло, особенно сукноделие, производство металлических изделий и изготовление оружия, сделало большие успехи.

Товарно-денежные отношения начинают проникать во все сферы чешской экономики. В деревне рост товарно-денежных отношений вызывает увеличение потребностей феодалов в деньгах. Стремление феодалов к повышению доходов со своих поместий нашло выражение во введении так называемого «немецкого» права, связанного с переводом крестьянских повинностей на деньги. Процесс коммутации захватил в Чехии XIV в. значительную массу крестьянства. Однако с переводом на денежные платежи не исчезли натуральные повинности и барщина.

Чешская буржуазная историография, под влиянием немецких историков, идеализирует значение введения «немецкого» права в Чехии, которое, по их мнению, способствовало улучшению экономического положения крестьянства в предгуситскую эпоху. На самом же деле «немецкое» право лишь изменило форму платежей, но отнюдь не уменьшило их, — оно способствовало даже усилению эксплуатации крестьян. Феодалы использовали перевод крестьян на «немецкое» право для получения с них нового налога в виде «закупной» платы. С увеличением феодального гнета значительно возросло недовольство эксплуатируемого крестьянства. Широкое распространение ересей в чешских деревнях и городах XIV в., о которых так выразительно говорит *Majestas Carolina*, свидетельствует о нарастающем протесте народных масс против жестокой феодальной эксплуатации.

В XIV в. особенно обострились классовые противоречия в чешском городе. Чешские города имели своеобразную социальную структуру.



В результате происходившей в XII в. немецкой колонизации и получаемых немцами привилегий от чешских королей, господствующее положение в чешском городе заняли немцы, затормозив развитие чешских элементов. Они составили в чешском городе основное ядро патрициата, захватив в свои руки экономическое и политическое господство. Основным источником дохода патрициата была торговля, ростовщичество и землевладение. Немецко-патрицианская верхушка чешского города эксплуатировала все остальное городское население. XIV век в истории чешских городов является веком переломным. В связи с начавшимся расслоением деревни значительно усилился приток в состав городской общины чешского ремесленного населения, что способствовало росту промышленного и торгового значения чешских городов. Прага, Братислава, Брно, Пльзень и многие другие города получают известность за пределами своей страны, становятся центрами европейской торговли.

В XIV в. в чешских городах завершается процесс образования цехов. С увеличением чешского ремесленного населения в составе городов, господство немецкого патрициата начинает встречать все большее сопротивление. Значительное экономическое усиление чешских ремесленников толкало их на борьбу за политическое господство в городе. Немецко-патрицианская верхушка, желая подавить это стремление чехов, проводила в городах активную политику запрещения цеховых организаций, служащих для чехов средством объединения. Эта борьба, в условиях чешских городов, приняла характер не только социальной борьбы ремесленников с патрициатом, но и борьбы национальной, что придавало ей особенно заостренный характер.

На городские движения XIV в. наложило также отпечаток участие в них городской бедноты, выступавшей уже со своими экономическими требованиями. Эти требования беднейших слоев народа особенно остро проявились в восстаниях в Брно (1378 г.) и Иглаве (1391 г.), где беднота выступила с протестом против дороговизны продуктов, а также порчи мелкой разменной монеты. Но экономические требования городской бедноты не вылились еще в четкую программу. До начала антифеодального таборитского движения плебейские массы чешских городов не выступают самостоятельно. Бюргерство стремилось использовать силу народных масс в своих личных интересах, выдвигая на первый план требование участия в городском управлении.

Городские движения XIV в., отражавшие нарастание социальных и национальных противоречий, были прямой подготовкой национально-освободительного движения XV в.

Нарастание оппозиционного настроения в широких слоях чешского населения происходило также вследствие все возрастающей хищнической эксплуатации Чехии, проводимой римской курией и католическим духовенством. Высшее духовенство Чехии состояло в основном из немцев, смотревших на чешские земли как на источник обогащения. Еще большему усилению эксплуатации способствовал церковный раскол 1378 г., в результате которого римская курия перенесла центр своей эксплуатации на восток, в земли Германской империи. Входившие в ее состав чешские земли оказались объектом наибольшей эксплуатации.

Таким образом, к концу XIV в. в Чехии создалась весьма напряженная обстановка. Существующим положением были недовольны самые различные классы чешского общества. Крестьянство и городская беднота были задавлены церковным, феодальным и иноземным гнетом и питали к нему искреннюю ненависть. Бюргерство городов было настроено оппозиционно против богатого католического духовенства и немецко-патри-



пианской верхушки. Немецко-католическое духовенство вызывало недовольство и в среде чешского дворянства, которое желало секуляризации земельных владений церкви.

\* \* \*

Обострение социальных и национальных противоречий делало Чехию такой страной, где раньше, чем в другой какой-либо стране Европы, могло возникнуть широкое движение против господствовавшего феодального строя. Это движение проявилось первоначально в виде бюргерской оппозиции.

Важнейшим требованием чешской бюргерской оппозиции были национальные требования, отражавшие интересы широких слоев чешского населения. Для формирования чехов в нацию прежде всего необходима была свобода развития национального языка.

Требование проповедей на чешском языке было первым лозунгом поднимающегося национально-освободительного движения в Чехии. Выражением потребности в создании своего рода общественной трибуны, с которой чешский язык мог бы быть доступен широкой массе, было построение в 1391 г. Вифлеемской часовни.

Оппозиционно настроенные пражские горожане нашли своего решительного сторонника в лице Яна Гуса. Тесная связь Гуса с горожанами Праги и поддержка им их требований способствовали тому, что Гус располагал большим влиянием в Праге уже в первые годы своей деятельности. Избрание Гуса в 1402 г. проповедником Вифлеемской часовни делало его контакт с горожанами еще более тесным и постоянным и ставило его официально во главе начинающегося национально-освободительного движения.

Деятельность Гуса не ограничивалась Вифлеемской часовней. Она очень живо проявилась также в Пражском университете, который был другим, не менее важным центром, где чехи могли отстаивать свои права. Немцы заняли господствующее положение в Пражском университете. При выборах должностных лиц университета они имели три голоса из четырех, в то время как чехам принадлежал лишь один голос. Борьба чехов против господства немцев в университете приняла к концу XIV в. очень острый характер.

В результате упорной борьбы чехам удалось достигнуть победы. В 1409 г. был издан Кутногорский декрет, который передавал руководящую роль в университете в руки чехов. Кутногорский декрет явился одним из главных результатов деятельности Гуса. Гус был в составе делегации, направленной к королю в Кутную гору с ходатайством об издании декрета. Он восторженно приветствовал издание Кутногорского декрета, передавшего чехам три голоса в университете. Особенно важно написанное Гусом специальное сочинение в защиту Кутногорского декрета, в котором он отмечал, что национальные требования чехов являются необходимым условием всего дальнейшего развития страны.

Освобождение от немцев Пражского университета было первой значительной победой чехов на пути борьбы за свои национальные права. Университет стал во главе национально-освободительного движения в стране. В нем, замечает Маркс, «... свободнее стали распространяться учения Гуса, Иеронима и другие учения, проповедываемые на чешском языке устно и письменно»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 214.

Пробуждение национального сознания порождало естественное стремление чехов к участию и в других сферах общественной и политической жизни их страны. Вслед за освобождением от немцев университета и упрочением в нем чешского влияния особенно усилилась борьба чешских элементов и за пражское городское самоуправление. При активном участии Гуса в магистрате Старого Города Праги (где из 18 человек было 16 немцев и лишь 2 чеха) 16 мест было передано чехам, а 2 оставлено для немцев. Это было новой значительной победой чешских элементов.

По мере усиления национального движения в Праге Гус вплотную подошел к созданию национальной чешской церкви. Он фактически уже провел введение ряда национальных элементов в богослужение (пение молитв и проповедь на чешском языке) и потребовал назначения священников только из числа чехов. Гус резко протестовал против поборов в Чехии в пользу папской курии.

Выступая с позиций защиты национальных прав чехов, Гус требовал создания сильной и независимой королевской власти, приоритета короля над духовенством и считал основным назначением королевской власти заботу о коренном населении страны — о чехах. Это требование было в интересах всех прогрессивных элементов чешского общества, тяготевших к королевской власти во имя создания национального чешского государства. Создание независимого национального государства было одним из важнейших требований в программе Яна Гуса.

Назревание широкого оппозиционного настроения в Праге проявилось в 1412 г. в открытом волнении народных масс. Испуганные этим представители католического духовенства обрушились репрессиями прежде всего на Гуса. Гус был отлучен от церкви и вынужден был покинуть Прагу. С 1412 г. он находился в изгнании на юге Чехии, но общественная деятельность его не прекратилась. Гус продолжал свои проповеди на чешском языке и вне Праги. Большое внимание он уделял также литературной деятельности. В Козьем городке им были написаны наиболее острые социально направленные сочинения на чешском и латинском языках: «Толкование веры», «О святокупстве», «Постилла», «О церкви» и мн. др. Здесь же им была переведена на чешский язык Библия.

По своей форме сочинения, написанные в изгнании, отличаются чрезвычайной выразительностью и яркостью. Гус выступал против засорения чешского языка чуждыми ему заимствованиями из немецкого языка. Он значительно обогатил словарный состав чешского литературного языка, добиваясь его большей выразительности путем использования народных выражений, пословиц и поговорок.

Гус не только обогатил чешский язык новыми словами, но явился также создателем чешской грамматики. И. В. Сталин указывает на то огромное значение, которое имеет создание грамматики для каждого языка:

Созданием новой грамматики Гус способствовал укреплению чешского языка, его устойчивости и живучести. «Устойчивость языка, — указывает И. В. Сталин, — объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда»<sup>2</sup>. И. В. Сталин приводит в пример историю развития языков балканских народов. «Сотни лет, — указывал он, — турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов»<sup>2</sup>. Подобной же ассимиляции пытались подверг-

<sup>1</sup> И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, 1950, Госполитиздат, стр. 26.

<sup>2</sup> Там же, стр. 24.

нуть и чешский язык немецкие колонизаторы. И, подобно тому как в языках балканских народов, словарный состав претерпел серьезные изменения, восприняв не мало турецких слов и выражений, однако выстоял и выжил, так и чешский язык, испытав на себе влияние немецкого языка, все же выстоял и выжил благодаря сохранению основного словарного фонда и грамматического строя. Не малая заслуга принадлежит в этом вождю чешского национального движения — Яну Гусу.

В выступлении Гуса против существующего феодального строя громадное место занимает его выступление против католического духовенства.

Рост городского сословия делал неизбежным его конфликт с силами феодализма. Оппозиция против феодализма была направлена, прежде всего, против католического духовенства как наиболее привилегированной части феодального лагеря.

Уже в своих первых проповедях Гус выступал против богатства духовенства. Он утверждал, что духовные лица не имеют права владеть материальными богатствами, протестовал против роскоши чешского духовенства и римского двора. Гус требует от духовенства отказа от богатства и возврата к апостольской бедности, что фактически означало ликвидацию церковно-феодальной иерархии.

Гус подверг критике те догматы католической церкви, которые санкционировали неограниченное политическое господство духовенства в обществе. Он решительно отверг утверждение о непогрешимости папы и обязанности безусловного ему подчинения.

Ян Гус выступил против присвоения католическим духовенством особых прав в сфере религиозной жизни человека: права причащения одного лишь духовенства под двумя видами, права отлучения от церкви, права отпущения грехов и др. Все эти требования, сами по себе чисто культовые, обрядовые, в условиях гуситского движения были символом борьбы против привилегий католического духовенства как руководящей силы феодального общества.

В своих проповедях Гус подверг уничтожающей критике католическое духовенство как эксплуататора народных масс. Он обличал жадность, гордость и корыстолюбие духовенства, требовал от духовенства бесплатного совершения религиозных обрядов. Гус утверждал, что десятина не есть обязательная плата, а лишь добровольная милостыня. Особенно горячо протестовал он против продажи индульгенций, рассматривая торговлю ими, прежде всего, как проявление эксплуататорской сущности католического духовенства. Разоблачение эксплуататорской сущности феодально-католической церкви составляет важную сторону в выступлениях Я. Гуса.

Ликвидация экономического и политического господства католического духовенства означала уничтожение церкви как феодального учреждения. Это было безусловно прогрессивным требованием в условиях того времени.

Однако программа ликвидации этого господства трактуется Гусом в интересах имущих слоев населения. Главной силой, которая должна ликвидировать богатства духовенства, Гус считает короля и светских панов, имеющих, по его мнению, право взять церковные владения «под свою охрану». О передаче церковных земель непосредственно народным массам Гус не думал.

Ориентация на светских феодалов отражала незрелость и слабость чешского бюргерства, которое стремилось к союзу с дворянством, привлекая его в свой лагерь перспективой секуляризации церковных земель. Этот компромисс со светскими феодалами сказался также в сохранении



светского сословно-феодалного строя и признании его «нормальным» устройством общества.

Но, признавая феодальный строй, Гус фактически трактовал его по-новому, более демократически. Здесь сказалось давление широких народных масс, примкнувших к бюргерской оппозиции, под влиянием которых Гус зашел в своих требованиях за рамки требований бюргерской оппозиции.

Гус считает феодала как бы должностным лицом, обязанным учить и охранять народ. Он обратил основное внимание именно на эти обязанности феодалов, выдвинув принцип строгой ответственности феодала за свои общественные функции. Гус ограничивал власть феодала над крестьянами принципом моральной ответственности феодала. Он считал, что несправедливо, «не по правде» живущий пан недостойн управлять народом.

В противоположность феодальному принципу безусловного повиновения народных закрепощенных масс феодалам, Гус создал новое учение, исходным моментом которого является условное повиновение, ограниченное целым рядом оговорок. Гус утверждал, что крестьяне обязаны подчиняться феодалам только в хорошем, но не должны исполнять несправедливые приказания. Это право давало крестьянам оружие в борьбе против жестокой феодальной эксплуатации и ставило панов в определенные «рамки» по отношению к крестьянам.

Демократические черты в социальном учении Гуса проявились и в прямом обличении им существующего феодального строя. Гус обличал панов за жестокое притеснение народа феодальными платежами. Решительно выступал он также против городских ростовщиков. Отражая требования крестьянско-плебейских слоев, Гус протестовал против права «мертвой руки», одного из тяжелых феодальных обычаев средневековья. Гус подверг резкой критике феодальный суд, бичуя его произвол, взяточничество и бюрократизм, указывая на то, что «бедный человек не может в нем найти управы против богатого и сильного».

Но Гус не довел своего протеста против феодализма до прямого призыва к низвержению феодального строя, не создал программы ликвидации эксплуататорских классов. Проповедь неповиновения феодалам все же носит у Гуса ограниченный, условный характер и не доведена им до решительного призыва к активной борьбе против эксплуататоров. Это отсутствие призыва к насильственному низвержению эксплуататорских классов оставляет в конце концов выступление Гуса в рамках бюргерской оппозиции.

Тем не менее критика Гусом наиболее уродливых сторон феодального строя поднимала волну огромной народной ненависти против эксплуататоров. Народные массы с жадностью слушали проповеди Гуса и вкладывали в каждое его слово определенный смысл, который отражал их назревшие социальные требования.

Огромный резонанс, который имело выступление Гуса в среде чешского народа, свидетельствует о том, что объективное значение его учения было гораздо шире, чем этого, может быть, хотел сам Гус. Уже при жизни Гуса народные массы воспринимали его выступление как призыв к активным действиям.

Чешские летописцы красноречиво свидетельствуют о волнениях в Праге, возникших в 1412 г. в ответ на бесцеремонное вымогательство денег у народа под видом продажи индульгенций. Эти волнения прямо перекликаются с проповедями Гуса и его выступлениями против эксплуатации простого народа.



В дальнейшем, по мере все большего революционизирования масс, учение Гуса послужило исходным моментом для формирования антифеодальной крестьянско-таборитской программы. Историческая преемственность учения Гуса и таборитов идет по линии восприятия тех положений из учения Гуса, которые отвечали требованиям широких народных масс и выходили за рамки бюргерской оппозиции.

Деятельность Гуса, как обличителя феодализма, явилась именно тем подготовительным материалом, который ускорил нарастание в Чехии XV в. широкого антифеодального движения, того гуситского революционного движения, которое было охарактеризовано Марксом как «...национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора»<sup>1</sup>.

Идеи Гуса имели большое влияние на последующую немецкую реформацию. Томас Мюнцер выразил свою огромную симпатию к чешской реформации во время пребывания в Праге в 1521 г. В опубликованном в Праге воззвании Мюнцер заявляет, что прибыл в город «дорогого и святого борца Яна Гуса... чтобы выступить против ложного толкования веры и священного писания»<sup>2</sup>.

Демократизм и прогрессивность выступления Яна Гуса сделали его имя бессмертным и для всех последующих поколений. Имя Гуса дорого для каждого прогрессивного человека, как имя деятеля, связанного с одним из широких народных движений, происходивших в Европе в конце средневековья.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 275.

<sup>2</sup> М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война, 1947, стр. 199.

Н. Д. Ратнер

## НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЧЕХИИ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ДУАЛИЗМА (1866—1871)<sup>1</sup>

1860-е годы представляют собою важную страницу в истории чешского народа. Это — время стремительного и бурного развития капитализма в Чехии, время быстрого роста рабочего класса и первых, еще стихийных проявлений рабочего движения, время революционного кризиса Австрийской империи, в рамках которой существовал чешский народ. «... Австрия находится накануне своего 1789 г. ...», — так оценивал этот период Ф. Энгельс<sup>2</sup>.

Объективная значимость этого периода в истории Чехии была оценена чешскими буржуазными историками. Они посвятили ему десятки книг и статей, создали целую систему фальсификаций, имевших целью возвышение исторической роли чешской буржуазии, отравление чешского рабочего класса ядом оппортунизма и национализма. Между тем, несмотря на это, до настоящего времени мы еще можем обнаружить в некоторых работах, издающихся в народно-демократической Чехословакии, отзвуки традиционных буржуазных схем и построений, наша советская историческая наука и чехословацкие историки-марксисты еще не противопоставили этим буржуазным фальсификациям специальных исследований, посвященных этому периоду, исследований, которые не только вскрывали бы методологическую порочность буржуазной историографии, но и разоблачали бы широко применяемое буржуазными фальсификаторами искажение исторической действительности, подтасовку фактов и т. п.

В связи с этим, стремясь восполнить этот пробел, мы избрали из всей суммы вопросов истории Чехии 60-х годов XIX в. вопрос о развитии национально-политической борьбы как один из наиболее существенных и в то же время в наибольшей мере искаженных буржуазными фальсификаторами.

Чехия в XIX — начале XX в. была страной типичного буржуазного национального движения, примером, который много раз упоминается на страницах энциклопедии марксистско-ленинской теории по национальному вопросу — труда И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Раскрытие сущности и форм национального движения в Чехии, оценка его значения, данная И. В. Сталиным, представляют для нас, занимающихся историей Чехословакии XIX в., методологическую основу.

<sup>1</sup> Тезисы диссертации, защищенной на Ученом совете Института истории АН СССР, 1 октября 1951 г.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 487.

Буржуазное национальное движение в Чехии не было в 60-х годах XIX в. явлением новым, только что возникшим. Этот период тесно был связан с предшествующим, чрезвычайно важным этапом — революцией 1848 г. Поэтому необходимо рассмотреть эволюцию буржуазного национального движения в Чехии, выявить то новое, что отличает изучаемый этап от предыдущего, вскрыть основные причины отмечаемых изменений. Вместе с тем 60-е годы не были и заключительным этапом этого движения. Мы ставим поэтому перед собой задачу — выявить те явления и тенденции, которые, зародившись в рассматриваемый период, достигли полного развития позднее.

Хронологические рамки исследования намечены не случайно, они соответствуют объективно-историческому развитию чешского национального движения, 60-е годы представляют собою четко выделяющийся этап этого движения. Этот этап распадается на две фазы: первая — от поражения Австрии в войне с Францией и Сардинией в 1859 г. до австро-прусской войны 1866 г., характеризующаяся сравнительно медленным развитием внутривнутриполитического кризиса в Австрии и постепенным нарастанием национального движения в Чехии; вторая — от австро-прусской войны 1866 г. до срыва австро-чешских переговоров в октябре 1871 г., время оформления австро-венгерского соглашения и бурного развития национально-политической борьбы в Чехии. Рассматривая обе фазы национального движения, мы все же основное внимание сосредоточиваем на 1866—1871 гг., определяющих внутренние, более узкие рамки темы.

Работа посвящена национальному движению, но она не охватывает его полностью. Национальная борьба разгорается прежде всего в области экономики. «Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»<sup>1</sup>. Лишь затем «борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую»<sup>2</sup>. Борьба растущей чешской буржуазии против буржуазии немецкой за «свой», «родной» рынок, национальная борьба в хозяйственной сфере представляет собою важную область национальной борьбы в Чехии в 60-х годах XIX в. Мы касаемся здесь этого вопроса кратко, лишь в той мере, в какой это представляется необходимым для освещения основной темы исследования. Этой основной темой является национальная борьба в политической сфере, **национально-политическая борьба**.

Мы стремились, по возможности, осветить и чрезвычайно важный, тесно связанный с изучаемым вопрос развития рабочего движения в Чехии в 60-х годах. Рабочее движение в Чехии должно быть темой большой самостоятельной работы, однако, встречая в ходе изучения источников мало известный или вовсе не учитывавшийся в литературе материал о рабочем движении, мы привлекли этот материал, считая, что некоторые композиционные отклонения с лихвой окупаются ценностью сообщения каждого нового факта о жизни и борьбе чешского пролетариата в этот ранний, мало изученный период его развития.

Изучая национально-политическую борьбу в Чехии на общем фоне внутривнутриполитического кризиса в Австрийской империи, мы в ряде случаев считали уместным (учитывая недостаточную освещенность этих вопросов в нашей советской литературе) с несколько большей, чем это, возможно, требовалось для раскрытия основной темы, подробностью характеризовать положение в Австро-Венгрии в этот переходный, кризисный период ее истории.

<sup>1</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305.

<sup>2</sup> Там же, стр. 306.

Остановимся кратко на источниках исследования.

Сам характер национально-политической борьбы в Чехии в 60-х годах XIX в. определяет в значительной мере круг и достоинство источников. Эта борьба велась чешской буржуазией, с одной стороны, в форме открытых выступлений на страницах печати, с трибуны земского сейма, при различного рода торжествах национального характера и т. п. С другой стороны, лидеры буржуазии и дворянства вели закулисные переговоры с представителями правительства, организовывали негласные и секретные совещания и т. п. Наконец, помимо той национально-политической борьбы, которую вела буржуазия, в Чехии в 1868—1869 гг. развертывалось массовое движение, нередко выходившее за рамки, которые ему стремилась поставить буржуазия, отражавшее интересы широких трудовых масс чешского народа. Если для изучения открытых выступлений буржуазии и изучения массового движения наиболее ценными источниками являются современная периодика, протоколы сеймов, различные сборники опубликованных ранее статей и речей буржуазных деятелей, то для изучения закулисных, негласных действий мы должны в основном опираться на воспоминания, дневники, переписку и тому подобные источники. Некоторые сведения (нередко искаженные) о таких закулисных действиях проникали и в печать. Все эти источники, при должном критическом отношении к ним и перекрестной проверке (различной для различных по характеру источников), могут обеспечить достаточно полное и правильное освещение изучаемых вопросов.

Мы использовали стенографические отчеты чешского земского сейма за 1861—1871 гг., статьи и речи крупнейших чешских буржуазных политических деятелей: Франтишка Палацкого, Франтишка Ладислава Ригера, Карла Сладковского, Карла Сабины, переписку Ригера, Алоиза Пражака, Эдуарда Тааффе, дневники Эдуарда Грегра и Вацлава Владивоя Томека, воспоминания Ригера, Пражака, Адольфа Срба, Якуба Малого, Антала Сташека, ряда младочешских деятелей, группировавшихся вокруг газеты «Народни листы», а также воспоминания деятелей враждебного чешской буржуазии лагеря — Бейста, Бисмарка, Гасснера, Поллака. В ряде случаев характер источников — личных воспоминаний — имеют более поздние работы Якуба Арбеса, Оттокара Цейтгаммера и др. Учтены и использованы анонимные политические памфлеты этого периода как чешского, так и немецкого лагеря.

Ценнейшим источником, наряду с протоколами сейма, является периодика. К сожалению, в книгохранилищах СССР отсутствуют чешские газеты за изучаемые годы. В определенной мере этот пробел удается восполнить, привлекая и сравнивая друг с другом русскую печать различных направлений: «Голос», «Московские ведомости», «Москва», «Неделя», «Современная летопись», «Отечественные записки», а также венскую газету немецкой либеральной партии «Нейе Фрейе Прессе». Эти газеты ценны не только в силу того, что для изучаемых вопросов важно учитывать точку зрения на события в Чехии, проявлявшей к ним пристальный интерес русской печати и буквально поглощенной ими «Нейе Фрейе Прессе». И сочувственно относившиеся к чешскому национальному движению русские газеты, и резко враждебная ему и непрерывно полемизирующая с чехами «Нейе Фрейе Прессе» по разным побуждениям перепечатывали большие отрывки из чешских газет, излагали их статьи и обзоры и т. д., что дает возможность в значительной мере воссоздать (для наиболее важных моментов даже в деталях) представление о содержании чешской печати. Кроме того, подробная репортерская информация, содержащаяся в обширных номерах «Нейе Фрейе Прессе», выходившей



двумя выпусками в день, дает при соответствующем критическом анализе большой и ценный фактический материал по изучаемому вопросу.

Как уже было указано, национально-политическая борьба в Чехии в 60-х годах совершенно не освещена в марксистско-ленинской исторической литературе. Что касается буржуазной, преимущественно чешской, историографии, то она сосредоточивала все свое внимание на тех политических проектах и комбинациях, которыми были заняты воспеваемые ею «отцы чешского народа» — лидеры чешской буржуазии, и старательно и намеренно замалчивала широкое массовое движение, охватившее Чехию в 1868—1869 гг. Достаточно сказать, что не только консерватор (старочех) Цейтгаммер в своей двухтомной истории 1865—1871 гг., но и один из «левых» буржуазных историков — Зденек Тоболка, посвящающий в своей «Политической истории чехословацкого народа» (1933) почти 300 страниц изучаемому нами периоду 60-х годов, отделяется от всего массового движения 1868 г. одной совершенно бессодержательной фразой. Единственная буржуазная работа, содержащая значительный материал об этом движении, — летопись событий, составленная либералом (младочехом) Якубом Арбесом, всячески затушевывает социальную окраску массового движения, а все его акты, выходящие за границы приемлемого для либеральной буржуазии, изображает как «эксцессы, достойные всяческого сожаления». Вся эта литература может быть полезна лишь в тех (впрочем, очень немногих) случаях, когда она приводит факты на основании недоступных нам источников. С точки зрения своих тенденций и методологии она представляла собою совершенно негодное и неприемлемое «наследство». Но это не освобождает нас от обязанности подвергать эту литературу рассмотрению и критике, так как появившиеся в 1948 г. в Чехословакии работы Ф. Бартоша, В. Винша и др. свидетельствуют о живучести насажденных ею взглядов.

\* \* \*

Быстрое развитие капитализма в Чехии после революции 1848 г. все более превращало Чехию в капиталистическую страну, в передовую в экономическом, и прежде всего в промышленном, отношении часть Австрийской империи. Чешское общество все более становилось буржуазным обществом, в котором основными классами, классами-антагонистами являлись буржуазия и пролетариат. Однако наличие многочисленных не устраненных в ходе революции 1848 г. пережитков феодализма, развитие капитализма в сельском хозяйстве Чехии по прусскому пути создавало сложную расстановку классовых сил, сложный переплет социальных противоречий.

Социальные противоречия дополнялись и переплетались с противоречиями национальными. Господствующее положение немецкой нации и угнетение чешской нации, сосредоточение всех командных высот в экономике в руках немецких капиталистов и помещиков и одновременно рост чешской буржуазии, ее стремление добиться экономического и политического господства в чешских землях — такова была обстановка в Чехии к началу 60-х годов.

В условиях жестокого полицейского режима, установившегося в Австрии после поражения революции 1848 г., все эти противоречия не могли проявиться с полной силой. Но поражение в войне с Францией и Сардинией поставило Австрию на грань финансового банкротства, привело к падению правительства Баха и создало серьезный кризис «верхов» Австрийского государства. В Австрии складывалась революционная

ситуация. «...Как видно, — писал Энгельс осенью 1860 г., — начинается вторая австрийская революция»<sup>1</sup>.

В Чехии вновь развернулось буржуазное национальное движение. Во главе этого движения стояли «люди 1848 г.» — лидеры чешской либеральной и радикальной буржуазии в 1848 г. Палацкий, Ригер, Сладковский и др. Пользуясь этим, буржуазная литература ставила знак равенства между национальным движением 1860-х годов и движением 1848 г. Она продолжала именовать и в 60-х годах Палацкого и Ригера либералами и говорила о радикализме Сладковского и т. п.

Но многое изменилось в Чехии за это время, во многом изменилась и чешская буржуазия. Опыт самой революции 1848 г., из которой чешская буржуазия вынесла страх перед восставшими народными массами, рост пролетариата и развитие рабочего движения привели к тому, что в политическом отношении вся чешская буржуазия эволюционировала вправо. Либералы 1848 г. в 60-х годах стали ярыми консерваторами, а радикалы 1848 г. растеряли весь свой радикализм, превратившись в заурядных либералов.

В чешской национальной партии — партии чешской буржуазии — в 60-х годах определились два указанных выше течения. Они получили название старочехов (консерваторы) и младочехов (либералы). Впоследствии, в 1874 г., в национальной партии произошел раскол, приведший к образованию самостоятельной младочешской партии, но в изучаемый нами период, несмотря на наличие ряда трений и тактических разногласий, оба течения продолжали выступать в основном вопросе единым фронтом; при этом руководящая роль оставалась за старочехами.

Этим основным вопросом для чешской буржуазии был национальный вопрос. Чешская буржуазия вновь устами своих идеологов — Палацкого и Ригера — подтвердила сформулированную ею в 1848 г. австро-славистскую программу, вновь заявила, что она стремится к сохранению Австрии и не думает о независимости Чехии. Установив в 1860 г. контакт и заключив политический блок с частью реакционного дворянства, стремившейся к восстановлению своих старых сословных привилегий, старочехи восприняли ее политическую программу, сводившуюся к восстановлению «исторического государственного права Чешского королевства». Это было требование автономии Чехии, но на основе феодально-монархического «национализма».

Политический блок старочехов с «историческим» дворянством распространился и на социальные вопросы. Старочехи выступали рьяными защитниками интересов дворянства против широких слоев чешского крестьянства; они отбросили выдвигавшуюся ими ранее либерально-буржуазную программу, они выступали в блоке со всеми монархическими и клерикальными элементами.

Младочехи, сторонники значительно более гибкой социальной и политической линии, стремившиеся опереться на сельскую буржуазию, осуждали крайне непопулярный в массах чешского крестьянства союз старочехов с дворянством. Они не брезговали демагогией, объявляя себя в противовес старочехам сторонниками широкого и даже всеобщего избирательного права, кокетничали своей оппозиционностью по отношению к Австрии и т. д. Однако они не только не мешали практически старочехам действовать от имени всей национальной партии в союзе с дворянством, но приняли их лозунг восстановления «исторического государственного права», ставший лозунгом всей чешской буржуазии. Они были

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 133.

враждебны революционным методам борьбы и боялись массового движения. На всех решающих этапах развития национального движения в 60-х годах младочехи, даже тогда, когда они имели полный политический перевес над старочехами, уступали им руководство, плелись за ними в хвосте.

На что же рассчитывала чешская буржуазия? При помощи каких сил она стремилась осуществить свою национальную программу? Народных масс она боялась, на революционное выступление она не была способна. Осуществления своей программы она ждала от верхушечных комбинаций, возлагая надежды на политическую мощь реакционного дворянства и на «монаршую милость», на то, что феодальная по своей природе австрийская монархия пожелает в ее назревавшем конфликте с немецкой либеральной буржуазией опереться на «историческое» дворянство и чешскую буржуазию.

Чешская буржуазия не упускала случая, чтобы засвидетельствовать свою лояльность австрийской монархии. Наиболее ярким свидетельством того явилась ее верноподданническая по отношению к Австрии позиция во время австро-прусской войны и оккупации Чехии прусскими войсками. После окончания войны чешская национальная партия ждала вознаграждения от монархии. Но к изумлению и огорчению чешской буржуазии австрийская монархия избрала совершенно иной путь выхода из политического кризиса: перестройку Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию.

На соглашение с Венгрией Австрия, эта, по выражению А. И. Герцена, «полурассевшаяся и покачнувшаяся бастилия народов»<sup>1</sup>, шла по необходимости. Она уже не могла справиться с нарастающим национальным движением угнетенных народов и, прежде всего, с венгерским движением. В отличие от чешской буржуазии и дворянства венгерское дворянство и буржуазия отнюдь не стремились во время войны 1866 г. демонстрировать свою лояльность. Напротив, антиавстрийское движение в Венгрии приняло опасные для Габсбургов масштабы. Нарастание этого движения и память о 1848—1849 гг. диктовали монархии и немецким господствующим классам необходимость договориться с венгерскими господствующими классами, делали венгерский вопрос основным внутриполитическим вопросом.

Но соглашение с Венгрией было не только средством разрешения венгерского вопроса, это был путь к укреплению всей покачнувшейся бастилии народов. Немецкие господствующие классы своей силой уже не могли справиться с этой задачей. Выходом из этого положения был дуализм. «Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, — писал И. В. Сталин, — когда он позвал венгерского министра и сказал: «ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь». То есть, ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои в Австрии. Ты и я — привилегированные нации, а остальных дави»<sup>2</sup>.

Такое соглашение полностью соответствовало природе Австрийского государства. «Это особая, чисто австрийская система, — указывал И. В. Сталин, — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными»<sup>3</sup>.

Мы не останавливаемся здесь на всех вопросах, связанных с заключением австро-венгерского соглашения. Отметим лишь, что оно было необходимо монархии и немецким господствующим классам Австрии для

<sup>1</sup> А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. X. П. 1919, стр. 4.

<sup>2</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 255.

<sup>3</sup> Там же.



проведения агрессивной политики на Балканах, против южно-славянских народов, основного направления австрийской экспансии после изгнания Австрии из Германии и Италии.

Чешская буржуазия приняла известие об австро-венгерском соглашении с возмущением. «Почему права короны св. Вацлава не признают равными правам короны св. Стефана?» — вопрошали поборники чешского «исторического права». Отгородившись от народа обветшалой средневековой программой, чешские буржуазные политики не поняли, а возможно, и не могли понять, почему австрийская монархия не предоставляет Чехии таких же прав, как и Венгрии.

Между тем, в отличие от венгров, чешская буржуазия и не пыталась принудить Австрию пойти на уступки. Она не подкрепляла своих требований (правильнее сказать — верноподанных просьб) силой. Лишь десять лет спустя один из лидеров младочехов — Эдуард Грегр — осудил политику чешской буржуазии 60-х годов в крылатой фразе: «Без настоящей силы, которая была бы способна осуществить историческое право, оно не стоит и понюшки табаку».

Дело, однако, заключалось не только в недостатках тактики чешской буржуазии, по сравнению с венгерской, и не только в относительной слабости чешского буржуазного национального движения. Соглашение с Венгрией было нужно немецкой буржуазии Австрии для подавления угнетенных национальностей и прежде всего чешского народа. Она поступалась некоторыми, не столь существенными для нее позициями в Венгрии ради того, чтобы укрепить свои позиции в других землях и прежде всего в Чехии, где были сосредоточены интересы немецкой буржуазии. Отказаться от Чехии немецкая буржуазия, немецкие националисты и не думали, для них это было равносильно падению Австрии. Не думала немецкая буржуазия и об уступках чешской буржуазии — своему основному крепнущему конкуренту. Этим определялась в конечном счете и позиция монархии, которая страшилась каким-либо «антинемецким» шагом толкнуть немецкую буржуазию Австрии в объятия крепнущей бисмарковской Пруссии.

Встав в оппозицию к оформляющемуся австро-венгерскому дуализму, чешская буржуазия попыталась воздействовать на монархию, используя чешский земский сейм. Правительство Бейста ответило на это роспуском сейма и проведением новых выборов, при которых, используя средневековую куриальную систему и оказывая давление на дворянство, оставило чешскую оппозицию в меньшинстве. Тогда лидеры чешской буржуазии попытались напугать австрийское правительство, демонстративно отправившись в Россию для участия в славянском съезде 1867 г. Это, однако, не остановило австрийское правительство. Дуализм стал совершившимся фактом.

Но если чешская буржуазия и «историческое дворянство» встретили дуализм бессильными протестами, то по-иному ответили на него чешские народные массы. Они ощутили, что дуализм означает укрепление неназистного австрийского господства над Чехией, усиление национального гнета, и ответили на него широким массовым движением.

Это массовое движение, выражавшееся в антиавстрийских и антинемецких демонстрациях, массовых торжествах национального характера и особенно в многочисленных собраниях, носивших, по гуситской традиции, название таборов, а также в отказе от уплаты налогов, охватило сельскую буржуазию и крестьянство, ремесленников и пролетариат. В этом была особенность национально-политической борьбы в Чехии в 1868 и отчасти в 1869 г.



Следует отметить, что в этом массовом движении ярко проявлялись чувства солидарности с другими угнетенными славянскими народами Австро-Венгрии, ярко проявлялась любовь чешского народа к великому русскому народу. В русском народе, а не в русском царе видели трудовые массы чешского народа свою надежду, от него они ждали братской помощи.

«Сила национального движения, — учит И. В. Сталин, — определяется степенью участия в нём широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства»<sup>1</sup>. В 1868 г. в Чехии широкие слои нации включались в национальное движение, придавая ему силу и размах. При этом недостаточная сознательность пролетариата, его неорганизованность приводила к тому, что в значительной мере он становился под знамя буржуазного национализма.

Развитие массового движения сразу же привело к отходу от национального движения «исторического» дворянства. Крестьянство и сельская буржуазия не имели никаких оснований делать различие между рядящимися под чехов, но чуждыми чешскому народу «историческими» магнатами, вроде Шварценберга, и мнимыми «конституционалистами» вроде Ауэрсперга. Для крестьянства и сельской буржуазии национальная борьба была прежде всего борьбой против пережитков феодализма, борьбой за землю. Естественно, что феодально-клерикальные силы были враждебны такому национальному движению.

Старочехи, встревоженные отходом своих союзников — дворян, напуганные подъемом массового движения, делали все от них зависящее, чтобы затормозить это движение, обуздать и погасить его. Избегая прямых выступлений против массового движения, которые могли бы увеличить и без того растущую непопулярность их в массах, старочехи проводили политику, по сути дела враждебную этому движению.

Значительно возросла политическая роль младочехов. Это определялось тем обстоятельством, что в условиях, когда в Чехии не существовало никакой политической организации радикального характера, в рядах младочешского течения оказывались и все более левые буржуазные и мелкобуржуазные элементы. Им были обязаны младочехи своей возросшей популярностью. Однако не они определяли лицо младочешского течения, не они направляли политику младочехов.

Либеральное руководство и либеральное большинство младочехов было не прочь на первых порах использовать массовое движение как средство давления на австрийское правительство. О революции они и не помышляли, боясь ее не меньше, чем сами австрийские власти.

Между тем движение принимало все более революционный характер. Осенью 1868 г. состоялось несколько чисто рабочих, по своему составу, таборов, на которых раздавались гневные речи о тяжелом положении рабочего класса, прозвучало требование избирательного права для пролетариата. Эти рабочие выступления завершились столкновениями с войсками и жандармерией. Революционный дух рабочего класса превратил до этого времени мирный по своим формам протест в активную борьбу.

Австрийское правительство ответило введением осадного положения и массовыми репрессиями. В ходе этих событий особенно четко проявилась трусость чешской буржуазии, в том числе и младочехов, поспешившей отмежеваться от народа, объявившей о своем осуждении «экспессов», т. е. активного народного движения.

<sup>1</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 306.

Под воздействием правительственных репрессий в условиях отсутствия руководства массовое движение спадает.

Буржуазные чешские историки, извращая историю своего народа, замалчивали рабочее движение осени 1868 г., посвящая одновременно десятки страниц описанию действий буржуазных политиканов, их речам и статьям. Однако в действительности отнюдь не речи и статьи буржуазных политиков, а массовое движение, прежде всего движение рабочего класса, было вершиной национально-политической борьбы в Чехии в 60-х годах.

Следствием событий 1868 г. было стремление чешской буржуазии, с одной стороны, обуздать рабочее движение, помешать начинавшемуся процессу освобождения рабочего класса от влияния буржуазии и, с другой стороны, не допуская нового подъема массового национального движения, использовать тревогу, в которую повергли австрийское правительство события 1868 г., для того чтобы путем верхушечных переговоров добиться от него уступок. Это была политическая линия, в которой сходились и старо- и младочехи.

Лишь небольшая мелкобуржуазно-интеллигентская группа левых младочехов, руководимая Иозефом Вацлавом Фричем, решила действовать заговорщически-террористским путем и организовала в июне 1869 г. взрыв бомбы у здания пражской полиции. Никакого серьезного эффекта деятельности этой оторванной от массового движения группы не имела, она лишь способствовала консолидации чешской буржуазии для переговоров с австрийским правительством. Этот эпизод тщательно замалчивался буржуазной историографией. «Рабочая» (правильнее было бы говорить — антирабочая) политика чешской буржуазии была неотъемлемой частью всей ее политики. Ощущая мощь рабочего класса, еще не осознанную им самим, чешская буржуазия принимала все меры для того, чтобы отвлечь его от политической борьбы, толкнуть на путь организации различного рода кооперативов, которые в условиях еще низкого уровня самосознания пролетариата и отсутствия крепкой пролетарской партии «... порождают у рабочих мелкобуржуазские тенденции и цеховую замкнутость и таким образом искажают их классовое самосознание»<sup>1</sup>. Проводником этой формы буржуазного влияния в рабочем классе стал старочех Хлеборад. Однако уже в изучаемый период чешский пролетариат начал успешно преодолевать «хлеборадовщину».

Значительно опаснее оказалась деятельность в рабочем движении младочехов, которые стремились насадить национализм, оторвать чешских рабочих от немецких рабочих, проповедывали «гармонию интересов» чешского рабочего класса и чешской буржуазии, якобы в равной мере угнетаемых немецкой буржуазией. Но и это буржуазное влияние преодолевалось передовыми слоями рабочего класса, выделившимися из своей среды таких выдающихся деятелей, как Иозеф Болеслав Пецка и Ладислав Запотоцкий. Изучаемый период является кануном социал-демократического движения в Чехии. Насаждаемый буржуазией национализм преодолевали в ходе классовой борьбы и массы рабочего движения. Такие классовые бои, как брненская стачка 1869 г., как сваровский расстрел 1870 г., были важными вехами сближения чешских и немецких рабочих. В огне классовой борьбы пролетариат Чехии убеждался в великой истине марксизма, что для «... победы пролетариата необходимо объединение всех рабочих без различия национальности»<sup>2</sup>. В огне классовой борьбы

<sup>1</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 51.

<sup>2</sup> Там же, стр. 36.

росло самосознание пролетариата Чехии, создавались условия для восприятия им великого учения Маркса и Энгельса. Прошло немного лет, и Энгельс с гордостью говорил о таком явлении, как «замечательная солидарность немецких и чешских рабочих в Богемии»<sup>1</sup>. Однако полностью преодолеть влияние буржуазии чешский пролетариат не смог не только в 60-х годах, но и значительно позднее. Этим объясняется позднейшее (на рубеже XIX и XX вв.) временное торжество оппортунизма в чешской и австрийской социал-демократии, который уводил пролетариат на бездорожье буржуазного национализма.

Переговоры чешской буржуазии с австрийским правительством, имевшие сначала характер зондирования почвы, начались в 1869 г. и шли с перерывами до октября 1871 г. В ходе этих переговоров выявились колебания австрийской монархии, которая, несмотря на твердое нежелание нарушить дуалистическую систему, готова была пойти на некоторые уступки чешской буржуазии в целях ослабления внутривосточного кризиса. Это стремление усилилось под влиянием внешнеполитической обстановки — франко-пруссакая война 1870—1871 гг. и создание Германской империи, — которая вначале породила у австрийского правительства реваншистские надежды в отношении Пруссии, а затем внушила страх перед подъемом немецкого националистического движения пангерманистского характера, грозившего, как казалось австрийскому правительству, разрушением Австрии.

Чешская буржуазия в этих переговорах выступала вновь совместно с «историческим» дворянством. Более того, именно дворянство оказалось руководящей силой в этом блоке. Его лидеры вместе с лидерами старочехов взяли в свои руки переговоры с правительством. Младочехи не выражали ни малейшего протеста. Чешский дворянско-буржуазный блок выработал программу соглашения, так называемые «основные статьи». Это была программа автономии Чехии в духе «исторического государственного права» с закреплением привилегированного положения дворянства и получением чешской буржуазией, по выражению товарища Сталина, «своих» чиновников и своего сейма»<sup>2</sup>. Это была урезанная программа, не отражающая интересов трудящихся масс чешского народа в 1868 г., — программа, придававшая чешскому национальному движению ограниченный, «языковый», по определению товарища Сталина, характер.

Уже полностью подготовленное на этой базе австро-чешское соглашение было сорвано благодаря вмешательству враждебно настроенных в отношении Чехии сил, оказавших давление на австрийскую монархию. Этими силами была немецкая буржуазия Австрии, яростно протестовавшая против изменения положения Чехии, и поддерживавшие ее господствующие классы Венгрии, заинтересованные в продолжении чешско-немецкой национальной борьбы и одновременно опасавшиеся того, что автономия Чехии усилит национальную борьбу угнетенных славянских народов Венгрии. Они были поддержаны мощным нажимом извне со стороны Бисмарка, заявившего протест против образования автономной Чехии и недвусмысленно намекнувшего на то, что германское правительство «не может не разделять возмущение своих австрийских братьев».

Провал австро-чешского соглашения 1871 г. был провалом всей стратегической линии чешской буржуазии в 60-х годах XIX в. Он был важной вехой в истории чешского буржуазного национального движения, началом нового его этапа, этапа «борьбы» за мелкие уступки.

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 189.

<sup>2</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 308.

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ







В. И. Зуев

## КНИГА О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ<sup>1</sup>

Книга П. К. Фортунатова «Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии», изданная Учпедгизом в 1950 г., освещает не только военные события тех лет, но и вводит читателя в целый комплекс исторических вопросов, связанных с русско-турецкой войной. В связи с этим данная работа представляет значительный интерес для советских историков.

Буржуазно-дворянская историография посвятила войне 1877—1878 гг. большое количество исследований и монографических работ. В своих исследованиях буржуазные историки, сознательно и бессознательно, создавали извращенную картину военных и исторических событий. Они были не в состоянии вскрыть характер и цели этой войны. Буржуазная историография утверждала, что царское правительство вело эту войну якобы с благородными побуждениями, во имя освобождения христианского славянского населения. При этом она всячески стремилась затушевать классовые интересы господствующих классов России, желавших укрепить свои позиции на Средиземном море. Вопреки фактам, буржуазные историки идеализировали личность Александра II, которому, по их мнению, принадлежит основная заслуга в освобождении Болгарии.

На основании большого фактического материала автор дает новую оценку происходившим событиям, раскрывает характер и цели русско-турецкой войны, показывает героизм и мужество русских солдат, их боевой союз с болгарскими народными ополченцами и, наконец, кратко характеризует дипломатическую борьбу, развернувшуюся вокруг восточного вопроса накануне этой войны и после ее окончания.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. явилась поворотным пунктом в истории болгарского народа, началом новой эпохи его исторического развития. Мощная волна национально-освободительного движения, в 60—70-х годах XIX в. на Балканах подготовила почву для активного дипломатического и военного выступления России. Русско-турецкая война объективно, независимо от субъективных стремлений царизма, завершила дело национально-освободительной борьбы болгарского народа за свою независимость.

Вновь созданная Болгария превратилась в мелкобуржуазную страну, прочно ставшую на капиталистический путь развития. В результате этой войны были осуществлены задачи, равнозначные буржуазно-демократической революции.

<sup>1</sup> П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. Под ред. проф. С. А. Никитина. Учпедгиз. Москва, 1950.

Во введении П. К. Фортунатов останавливается на завоевании Болгарии турками и в общих чертах излагает историю болгарского народа до XIX в. В первой главе он кратко рассматривает социально-экономическое положение Болгарии и национально-освободительную борьбу балканских народов против турецких поработителей. Значительное место в книге уделено анализу международной политики накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и дипломатической борьбе великих держав вокруг восточного вопроса. Большое место автор уделил описанию боевых действий русских войск против турецкой армии (главы III, IV, V); смелому форсированию реки Дуная, блокаде Плевны, решительному наступлению в глубь Болгарии русского отряда генерала Гурко, героической обороне русских солдат и болгарских ополченцев на Шипкинском перевале. В последней, VI главе книги освещаются военные действия на Кавказском фронте и подводятся итоги русско-турецкой войны.

Заслуга П. К. Фортунатова состоит в том, что он прежде всего обращает внимание на участие в этой войне народных масс.

Неувядаемой славой покрыли себя мужественные русские войска во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Русские солдаты, движимые сознанием того, что они ведут справедливую борьбу против жестокого угнетателя братских славянских народов — Османской Турции, проявили в этой борьбе чудеса героизма, стойкости, храбрости и мужества. И не удивительно, что русская армия, во главе которой нередко стояли бездарные царские генералы, преклонявшиеся перед прусской военной системой, действуя в огромном удалении от центра своей страны, в местностях, мало удобной для ведения военных действий, неоднократно одерживала победы над турецкими войсками.

В книге П. К. Фортунатова ярко показаны боевые действия русских войск во время переправы их через реку Дунай, являющуюся одной из крупнейших рек Европы.

В неблагоприятных условиях (турки занимали правый берег Дуная, спускавшийся к воде крутым обрывом, высотой в несколько десятков метров, и имели на реке большую военную флотилию) русская армия блестяще справилась с поставленной перед ней задачей. Форсируя водное препятствие под ураганным огнем противника, передовые части русских войск разгромили турок и заняли крепость Систов. Форсирование русскими частями Дуная у Зимницы явилось выдающимся событием в истории военного искусства. «История войн XIX в., — пишет автор, — не знает другой переправы войск столь большого масштаба, в которой войска сумели бы под огнем неприятеля преодолеть такой крупный водный рубеж, как Дунай» (стр. 82). Правильно организованная переправа определила дальнейший успех русского оружия.

Автор показывает, что болгарское население приняло широкое участие в войне 1877—1878 гг., оказав значительную помощь наступающей русской армии. Почетная роль в этом отношении выпала на долю болгарских ополченцев, выступивших вместе с русскими солдатами на борьбу против своих вековых угнетателей. Действуя в составе передового отряда генерала Гурко, болгарские добровольцы брали пример со своих старших боевых товарищей — русских воинов.

Исключительное мужество, храбрость и выдержку проявили болгарские добровольцы в бою у Старой Загоры. Вместе с русскими войсками они героически отразили атаки семикратно превосходящих сил противника. «Солдаты обеих сторон, — пишет автор, — то перемешивались в жестоком птыковом бою, то снова расходились, чтобы опять возобновить нападение. Дружинникам грозило полное уничтожение, но они

сумели, нанеся большой урон врагу и сами потеряв многих, отойти из города, в котором рукопашные схватки продолжались четыре часа» (стр. 94).

Высоко оценивая боевые действия болгарских дружин, генерал Гурко в приказе от 12 июля 1877 г. писал: «Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом же деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами и сказать, что она не ошиблась, послав в ряды ваши лучших своих офицеров. Вы — ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: «Мы потомки славных защитников Ески-Загры»<sup>1</sup>.

Исключительно важное место в истории русско-турецкой войны занимает героическая оборона Шипкинского перевала на Балканах. Небольшой отряд русско-болгарских войск выдержал ожесточенные атаки в несколько раз превосходивших сил врага. За период шестидневных боев противник потерял убитыми и ранеными 6400 солдат и офицеров. «Стойкость русской и болгарской пехоты, — отмечает П. К. Фортунатов, — сделала свое дело, Сулейману не удалось перейти Балканы, разорвать фронт Дунайской армии и предать огню и разорению северную Болгарию» (стр. 107). Защитники Шипки в этих боях проявили невиданный героизм, храбрость и мужество, они продемонстрировали волю к победе над врагом. Пролитая ими кровь навеки спаяла русско-болгарскую дружбу и укрепила веру болгар в несокрушимую силу русского народа.

Ныне болгарский народ, успешно строящий основы социализма в своей стране, особенно благодарен великому Советскому Союзу, его народам, разгромившим гитлеровскую Германию и освободившим Болгарию от ненавистного монархо-фашистского режима.

Поэтому болгарский народ, пишет Вылко Червенков, «питает беспредельную признательность и преданность к своему освободителю и защитнику, дважды на протяжении семидесяти пяти лет пришедшему ему на помощь, — русскому народу, братским народам СССР, учителю и лучшему своему другу товарищу Сталину.

Болгарский народ никогда не забудет, что от пятивекового турецкого ига его освободили 75 лет назад русские воины. Каждому болгарину об этом напоминают братские могилы русских солдат и офицеров. Плевна и Шипка, Шейново и Стара-Загора — символ русской отваги, эпопеи кровопролитных боев за свободу Болгарии, памятники русско-болгарского братства, запечатленного совместно пролитой кровью. В лице братского русского народа болгарский народ видел своего освободителя и оплот своей независимости»<sup>2</sup>.

Лучшие страницы книги П. К. Фортунатова «Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии», посвященные героизму русских войск, анализу боевых операций на Балканском театре военных действий, а также боевому содружеству русских солдат с болгарскими народными ополченцами в борьбе с турецкими угнетателями, вполне закономерно получили положительную оценку на страницах советских журналов<sup>3</sup>. Рецензенты высоко оценили эту книгу, но вместе с тем указали на ряд ее недостатков. Однако некоторые серьезные недостатки книги П. К. Фортунатова не

<sup>1</sup> Н. Р. О с я н ы й. Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг. СПб., 1904, стр. 31.

<sup>2</sup> Вылко Червенков. Под знаком нерушимой дружбы с великим Советским Союзом. Правда, 8.IX 1952 г.

<sup>3</sup> Л. В а л е в. Героические страницы из истории русско-болгарской дружбы, журн. «Славяне», № 6, 1951. Л. Б е с к р о в н ы й. П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии, журн. «Вопросы истории», № 7, 1951. Г. К о р ы т к и н. Из истории русско-болгарской дружбы, журн. «Преподавание истории в школе», № 2, 1952.



были в свое время подвергнуты критике, а это сделать необходимо, ибо книгой Фортунатова пользуется широкий круг читателей.

Существенный недостаток книги состоит в том, что автор не смог всесторонне раскрыть связь болгарского национально-освободительного движения с русско-турецкой войной. В результате этого смазывается роль революционной борьбы болгарского народа в подготовке необходимых условий для ликвидации турецкого феодально-абсолютистского господства.

Характеризуя национально-освободительную борьбу на Балканах, автор правильно останавливается на причинах восстания в Боснии и Герцеговине, показывает борьбу повстанцев против турецких угнетателей. Однако в книге слишком мало говорится о борьбе самого болгарского народа, о его вооруженных выступлениях — Старозагорском и Апрельском восстаниях. А ведь Апрельское восстание было вершиной национально-освободительной борьбы болгарского народа. В нем приняли участие широкие слои болгарского народа: разорившиеся ремесленники, крестьяне и интеллигенция. И хотя в силу слабости демократических классов, отсутствия единого руководства, а также реакционных происков английских правящих кругов, оказавших помощь и поддержку турецким феодалам, восстание было жестоко подавлено, все же национально-освободительная борьба славянских народов, в том числе и Апрельское восстание в Болгарии, предопределили выступление России против Турции.

При характеристике Апрельского восстания автор допускает неточности. Так, он пишет, что «отряд Христо Ботева действовал дольше, но и он был после смерти своего вождя разгромлен в конце мая 1876 года» (стр. 23—24). На самом деле Христо Ботев лично не принимал участия в Апрельском восстании, так как он находился в это время в Румынии. Не имея точных сведений, он выступил со своим отрядом уже после того, как восстание было в основном подавлено.

В книге не освещается отношение русской демократической общественности к освободительной борьбе болгарского народа. Правда, автор пытался в этом отношении сделать кое-что, но и те немногие сведения, которые им приводятся, крайне путаны и противоречивы. Нельзя согласиться с утверждением П. К. Фортунатова, что «вследствие почти полного отсутствия каких-либо конкретных материалов очень трудно определить, как относились русские рабочий класс и крестьянство к проблеме защиты балканских славян» (стр. 33). Великие революционеры-демократы Герцен, Чернышевский, Добролюбов и др., являвшиеся идеологами русского крестьянства и выражавшие его интересы и чаяния, прямо высказывали свое отношение к вопросу освобождения славянских народов. Наконец, это наглядно подтвердилось событиями последующих лет, когда русский крестьянин, одетый в солдатскую шинель, принял активное участие в войне 1877—1878 гг., принесшей братскому болгарскому народу свободу и независимость.

Анализируя внутреннее положение Болгарии во время русско-турецкой войны, автор не смог показать расстановку классовых сил в стране и допускает нечеткие формулировки в оценке социальных групп и политических организаций. «...Богатое болгарское купечество, — пишет П. К. Фортунатов, — представлявшее «старую» партию, не только не верило в возможность успешной помощи со стороны России, но всеми способами уклонялось от каких-либо действий, которые могли бы быть связаны с ожидавшейся войной. В то же время старая революционная организация была разбита и только в значительной степени благодаря

помощи русских «славянских комитетов» была воссоздана»(?) (стр. 110). У читателя создается совершенно неправильное представление о том, будто бы старая революционная организация Ботева, Левского и др. была позднее восстановлена благодаря стараниям русских «славянских комитетов». Такое утверждение не соответствует действительности. Известно, что Болгарский центральный революционный комитет после подавления Апрельского восстания в стране и гибели Хр. Ботева, больше не возобновлял своей деятельности. Созданное в Румынии позднее «Болгарское центральное благотворительное общество», а также действовавшая там «Добродетельная дружина» по целям и классовому составу резко отличались от революционного комитета Христо Ботева.

Рассматривая дипломатическую борьбу великих держав, которая развернулась вокруг восточного вопроса накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг., автор не смог вскрыть в полной мере захватническую политику английской буржуазии, стремившейся установить свое господство на Балканах и Ближнем Востоке.

В своей работе П. К. Фортунатов не разоблачает реакционную сущность английской дипломатии, пытавшейся сохранить власть феодальной Оттоманской империи над славянскими народами лишь с той целью, чтобы с ее помощью подавлять национально-освободительное движение этих народов и укрепить в конечном счете свое экономическое и политическое господство на Балканах.

Английская буржуазия была злейшим врагом национально-освободительного движения угнетенных народов. Товарищ Сталин так оценивает внешнюю политику Англии: «Начиная с великой французской буржуазной революции конца XVIII в. и кончая происходящей ныне китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громиателей освободительного движения человечества»<sup>1</sup>.

Пытаясь завуалировать свою захватническую политику либеральными заявлениями, английская буржуазия в то же время всячески стремилась спровоцировать Турцию на войну с Россией для того, чтобы, пользуясь их ослаблением, она могла спокойнее «приобретать» необходимые ей территории.

Турция, при прямой поддержке реакционных правящих кругов Англии, жестоко подавила Апрельское восстание в Болгарии и усилила террор против угнетенных славянских народов Балканского полуострова.

В книге об этом говорится в весьма благодушном плане: «... английский премьер-министр лорд Биконсфильд даже принял сторону турок, стремясь заглушить их позорные действия» (стр. 25). Биконсфильд не только стремился заглушить их действия, но он выступил одним из главных инициаторов подавления восстания в Болгарии и других районах Балканского полуострова. По прямым его указаниям действовал в Константинополе и британский посол Эллиот. Биконсфильд, проводивший политику крупной буржуазии, выступил ярким противником национальной свободы и независимости славянских народов.

Турецкие правящие круги, подстрекаемые реакционером Биконсфильдом и при прямой его поддержке, так же жестоко расправились с Кресненским восстанием в Македонии в 1878 г.<sup>2</sup>

Руки английской буржуазии были обгажены кровью славянских народов.

<sup>1</sup> И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 324.

<sup>2</sup> См. «Вопросы истории», № 4, 1951, стр. 74—86.

Не менее реакционную роль в славянском вопросе играла и Австро-Венгрия, которая вместе с Англией выступала против создания независимых славянских государств на Балканском полуострове. Характеризуя захватническую политику австрийской буржуазии, В. И. Ленин отмечал, что «... Австрия десятилетия шла на Балканы, чтобы там душиТЬ...»<sup>1</sup>. Эта гениальная оценка австрийской внешней политики не нашла подтверждения в рецензируемой работе.

В книге неправильно освещена и политика Франции в восточном вопросе. «... Что касается Италии и Франции,— пишет автор,— то они, не будучи непосредственно заинтересованными в делах Балканского полуострова, направляли тогда свою агрессию преимущественно в сторону Африки и серьезного участия в практическом разрешении изучаемого нами вопроса не принимали» (стр. 31).

Это утверждение не соответствует действительности. Французская буржуазия была весьма заинтересована в разрешении восточного вопроса в нужном ей направлении, ибо Турция на протяжении многих десятилетий была объектом ее экономической и политической экспансии. В Турции французская буржуазия размещала значительные капиталы в виде займов и концессий. Турецкая экономика находилась к этому времени почти полностью в руках английских и французских финансовых магнатов. Отсюда и неудивительно, что французская делегация на Берлинском конгрессе, возглавляемая таким представителем крупного капитала, как Ваддингтон, выступила за сохранение Оттоманской империи и занимала крайне антирусскую и антиболгарскую позицию. Во всех вопросах она угодливо поддерживала несправедливые требования английской, германской и австрийской делегаций. Поэтому утверждения автора о том, что Франция не была непосредственно заинтересована в делах Балканского полуострова, не имеют под собой никакой почвы.

В заключение необходимо отметить, что в общем хорошо подобранные иллюстрации не всегда находят объяснения в тексте.

Помещенный на странице 162 очень характерный рисунок показывает пленных английских офицеров, состоящих на службе в турецкой армии, но в работе об этом ничего не сказано. Однако факт этот сам по себе заслуживает особого внимания, ибо уже в то время английская дипломатия стремилась использовать турецкую армию в своих захватнических целях. Во время войны 1877—1878 гг. Англия вновь пыталась с помощью Турции отторгнуть от России Кавказ и превратить его в свою колонию. Ее шпионы и разведчики, при поддержке турецких эмиссаров, сделали попытку организовать восстание кавказских горцев, которое, правда, не имело успеха и в скором времени было подавлено.

И все же, несмотря на значительные недостатки, книга П. К. Фортунатова явилась первой попыткой дать марксистский анализ событий, связанных с русско-турецкой войной и освобождением Болгарии. Эта книга, несомненно, окажет значительную помощь советскому читателю, изучающему историю нашей Родины, историю Болгарии и героическое прошлое славянских народов.

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 374—375.



---

И. Ф. Бэлза

## ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ШОПЕНОВСКОГО НАСЛЕДИЯ

17 октября 1949 г. всем прогрессивным человечеством отмечалось столетие со дня смерти Фредерика Шопена. К этой знаменательной дате на родине композитора и в нашей стране вышло несколько новых изданий собрания его сочинений и были опубликованы многочисленные музыковедческие работы, посвященные жизни и творчеству композитора.

Среди книг о Шопене, появившихся в советской литературе, остановимся на книге музыковеда Ю. А. Кремлева<sup>1</sup>.

Тринадцать первых глав книги Кремлева составляют ее первую часть, посвященную жизни композитора. Семь последующих глав, входящих во вторую часть книги, посвящены анализу произведений композитора. Последняя глава носит название «Шопен и русские музыканты».

Биографию Шопена Кремлев излагает на широком историческом фоне, начиная с разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. и развития национально-освободительного движения, отклики на которое с потрясающей силой прозвучали впоследствии в музыке Шопена.

Кремлев правильно отмечает ту роль, которую сыграли в процессе формирования мировоззрения юного Шопена близкие его отцу взгляды Вольтера и Руссо и освободительные стремления польской романтической литературы того времени. Приведенные в книге выдержки из «Заметок о духе польской поэзии» Казимежа Бродзиньского, друга семьи Шопенов, очень хорошо объясняют атмосферу, в которой воспитывался композитор в детстве.

Автор рассказывает о юности Шопена, о его первых концертных поездках, о страшном потрясении, вызванном известием о восстании 1830 г., об отъезде во Францию, о жизни на чужбине, о парижских встречах композитора, о его тяжелой болезни и смерти. Изложение основывается на большом документальном материале, что придает историческую точность и значительный интерес повествованию автора.

Несмотря на положительную оценку, которую заслуживает первая часть труда Кремлева, нельзя не отметить недостатки и неточности, встречающиеся в этой части. Прежде всего, она, несомненно, перегружена явно второстепенными деталями (в особенности из интимной жизни композитора), которые, к сожалению, нередко оттесняют на второй план более значительные события и явления.

Кремлев вполне обоснованно подчеркивает (стр. 249—252) то громадное значение, которое приобрели в переживаниях Шопена и в его творчестве события восстания 1830 г. Тем более странно, что этому восстанию

---

<sup>1</sup> Ю. А. Кремлев. Фредерик Шопен. Очерк жизни и творчества. Государственное музыкальное издательство. Л.—М., 1949.



автор уделяет так мало места и, к тому же, с первых же строк допускает неточности, говоря, например, что 29 ноября «в Варшаве вспыхнуло восстание, поднятое «школой подхорунжих» под руководством Высоцкого и Заливского» (стр. 60).

Между тем так называемый «Военный союз» (*Związek wojskowy*), организованный Петром Высоцким, включал далеко не только военных, но и студенческую молодежь и представителей польской интеллигенции, в том числе и писателей. Так, например, в отряде восставших, нападением которого на Бельведер (резиденцию великого князя Константина) началось восстание, находился поэт Северин Гоциньский (1801—1876). Известно также, что в этом отряде, штурмовой колонной которого командовал поэт Людвик Набеляк (1804—1883), вообще не было ни одного военного.

Но дело, разумеется, не только в том, что Ю. А. Кремлев недостаточно раскрывает значение прогрессивной польской интеллигенции, к которой принадлежала и семья Шопена и ее друзья, в национально-освободительном движении и в восстании 1830 г. Анализ этих событий в целом должен был привести автора к пониманию движущих сил восстания, к уяснению роли аристократических кругов, мечтавших о возрождении феодальной Польши, и передового крыла польской общественности, стремившихся осуществить демократические идеи народности, ярко отразившиеся в музыке Шопена.

В книге отсутствует политическая характеристика парижских кругов польской эмиграции, с которой в той или иной мере был связан Шопен. А между тем деятельность этих кругов вовсе не ограничивалась салонными встречами, упоминаний о которых не мало в книге Кремлева. В Париже, кстати, был частично реализован возникший еще в 1804 г. (по инициативе Чарторыских, Потоцких, Осолиньских, Шанявских, Дзержговских и других аристократических семейств) замысел собрать и опубликовать материалы по истории Польши, которые должны были возбудить в желательном для аристократии направлении патриотические чувства широких народных масс. В Париже в 1839 г.<sup>1</sup>, при поддержке польской аристократии, Кароль Сенькевич начал публиковать «*Skarbiec historii Polskiej*».

Не подлежит сомнению, что Шопен читал — не мог не читать — этот сборник, так же как и другие книги, печатавшиеся польской эмиграцией. Но никак нельзя согласиться с Ю. А. Кремлевым, когда он пишет о Шопене следующее: «Демократического движения в Париже Шопен не понимал, хотя и многому в нем, без сомнения, сочувствовал. Была еще среда польской эмиграции, где худшие черты польского дворянства выступили наружу, — эмиграции, полной, по справедливым словам Мипкевича («Пан Тадеуш»):

Проклятий и лжи, неуместных намерений,  
запоздалых сетований, позорнейших распрей.

Шопену оставался узкий кружок наиболее близких друзей, поляков и французов, среди которых он оживал и снова блистал юмором, свежестью чувств, жизнерадостным весельем» (стр. 86).

Прежде всего Шопен очень хорошо понимал демократическое движение в Париже, о чем свидетельствует хотя бы его известное письмо к Войцеховскому о демонстрации в честь Раморино. Ни в коем случае

<sup>1</sup> Для публикации подобного рода материалов предназначалась типография, организованная незадолго до восстания в Пулаве, в той самой Пулаве, «романтический пейзаж» которой помещен на стр. 23 рецензируемой книги.

нельзя говорить о том, что Шопен замыкался в узкий «кружок наиболее близких друзей», ибо тогда совершенно непонятной остается демократическая направленность шопеновского творчества, которая объясняется, в частности, тем, что Шопен никогда не терял связи не только с народной почвой отечественной музыки, но и с передовыми кругами польской общественности, прежде всего — с Мицкевичем и его окружением.

Из воспоминаний Янушкевича, цитируемых во II томе монографии Антони Малецкого о Юлиуше Словацком (Львов, 1881), и из других источников<sup>1</sup> мы знаем, что Шопен встречался с Мицкевичем и его друзьями и играл на вечерах, которые проводил с ними (а вечера эти, как известно, были достаточно многолюдными). Недаром академик Б. В. Асафьев в своей интереснейшей статье «Шопен в воспроизведении русских композиторов» рассказывает, что, например, Ф. М. Блуменфельд произведения Шопена «играл так, как рассказывал Мицкевич... действительность вокруг насыщалась эпохой Мицкевича и Шопена, вспыхивало сквозь музыку пламя Польши, великой славянской страны, с ее вековыми страданиями и борьбой за право быть самой собою!»<sup>2</sup>

И нельзя не пожалеть, что в книге Кремлева так мало уделено места личным и творческим связям Шопена с Мицкевичем и близкими к нему передовыми деятелями польской эмиграции, ибо связи эти в значительной степени помогают понять идейную устремленность музыки Шопена и прочность ее народно-национальных устоев.

Далее, автор, говоря о путешествии Шопена и его друзей из Вены в Варшаву в конце лета 1829 г. пишет: «Побывали в Праге и осмотрели ее «с быстротой молнии». Тут Шопен познакомился с Кленгелем — ученым автором канонов и фуг, которого он сравнивает с Черни, ко всей невыгоде для последнего».

Однако у Шопена в Праге были значительно более впечатляющие встречи, о которых, к сожалению, Кремлев не говорит ни слова. А ведь Шопена не могли не волновать близкие ему, как поляку, идеи национального возрождения; вот почему, приехав в Прагу, он поспешил побывать в Чешском музее и поглядеть за пражскими «будителями», а в честь одного из них — Вацлава Ганки — написал даже мазурку. Об этой миниатюре, впервые опубликованной Отакаром Гостиньским в Праге еще в 1879 г.<sup>3</sup>, Кремлев даже не упоминает ни в тексте книги, ни в обширном хронографе («Даты жизни и творчества Шопена»), приложенном к книге.

Воссозданный на основании исторически достоверных материалов образ Шопена отличается удивительным обаянием, чистотой и благородством. Именно таков и творческий облик Шопена, гениального композитора-патриота, запечатлевшего в своих произведениях былую славу своей родины, тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, и твердую веру в грядущее величие и счастье польского народа.

Вспомним, что русский историк А. Д. Улыбышев своим трехтомным трудом о Моцарте нанес решительный удар распространенной на Западе легенде о «галантности» и «безоблачности» автора «Дон-Жуана» и «Рейвиема». Вспомним также, что на Западе часто делались попытки «отнять Шопена у народа, превратить великого художника в тоскующего меланхолика, болезненного интеллигента-себялюбца», как справедливо

<sup>1</sup> См., напр., сборник материалов о Мицкевиче («Kronika poloczna i anegdotyczna»), изданный Владиславом Балза во Львове в 1884 г., стр. 161—165.

<sup>2</sup> «Советская музыка», 1946, № 1, стр. 38—39.

<sup>3</sup> Журн. «Dalibor», № 6.

указывает в своей вступительной статье к рецензируемой книге проф. А. В. Оссовский.

Этим попыткам дала решительный отпор русская музыкально-критическая мысль и русская исполнительская культура. Если Кюи, которого цитирует Кремлев (стр. 373), писал, что Шопен «в сжатой форме оставил нам несметные сокровища мыслей, глубоких, мощных, возвышенных», если великие русские композиторы — начиная от Глинки и кончая Скрябиным — постигли истинную сущность шопеновского гения, то в русской исполнительской традиции полностью раскрылись образы шопеновской музыки. Ее «набатность» (выражение Б. В. Асафьева), потрясающий драматизм, задушевная человечность — все это зазвучало у Балакирева, братьев Рубинштейнов, Рахманинова, Игумнова и его славной школы, развивающейся в наши дни.

Ю. А. Кремлев приводит многочисленные высказывания крупнейших деятелей русской классики и советской музыки, свидетельствующие о признании творчества Шопена, об искренней любви к нему, о глубоком понимании патриотической направленности и подлинной народности шопеновской музыки.

Но вместе с тем анализ произведений Шопена, содержащийся в третьей, четвертой и пятой главах второй части книги, оставляет у читателя чувство неудовлетворенности. Специалист-музыковед найдет здесь не мало интересных наблюдений, однако это скорее замечания по поводу тех или иных произведений, чем их разбор. Автор сделал ошибку, попытавшись сказать хоть что-нибудь о каждом произведении Шопена, вместо того чтобы дать обобщенные выводы на основе углубленного анализа наиболее типичных черт шопеновской музыки. Во многих местах разбор музыки, ее образов и содержания, попросту подменен формалистически-абстрактными схемами, как будто автор «проверил алгеброй гармонию». Главы книги Кремлева, посвященные анализу творчества Шопена, воспринимаются скорее как подготовительный материал, требующий обобщений. Но материал этот содержит много интересных наблюдений, мимо которых нельзя пройти исследователям творчества Шопена.

Касаясь исполнительского мастерства Шопена, Кремлев справедливо пишет: «Сочетание песенности со строгой логикой формы составляло неотъемлемую черту исполнительского стиля Шопена» (стр. 204). К сожалению, однако, автор не обобщает рассматриваемый материал. Песенная насыщенность музыки Шопена и неразрывно связанная с нею певучесть его игры, поражающая его современников, восходят к национальным чертам гения композитора. Кремлев правильно указывает на наличие черт, роднящих музыку Шопена с творчеством великих русских композиторов. Но ведь именно славянская песенность является источником исполнительского искусства не только славянских певцов, но и инструменталистов. По меткому выражению академика Б. В. Асафьева, искусство славянских музыкантов характеризуется «преодолением холода инструментальной интонации», приближением к теплоте человеческого голоса. В этом отношении искусство Шопена сродни и русским и чешским музыкантам.

Так, Ю. А. Кремлеву следовало бы не ограничиваться характеристикой индивидуальных черт шопеновского пианизма, а связать их с традициями польского и — шире — славянского инструментализма. Точно также, думается, что в подобной работе следовало бы проследить развитие в польской музыке классических черт наследия Шопена, которое явилось надежным оплотом в борьбе с упадочными веяниями буржуазного модернизма.



К числу серьезных недостатков книги принадлежит отмечавшаяся уже в советской прессе<sup>1</sup> незаслуженно высокая оценка, которую автор дает оксфордскому изданию сочинений Шопена.

Подводя итоги, следует сказать, что ценность книги Кремлева заключается в том, что она содержит биографию Шопена, основанную на новейших данных, правильную в своей направленности характеристику творчества композитора в целом, а также богатейший документальный, в том числе иконографический, материал. Но автор не решил обширной и сложной задачи музыкально-исторического обобщения шопеновского наследия.

Ценным вкладом является и книга советского музыковеда А. А. Соловцова<sup>2</sup>.

Подобно Кремлеву, Соловцов делит свою книгу на две части — «Жизненный путь» и «Творчество». Биография Шопена изложена в книге на основании новейших данных, включая недавно опубликованные письма Шопена к Дельфине Потоцкой, а также изыскания польского музыковеда Бронислава Сыдова, пришедшего в своей статье к выводу, что Шопен родился не 22 февраля (как было принято считать до сих пор), а 1 марта 1810 г.<sup>3</sup>

Жизнеописание композитора Соловцов сочетает с повествованием об исторических событиях его эпохи, в частности — о восстании 1830 г., сыгравшем такую большую роль в жизни и творчестве Шопена. Важно отметить, что Соловцов подчеркивает здесь солидарность передовых деятелей польского национально-освободительного движения с русскими революционерами, приводя ряд фактов и цитируя знаменитое стихотворение Мицкевича «К русским друзьям». В дальнейшем автор говорит и о связях Шопена с представителями русской интеллигенции.

В книге отражены чешские связи Шопена: занятия с Войтехом Живным, который был первым учителем композитора, дружба с безвременно скончавшимся скрипачом Иозефом Славиком, знакомство с Вацлавом Ганкой.

Соловцов весьма убедительно показывает, как Шопен, даже будучи за рубежом, продолжал оставаться великим национальным художником, как он общался с передовой польской общественностью, поддерживая и развивая в ней патриотические чувства своим искусством. «В кругу друзей-поляков — Мицкевича, Норвида, Залесского, Витвицкого — Шопен охотно играет не только собственные сочинения, но и народные песни, переноса своих друзей и самого себя на родину», — подчеркивает Соловцов (стр. 69).

Не менее последовательно раскрывает автор книги и сущность истинного отношения Шопена к аристократии. Цитируемые письма самого композитора, свидетельства его близких друзей, в особенности Листа, — все это позволяет А. А. Соловцову разоблачить ту недостойную фальсификацию, которой подвергся образ Шопена на страницах пресловутых «Воспоминаний и впечатлений» и других сочинений Жорж Санд.

Опираясь на факты, не вызывающие никаких сомнений, Соловцов показывает, насколько лживой была распространенная в буржуазном музыкознании легенда об «ограниченности» интересов Шопена, якобы всецело замыкавшегося в область музыкального искусства. Легенду эту,

<sup>1</sup> См. письмо Л. О б о р и н а и Я. З а к а («Серьезная ошибка в книге о Шопене»). Газ. «Культура и жизнь», 30 ноября 1949 г., № 33.

<sup>2</sup> А. С о л о в ц о в. Шопен. Жизнь и творчество. Музгиз, 1949.

<sup>3</sup> Опубликована в журн. «Ruch muzyczny», 1948, № 10. Впрочем, не все польские биографы Шопена принимают эту дату.



созданную ради поддержания идеалистического тезиса о «чистом искусстве», полностью опровергают приводимые в книге данные о патриотическом облике Шопена, как гражданина, о его глубоких и тонких суждениях по поводу произведений литературы, живописи и скульптуры, о научных открытиях, привлекавших внимание композитора.

«Шопен — гениальнейший выразитель национально-освободительных идей. Именно это определило основное содержание музыки Шопена; и именно тогда, когда патриотические чувства молодого Шопена испытали величайшее потрясение, он создает свои первые зрелые творения». Такой предпосылкой начинает А. А. Соловцов разбор произведений Шопена.

Анализируя шопеновское наследие, Соловцов выдвигает на первый план тезис о реалистической направленности творчества Шопена, сказавшейся прежде всего в обращении к народно-музыкальным истокам, а также в тяготении композитора «к конкретности, жизненности художественных образов, в стремлении его к программности, сюжетности музыки» (стр. 86). К сожалению, автор очень белго касается вопроса о продолжении и развитии шопеновских традиций в польской музыке (стр. 135). Не получил в монографии четкого разрешения и вопрос о национальных истоках шопеновского пианизма.

Можно сделать также ряд частных замечаний по поводу книги Соловцова. Так, в «Хронологическом списке сочинений Шопена» (стр. 136—139) пропущена единственная фуга Шопена, впервые опубликованная еще в 1898 г. Между тем принадлежность этой фуги Шопену доказана окончательно<sup>1</sup>. На стр. 64, цитируя статью Листа, автор переводит «*piano à queue*» буквально — «фортепиано с хвостом», хотя это выражение применяется во французском языке для обозначения рояля, в отличие от пианино. Очень жаль, что к книге не приложена хотя бы краткая библиография.

Говоря о связях музыки Шопена с польским фольклором, и Кремлев и Соловцов ссылаются на работу искусствоведа В. В. Пасхалова «Шопен и польская народная музыка». Впервые напечатав свою работу в 1916—1917 гг. в журнале «Музыкальный современник», автор впоследствии значительно дополнил ее и выпустил в 1941 г. отдельным изданием. В 1949 г. Ленинградское отделение Музгиза опубликовало новое, несколько переработанное, издание книги Пасхалова, включив ее в юбилейную серию «шопеновского года».

В предисловии к книге В. В. Пасхалов указывает, что круг проблем, которым она посвящена, сводится в основном к трем важнейшим вопросам, до сего времени очень мало разработанным в специальной литературе. «Вопросы следующие: 1) в какой мере отразилась польская народная музыка на творчестве Шопена; 2) в чем национальный характер его музыки? и 3) каковы особенности музыкальной структуры польских народных песен и танцев, влетенных в музыкальную ткань мазурок и других произведений Шопена?» (стр. 4).

В. В. Пасхалов не только отвечает на эти вопросы, но и намечает пути дальнейшей музыкально-исторической разработки шопеновского наследия. В первой главе книги («Общая характеристика польских народных танцев») автор дает ряд обобщений, существенно важных для каждого исследователя польской музыки. Здесь описаны основные типы польского танцевального фольклора, указаны метро-ритмические, интонационные и структурные особенности народных танцев, их происхождение и

<sup>1</sup> Фотокопия рукописи Шопена приложена к работе Януша Микетты «*Fuga a-moll Fryderyka Chopina*», опубликованной, правда, уже после выхода в свет книг Кремлева и Соловцова.

отличие от танцев шляхты, а также наиболее характерные черты народного инструментализма. Очень кратко, но точно разъясняет автор взаимоотношения между польским танцем и народной песней.

Опираясь на содержание первой главы, В. В. Пасхалов во второй и в третьей главах книги («Народные истоки творчества Шопена» и «Народный стиль в мазурках и других произведениях Шопена») показывает, как польский композитор в своих произведениях творчески развивал и художественно обобщал национальные черты польской народно-музыкальной культуры. Эти главы являются образцовыми по глубине анализа и доказательности аргументации, которая позволяет автору установить тесную связь образов многих произведений Шопена с народными истоками, с польским песенным, танцевальным и инструментальным фольклором. Приложенные к книге таблицы структуры шопеновских мазурок и нотные образцы убедительно подкрепляют выводы автора.

В книге Пасхалова встречаются и дискуссионные положения. Например, в сноске на стр. 25 мы читаем: «Хроматизм мог проникнуть в польские народные песни из церковной католической музыки, из органных фуг и прелюдий». Вряд ли это так. Гораздо правильнее объяснять наличие хроматизмов в польском песенном фольклоре той ладовой переменностью, которая вообще свойственна славянской песенности; достаточно взглянуть на приводимые автором примеры или вспомнить хотя бы знаменитую украинскую народную песню «Про Байду», весьма древнего происхождения, судя по ее содержанию.

В целом книгу Пасхалова следует отнести к достижениям нашей музыковедческой науки.

Естественно, что книга эта вызвала ряд положительных отзывов и советской и польской прессы. Уже после выхода в свет издания 1941 г. Зофья Лисса (ныне профессор Варшавской консерватории) писала: «Польское шопеноведение не имеет подобной работы. Небольшая статья Виндакевичовой и беглые замечания в книгах Бронарского и Кеупрульяновой<sup>1</sup>, — вот всё, что было сделано в этой области... Насколько глубоко советский автор постиг стиль нашей народной музыки и музыки Шопена, видно хотя бы из того, что он указывает — и притом справедливо — нашим польским исследователям Шопена на их многочисленные ошибки»<sup>2</sup>.

Об интересе польской общественности к книге Пасхалова свидетельствует и факт ее переиздания в Варшаве на польском языке. Но еще до этого переиздания, осуществленного Польским музыкальным издательством в 1951 г., в трудах польских музыковедов можно было встретить ссылки на данную работу Пасхалова. Нужно сказать, однако, что проблема народности, являющаяся, несомненно, одной из важнейших проблем искусствоведения, еще не занимает надлежащего места в работах польских музыковедов. Более того, трактовка этой проблемы не может не вызвать некоторой тревоги, возникающей, например, при чтении обширного труда профессора Краковской консерватории Януша Микетты «Мазурки Шопена»<sup>3</sup>, помещенной в первом томе десятитомного издания музыкально-исследовательских и критических работ о произведениях

<sup>1</sup> З. Лисса имеет в виду следующие работы: H. Windakiewiczowa. Wzory ludowej muzyki polskiej w mazurkach Chopina. Kraków, 1926; Ludwik Bronarski. Harmonika Chopina. Warszawa, 1935; B. Wójcik-Keuprulia. Melodyka Chopina. Lwów, 1930.

<sup>2</sup> «Nowe Widnokreği», 5 czerwca 1943, № 11. Более обстоятельную статью того же автора о книге В. В. Пасхалова см. в «Kwartalnik Muzyczny», № 26—27, 1949.

<sup>3</sup> Janusz Miketta. Mazurki Chopina. Polskie Wydawnictwo Muzyczne, Kraków, 1949.

Шопена (*Analizy i objaśnienia dzieł wszystkich Fryderyka Chopina*), принятого в связи с юбилейной датой композитора. Авторский коллектив десятилетия возглавляется крупнейшим польским музыковедом и историком, лауреатом Государственной премии, профессором Познаньского университета доктором Адольфом Хибиньским. В состав коллектива входят также видные польские музыковеды (историки и теоретики): Людвиг Бронарский, Януш Микетта, Александр Франчеквич, Юзеф Хоминьский, Мария Щепаньска и др.

Методологический уровень первого тома в целом довольно полно и точно отражает сильные и слабые стороны польского теоретического музыковедения. Поэтому труд Януша Микетты, являющийся результатом пятилетней работы автора, заслуживает особенно серьезного внимания.

Определяя задачи своей работы и перечисляя «все элементы» музыкального произведения, автор называет «мелодику, метрику, ритмику, гармонию, колористику, агогику и так называемую форму» (стр. 15). Об идейно-эмоциональном содержании музыкального произведения автор ничего не говорит, подчеркивая, что «нельзя от анализа требовать больше того, что он может дать» (стр. 16) и что основной целью музыкально-теоретического анализа должно быть только накопление материалов, необходимых для истории музыки и музыкальной эстетики.

Таким образом, профессор Микетта вполне сознательно отрывает форму от содержания, исключая основу подлинно научного анализа произведений искусства, который должен исходить из исторических и идейно-эстетических критериев, а не ограничиваться рассмотрением структуры произведения и ее элементов.

В книге Я. Микетты нет принципиальной постановки проблемы народности музыки Шопена. Работу же Пасхалова автор цитирует только по частным поводам (стр. 414, 416, 435, 468), несмотря на то, что знакомство с этой работой, так же как и с цитируемой автором работой Елены Виндакевич «*Wzory ludowej muzyki polskiej w mazurkach Fryd. Chopina*», должно бы, казалось, побудить профессора Микетту обратиться к данной проблеме.

В процессе анализа мазурок Шопена профессор Микетта делает ряд интересных наблюдений и вполне обоснованно полемизирует с некоторыми западноевропейскими авторами (например, с Тейхтентриттом, стр. 77, 103 и др.), допустившими те или иные ошибки в своих работах о произведениях Шопена. К числу достоинств книги следует отнести и наличие глав, посвященных таким малоизвестным мазуркам Шопена, как запись в альбоме Марии Шимановской и упоминавшаяся уже нами пражская песня-мазурка в честь Вацлава Ганки, которой, кстати сказать, профессор Микетта посвятил и свою статью «*Hymn bratniej przyjaźni*» в журнале «*Ruch Muzyczny*», 1949, № 5—6.

Очень ценные сведения собраны в разделах книги, содержащих хронологию сочинения и издания мазурок Шопена и данные о рукописях этих сочинений. Однако все эти разделы составляют относительно незначительную часть книги, основным содержанием которой являются анализы мазурок Шопена, выполненные автором, как уже говорилось, без учета идейно-эмоционального содержания произведений и без раскрытия их связи с народными истоками польской музыкальной культуры, что является существенным недостатком.

При анализе мазурки ор. 6 № 2 (до-диез минор) автор, останавливаясь на ее построении и давая подробный гармонический и метроритмический анализ отдельных фраз и даже тактов, ничего не говорит о том, что эта мазурка является интереснейшим образцом синтетического обоб-



щения польских народно-танцевальных жанров. Ведь только одна треть мазурок Шопена написана на метроритмической основе собственно мазурок (вернее, мазуров, так как по-польски этот танец называется *mazur*). В большинстве же своем мазурки Шопена представляют собою подлинно реалистические танцевальные сцены, анализ которых убедительно раскрывает демократическую направленность шопеновского творчества, прочность его связей с народными истоками.

Действительно, в мазурке оп. 6 № 2 органически сочетаются, например, жанры деревенского полонеза — «пешего танца» (*chodzony*), куявяка и оберка. В самом начале пьесы мы уже узнаем неторопливую поступь «пешего танца» (с типичными акцентами в басу, восходящими к приемам народно-инструментального музицирования, к звучанию «басетлы»), исполнявшегося обычно в Польше при возвращении крестьян с полевых работ. Затем движение оживляется, музыка приобретает характер куявяка; далее, в среднем (мажорном) эпизоде звучит веселый оберек, вновь сменяющийся затем сельским полонезом и куявяком. Обо всем этом профессор Микетта умалчивает полностью.

Приведенный пример является, к сожалению, не исключением, а правилом. О сущности и содержании мазурок Шопена, являющихся гениально-обобщенными народно-танцевальными сценами, сочный реализм которых делает несостоятельными всякие попытки создать версию о «романтическом одиночестве» композитора, профессор Микетта вообще не пишет. Понятие же «народности» (*ludowość*) приобретает у автора характер не идейно-эмоциональной категории, а музыковедческого термина, применимого (к тому же в кавычках!) исключительно по отношению к таким специфическим моментам, как, скажем, лидийская кварта (стр. 47 и др.).

Таким образом, установки работы Януша Микетты нельзя не признать формалистическими. Здесь сказались, конечно, реакционные веяния буржуазного искусствоведения. В свое время веяния эти проявились и в некоторых работах русских советских музыковедов, — можно назвать в виде примера книгу проф. Л. А. Мазеля о фа-минорной фантазии Шопена, изданную Музгизом в 1937 г. Но усвоение марксистско-ленинского метода изучения произведений искусства помогло советским музыковедам преодолеть эти тлетворные веяния и утвердиться на позициях прогрессивного, передового искусствознания, залогом успехов которого является тесная связь с народом, с его запросами, интересами и стремлениями. И нужно пожелать, чтобы эта связь неизменно ощущалась в деятельности польских музыковедов, способствуя преодолению формалистических тенденций, не изжитых, к сожалению, в польской музыкально-теоретической и исторической науке, о чем свидетельствуют и некоторые издания, выпущенные к юбилейной шопеновской дате.

Очередные выпуски сборника «Kwartalnik Muzyczny»<sup>1</sup>, целиком посвященные Шопену, содержат ряд работ, представляющих несомненный интерес. Например, в большом томе «Kwartalnika», вышедшем в качестве № 26—27 под заглавием «Z życia i twórczości Fryderyka Chopina», опубликованы содержательные статьи Людвика Бронарского о последних днях жизни Шопена («Z ostatnich dni ziemskiej pielgrzymki Chopina») и Бронислава Эдварда Сыдова о работе Делакруа над портретами Шопена («Chopin i Delacroix. Historia jednego portretu»), причем к статье Сыдова приложены фотокопии малоизвестных рисунков и эскизов Делакруа.

Но, к сожалению, в этом сборнике нет ни одной обобщающей статьи о проблемах изучения шопеновского наследия. Наиболее обширные

<sup>1</sup> «Kwartalnik» № 26—27, 28. Warszawa — Kraków, 1949.



работы принадлежат Кристине Вильковской («Impromptus Chopina»), Юзефу Хоминьскому («Problem formy w Preludiach Chopina») и Янушу Микетте («Ze studiów nad melodyką Chopina. Szkice chopinologiczne»). Нетрудно заметить, однако, что в этих работах преобладают те же тенденции, что и в книге Микетты о шопеновских мазурках. Статья Микетты пестрит формулами, схемами и таблицами, при помощи которых автор тщетно пытается свести богатство и многообразие мелодики Шопена к некоему «шопеновскому мотиву».

Что касается работ Вильковской и Хоминьского, то они написаны на основе принципов, декларированных в книге Микетты, — иными словами, авторы сознательно отделяют форму от содержания музыки. Этот недостаток относится и к небольшой статье Людвика Бронарского «Секстоль в музыке Шопена» («Sekstola w muzyce Chopina»).

В сборнике помещена также работа венгерского музыковеда Лайоса Гернади «Фортепианный стиль Шопена в историческом освещении» (Lajos Hernádi. Styl fortepianowy Chopina w oświetleniu historycznym). Эта работа вызывает серьезные возражения, ибо автор стремится представить историю фортепианного искусства вне какой бы то ни было связи с национальными школами, сводя все к преемственности творчества отдельных мастеров, трактуемой, кстати сказать, весьма произвольно и поверхностно. Славянские истоки шопеновского пианизма в статье замалчиваются, речь идет только об отдельных приемах письма и о фактуре произведений, разбираемой в полном отрыве от содержания.

Данная статья показывает, что формалистические веяния не изжиты не только в польском, но и в венгерском музыкознании. Борьба с формалистическими тенденциями идет и в других странах народной демократии, культура которых, обогащаясь опытом передовой советской культуры, освобождается от формалистических, безидейных тенденций буржуазного Запада. Об успехах польского музыкознания свидетельствуют, например, вышедшие на протяжении последних лет труды профессора Ад. Хибиньского, в частности, вышедший в 1949 г. первый том его обширной монографии о Мечиславе Карловиче. Ряд ценных работ учеников профессора Хибиньского опубликован в сборнике, посвященном его семидесятилетию<sup>1</sup>. Из юбилейных изданий, вышедших в Польше к шопеновской дате, положительной оценки заслуживает монография Здзислава Яхимецкого<sup>2</sup>.

Профессор Краковского университета З. Яхимецкий давно работает над изучением жизни и творчества Шопена. Помимо ряда статей в польской и зарубежной прессе, он является автором книги о Шопене, вышедшей в Кракове в 1927 г., а затем переизданной в дополненном виде на французском языке в Париже в 1930 г. Профессору Яхимецкому принадлежат также ценные публикации ранних произведений Шопена. Новая книга Яхимецкого о Шопене, выпущенная варшавским издательством «Sztuka» к юбилейной дате, как бы подводит итог многолетней работе автора.

Биографию великого композитора профессор Яхимецкий излагает кратко, не увлекаясь интимными подробностями его жизни, а сообщая преимущественно важнейшие факты, проверенные по первоисточникам. Правда, лаконизм биографического раздела книги помешал автору с надлежащей полнотой осветить исторический фон эпохи, о чем нельзя

<sup>1</sup> Księga pamiątkowa ku czci profesora Adolfa Chybińskiego. Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1950. Некоторые из статей, вошедших в этот сборник, посвящены Шопену, — такова, напр., работа Януша Микетты об упоминавшейся нами фуге Шопена.

<sup>2</sup> Zdzisław Jachimcki. Chopin. Rys życia i twórczości. Warszawa, 1949.

не пожалеть, так как, в конечном счете у читателя книги во многих местах неизбежно возникают вопросы, на которые он не получает ответа.

Аналитическая часть книги состоит из глав, посвященных различным жанрам шопеновского творчества, народным истокам которого автор уделяет серьезное внимание (стр. 158—162, 292—293, 319 и др.). Важно отметить, что профессор Яхимецкий не ограничивается тем, что находит в произведениях Шопена те или иные фольклорные элементы, а прямо говорит о народности содержания его музыки, называя, например, знаменитую си-минорную мазурку «бытовой картиной на сюжет из жизни народа» (стр. 173).

Анализируя истоки творчества Шопена, Яхимецкий справедливо указывает, что их нужно искать не только в крестьянском, но и в городском фольклоре Польши (стр. 159), подчеркивая далее: «Достаточно взять в руки любой из томов издания Оскара Кольберга с мелодиями, собранными в Мазовии, чтобы убедиться, насколько народная музыка Мазуров<sup>1</sup> стала близкой всей музыкальной природе Шопена» (стр. 160). Очень интересным, но, к сожалению, не разработанным является затронутый автором вопрос о соприкосновении музыки Шопена (через Курпиньского) с западноукраинскими фольклорными интонациями (стр. 303). Не менее интересны параллели, проводимые Яхимецким между «ориентализмами» Шопена и Римского-Корсакова (стр. 139—140).

В книге разработана, хотя и не с достаточной полнотой, проблема преемственной связи музыки Шопена с творчеством его предшественников и старших современников, включая Юзефа Эльснера, Кароля Курпиньского (стр. 119 и др.), Михала Клеофаса Огиньского (стр. 116—119, 126 и др.) и других польских мастеров. Автор показывает, что Шопен поднялся до классического уровня творчества не только благодаря масштабам своего гения, но и благодаря осознанию своих задач, как национального композитора. Опыт Шопена, как правильно замечает профессор Яхимецкий, способствовал утверждению национальной самобытности норвежца Грига и основоположника чешской музыкальной классики Бедржиха Сметаны (стр. 67, 339).

Несомненным достоинством монографии Яхимецкого является и наличие обширного аппарата, включающего нотографические и библиографические указатели. В тексте книги также содержится обзор литературы, посвященной Шопену, причем автор, называя книги некоторых западноевропейских музыковедов, справедливо, хотя и слишком мягко, говорит, что они «не принесли никаких научных достижений» (стр. 199). К сожалению, в ряде случаев профессор Яхимецкий проявляет совершенно недопустимую снисходительность даже к реакционнейшим явлениям в музыковедческой литературе, включая пресловутую лекцию мракобеса Пшибышевского «Szopen a Narod», тезисы которой даны на стр. 358 без каких бы то ни было критических замечаний.

Следует заметить также, что в библиографическом указателе имеется ряд существенных пропусков. Отсутствуют, например, работы академика Б. В. Асафьева (Игоря Глебова), книга В. В. Пасхалова и др. Очень жаль также, что в разделе «Próby syntezy stylu Chopina» автор не приводит важнейших высказываний великих русских композиторов и корифеев русской музыкально-критической мысли о Шопене. Нужно сказать, что и подбор цитат в этом разделе является до известной степени случайным. Проявившийся здесь объективизм автора помешал ему сделать полно-

<sup>1</sup> В данном случае имеются в виду жители Мазовии.

ценные музыкально-исторические и эстетические обобщения, хотя материал для этих обобщений в его книге, несомненно, имеется.

К столетию со дня смерти Шопена Здзислав Яхимецкий выпустил также томик избранных писем композитора<sup>1</sup> с обширной вступительной статьей о биографии Шопена и сведениями об эпистолярном наследии композитора (раздел четвертый — *O listach Chopina*, стр. XXXIX), а также краткую биографию. Данное издание представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего, собрание писем Шопена, выпущенное Генриком Опенским<sup>2</sup>, давно уже стало библиографической редкостью, а к тому же устарело, так как последние годы принесли немало ценных открытий, к числу которых относятся, конечно, прежде всего, письма Шопена к Дельфине Потоцкой<sup>3</sup>. Фрагменты этих писем завершают собою сборник Яхимецкого, отличающийся текстологической достоверностью и тщательно составленными комментариями.

Профессор Яхимецкий допускает законность сомнений тех исследователей, которые воздерживаются от признания подлинности писем Шопена к Дельфине Потоцкой впредь до ознакомления с оригиналами писем. До сих пор нет полной уверенности в том, что опубликованные фрагменты писем не являются литературной мистификацией, так как эти письма недоступны никому, кроме их обладателей.

Помимо перечисленных нами изданий, к юбилейной шопеновской дате были выпущены и другие книги, в том числе антология польской поэзии, составленная из стихотворений; навеянных музыкой Шопена или посвященных его памяти. Вышел также капитальный труд Бронислава Сыдова, содержащий библиографию<sup>4</sup>. Труд Сыдова, охвативший несколько тысяч книг и статей, заслуживает специального рассмотрения. Но даже беглый просмотр этого тома, объемом свыше 600 страниц, убеждает нас в громадности масштабов работы, проделанной польским ученым. Впрочем, уже первое знакомство с данной работой позволяет, к сожалению, обнаружить в ней некоторые промахи и упущения, касающиеся русской литературы о Шопене.

Из небольших книг о Шопене, вышедших к столетию со дня его смерти, необходимо отметить очерк известного польского писателя и драматурга Ярослава Ивашкевича, изданный почти одновременно в Варшаве на польском языке и в Москве в хорошем русском переводе Регины Кашер<sup>5</sup>. Очерк Ивашкевича написан увлекательно, с чувством горячей любви к личности и творчеству великого композитора. Не будет преувеличением сказать, что мало кому из биографов Шопена удалось с такой убедительностью раскрыть обаяние музыки Шопена и его облика, как человека и художника-патриота. Русское издание очерка снабжено вступительной статьей от издательства и нужным для широких читательских масс добавлением «Краткие пояснения к встречающимся в тексте собственным именам».

Государственное музыкальное издательство правильно поступило, отметив во вступительной статье не только положительные стороны очерка Ивашкевича, обусловившие решение издательства выпустить

<sup>1</sup> Fryderyk Chopin. Wybór listów. Opracował Zdzisław Jachimiecki. Biblioteka Narodowa, seria I, Nr. 131. Wrocław, 1949.

<sup>2</sup> Listy Fryderyka Chopina. Warszawa, 1937.

<sup>3</sup> Первые публикации этих писем были сделаны Романом Ясинским («Radio i świat», 1945, №№ 1, 3) и Паулиной Черницкой («Nauka i sztuka», 1946, № 5—6).

<sup>4</sup> Bronisław Edward Sydow. Bibliografia F. F. Chopina. Warszawa, 1949.

<sup>5</sup> Jarosław Iwaszkiewicz. Chopin. Warszawa, 1949. Ярослав Ивашкевич. Шопен. Перевод с польского Регины Кашер. Музгиз. М.—Л., 1949.



русский перевод книги, но и некоторые недостатки: «К их числу принадлежит, прежде всего, несколько наивное преувеличение той роли, которую играли в творчестве Шопена его любовные увлечения, и, в частности, отношения с Жорж Санд. Нельзя согласиться также с утверждением, что на протяжении чуть ли не целого столетия творчество Шопена не получало признания. Наоборот, музыка великого польского композитора всегда находила горячий отклик в сердцах не только его соотечественников, но и всего прогрессивного человечества; достаточно вспомнить о том, какую популярность завоевало творчество Шопена в России еще в прошлом столетии и как много сделали русские музыканты для увековечения памяти своего гениального польского собрата» (стр. 4).

Сличение польского оригинала книги с ее русским переводом показывает, что в советском издании сделаны некоторые, правда, крайне незначительные, пропуски, связанные с идеалистическим тезисом о наличии у каждого художника «двух родин» — «земной» и «небесной», каковой якобы является искусство. Удаление двух-трех абзацев, посвященных этому тезису, нисколько не нарушило цельности замысла книги.

Нет возможности дать обзорное многочисленных статей, появившихся в польской и советской прессе в связи с юбилейной шопеновской датой. Столетие со дня смерти величайшего польского композитора ознаменовалось не только юбилейными торжествами, но и серьезными достижениями музыкально-исторической и теоретической мысли. Опубликован обширнейший био-библиографический материал, проделана кропотливая текстологическая работа, позволившая предпринять выпуск очищенного от искажений издания полного собрания сочинений Шопена, издано несколько исследовательских трудов, имеющих серьезное значение для правильного понимания и усвоения творческого наследия Шопена.

Изучение этого наследия жизненно важно не только для постижения исторического процесса развития польской музыкальной культуры, но и для строительства ее в нашу эпоху, для утверждения реалистического направления в музыке, к числу основ которого, как сказано в тексте исторического Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., принадлежит «признание огромной прогрессивной роли классического наследия». Постановление это, как известно, имело решающее значение для преодоления формалистических извращений в творчестве композиторов Советского Союза и стран народной демократии.

В польской музыке, начиная с первых лет XX в., развивались модернистические течения, приводившие к забвению национальных традиций польской классики, традиций Шопена и Моцарта. Плодотворное развитие этих традиций и обогащение их новым содержанием, рожденным передовыми идеями эпохи социализма, являются залогом расцвета близкого и нужного народу реалистического искусства, создаваемого на основах народности, идейной глубины и эмоциональной правдивости.

Народность заключается не только в связи с фольклором, но и, прежде всего, в художественно-обобщенном раскрытии народных чувств и стремлений, в создании произведений, зовущих к осуществлению этих стремлений, к созидательному труду и прогрессу. И наследие Шопена справедливо причисляется к драгоценнейшим образцам подлинной народности, мимо которых не вправе пройти ни один передовой человек, а тем более строитель музыкальной культуры.

На протяжении последних лет сравнительно много сделано для изучения народных истоков творчества Шопена и образов его музыки, воплотивших освободительные идеи польского революционного движения середины прошлого века. Но перед исследователями шопеновского насле-



для стоит еще ряд проблем, решение которых существенно важно и для всестороннего усвоения классических традиций польской музыки. Круг этих проблем в основном сводится к изучению творческого облика Шопена как великого художника, который обобщил громадный опыт польского народного творчества и явился основоположником национальных традиций польской музыкальной классики.

Говоря о связях Шопена с польскими фольклорными истоками, музыковеды обращаются преимущественно к его мазуркам и другим пьесам, написанным в танцевальной форме или приближающимся к ней (подобно, например, ля-мажорной прелюдии). Нет сомнения, что здесь сделаны чрезвычайно важные наблюдения и выводы, позволяющие судить о реалистичности и демократической направленности творчества Шопена. Не мало справедливых замечаний было сделано и по поводу «революционных этюдов» и других сочинений Шопена, в которых запечатлелись образы варшавского восстания и польского освободительного движения.

Однако почти не затронут важнейший вопрос о связи творчества Шопена с народной героико-эпической традицией.

Жанр думы получил особенно широкое распространение на Украине и в западнославянских странах, в том числе и в Польше, причем наиболее ранний, известный нам, образец польской инструментальной думы относится еще к XVI в.<sup>1</sup> Известно, что данный жанр в зрелый период его развития характеризуется медленным эпическим запевом, нередко скорбного оттенка, и последующими драматически-напряженными эпизодами, чередующимися с возвращением мелодии начального запева. В музыкальном творчестве этот жанр получил особенно широкое развитие в музыке Дворжака, т. е. во второй половине XIX в.

Не подлежит сомнению, что именно западнославянские думы послужили прообразом шопеновских баллад и близких к ним сочинений, в том числе и его знаменитой фантазии фа-минор. Достаточно вслушаться в запевы первой или второй баллады Шопена, тематически пронизывающие эти произведения, чтобы убедиться в том, насколько их мелодии близки к славянской народно-эпической речитации, предшествующей обычно повествованию о славных подвигах героев, воспеваемых народом. Именно таким повествованием и являются драматические, полные мужества и героизма эпизоды баллад Шопена. И нет никакой надобности возводить «балладность» шопеновской музыки к парижским впечатлениям композитора, к воздействию на него немецкого и французского романтизма, к чужеродным влияниям, которые никогда, как мы знаем, не заслоняли национально-самобытных истоков творчества Шопена. Изучить эти истоки в полной мере — такова одна из задач славянского музыковедения.

Крепнущее содружество строителей музыкальной культуры Советского Союза и западнославянских стран является надежным залогом того, что и эта благородная задача будет разрешена на протяжении ближайших лет.

<sup>1</sup> Рукопись четырехголосной «Думы» анонимного автора была найдена профессором Ад. Хибиньским в Варшаве и опубликована под его редакцией Марией Щепаньской и Тадеушем Охлевским в качестве восьмого выпуска серии «Wydawnictwo dawnej muzyki polskiej». Warszawa, s. a.

# ХРОНИКА







---

---

## ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ПО СЛАВЯНСКИМ ЛИТЕРАТУРАМ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТЕ

Строительство новой, демократической культуры в славянских странах, естественно, вызывает огромный интерес среди советского студенчества к братским славянским народам, к их борьбе за новые формы общественного устройства, к их героическому прошлому, к их литературе, искусству. Поэтому советские ученые-слависты, наряду с исследовательской работой, уделяют огромное внимание вопросу подготовки новых кадров славистов. Кафедра славянских литератур Ленинградского государственного университета, которую возглавляет академик Н. С. Державин, подготовила за последние годы не один десяток высококвалифицированных славистов-филологов.

В период с 1948—1951 гг., под руководством академика Н. С. Державина, проф. К. А. Копержинского и старшего научного сотрудника Института славяноведения С. С. Советова, студентами-выпускниками написан ряд дипломных работ. Некоторые дипломные работы имеют научно-исследовательское значение. Первый выпуск славистов-литературоведов в 1948 г. представил три дипломных работы по истории польской литературы. Дипломная работа В. Крементуло «Тема Грюнвальдской битвы в польской литературе», анализирующая произведения, в которых изображается победа славянских народов в битве при Грюнвальде в 1410 г. над немецкими псами-рыцарями, живо перекликается с современностью. Основная часть дипломной работы посвящена анализу изображения Грюнвальдской битвы в романе И. Крашевского «Крестоносцы» и одноименном романе Г. Сенкевича.

Дипломная работа В. Королевой «Медный всадник» А. С. Пушкина в переводе Ю. Тувима ставит целью показать влияние А. С. Пушкина на творчество выдающихся польских поэтов. Работа является одной из первых попыток анализа поэтического мастерства переводов Ю. Тувима.

Дипломная работа Е. Саловой «Творчество Ванды Василевской в довоенный период» характеризуется самостоятельностью в разработке поставленной проблемы. Методологически правильно освещено становление писателя-демократа, общественного деятеля, Ванды Василевской до сентябрьских событий 1939 г. в Польше. Произведения этого периода, как отмечает дипломант, полны гнева и презрения к фашистской Польше.

Особое внимание в дипломных работах 1949—1951 гг. уделено изучению современной литературы славянских стран народной демократии и творчества классиков. Среди дипломных работ 1949 г. следует отметить исследование Р. Гришиной — «Творчество Ванды Василевской в период Великой Отечественной войны». Р. Гришина дала обзор всего творчества, публицистической и общественной деятельности писателя-патриота, связавшего свою судьбу с борьбой советского народа против фашистских захватчиков. Ценной частью работы является библиографический указатель работ о творчестве писательницы, в который вошли даже мелкие газетные заметки (указатель содержит 235 названий). Обзор очерков и публицистических статей В. Василевской — одна из лучших глав в дипломной работе.

Дипломная работа С. Мазик «Крестьянские мотивы в творчестве М. Конопницкой» дает методологически четкую характеристику литературно-общественных позиций поэтессы в отличие от расплывчатых формулировок, имеющих в польской критике. В работе дан обстоятельный анализ идейного содержания крестьянской тематики в поэзии и художественной прозе М. Конопницкой. Отмечены противоречия в ее идеологии и творчестве. Дипломант отмечает актуальность творчества М. Конопницкой, ее популярность в Советском Союзе.

Творчеству гениального польского поэта А. Мицкевича посвящены дипломные работы Н. Териковой («Пан Тадеуш» Адама Мицкевича) и А. Каупуж (Анализ эпоса «Крымские сонеты»). Акцентируя внимание на идейной и художественной ценности

«Крымских сонетов». А. Каулуж правильно ставит вопрос о характере их переводов, обусловленных идеологической ориентацией переводчика. В исследовании имеется полнсе библиографическое описание изданных и неизданных переводов «Крымских сонетов», сделанных на протяжении XIX в. и в советское время.

Демократическим традициям в чешской литературе посвящена дипломная работа И. Корочкиной о Яне Неруде. Интерес представляет глава о переводах произведений Яна Неруды в России; этот материал разработан впервые.

Значительная работа по исследованию болгарской и сербской литературы выполнена выпускниками-славистами 1950—51 гг., работавшими под руководством акад. Н. С. Державина и проф. К. А. Копержинского. Организующая и направляющая роль советской литературы в развитии современной болгарской демократической литературы хорошо показаны в работе Г. Суриной — «Художественная проза Людмила Стоянова после освобождения Болгарии».

Национально-освободительной борьбе болгарского народа посвящена дипломная работа А. Фуфаевой — «Стихотворения Ивана Вазова. О героях болгарской национально-освободительной борьбы» (1874—1883). Заслуженным вниманием пользуется дипломная работа И. Семеновской — «Христо Смирненский — мастер фельетона». Исследование фельетона как литературного жанра помогает автору глубже осветить творчество Христо Смирненского. Правильно отмечена национальная традиция в области фельетона, и в первую очередь Христо Ботева и Алеко Константинова.

Творчеству Х. Смирненского посвящена дипломная работа В. Анохиной — «Революционная лирика Христо Смирненского (1919—1923)».

Оригинальной в своих основных положениях является дипломная работа Э. Сосновской — «Творчество Елиса Пелина 1898—1905 гг.». Жизнь и творчество болгарского писателя-реалиста даны на фоне историко-экономического развития Болгарии конца XIX в. и господствующих литературных направлений того же времени. Отмечая демократические тенденции писателя, автор вступает в полемику с болгарскими критиками по вопросу о «народничестве» Елиса Пелина, убедительно показывая, что мелкобуржуазная, в основном, идеология писателя ничего общего с народниками не имела в решении вопросов о роли интеллигенции, крестьянства и пролетариата. Анализируя произведения Елиса Пелина за 1898—1905 гг., автор дает общую оценку творчества писателя и характеристику особенностей его художественного метода. Дипломант показывает, что наряду с национальной демократической традицией плодотворное влияние на творчество Елиса Пелина оказала русская классическая литература, и в первую очередь М. Горький, А. П. Чехов.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» явился стимулом для студентов-славистов к изучению проблем языка художественной литературы. Дипломант В. Зайцев, опираясь на учение И. В. Сталина о базисе и надстройке, по-новому осветил социальную природу южнославянского культурного и литературного возрождения. В его дипломной работе «Поэма Ивана Гундулича «Осман» и ее значение для сербо-хорватской литературы» показано, что дубровницкая литература тесно связана с историей борьбы славянских народов против иноземных захватчиков. В исследовании правильно раскрыта социальная природа дубровницкого возрождения, место Ивана Гундулича в нем, народность творчества поэта и значение поэмы «Осман» для сербо-хорватской литературы. Поэма не потеряла своего значения для югославского народа как оружие в борьбе с фашиствующей кликой Тито.

В дипломной работе Л. Шиловой «Творчество Николы Йонкова Вапцарова» дается глубокая разработка основных проблем поэзии Вапцарова. Методологически правильная позиция позволяет Л. Шиловой полемизировать с болгарскими литературоведами в оценке творчества поэта. Автор убедительно доказывает, что Вапцаров являлся певцом жизни, вопреки мнению Королева, Зарева, Радевского, считающих его «певцом смерти». Оптимизм, вера в лучшее будущее определили путь поэта к социалистическому реализму.

Героической борьбе болгарского народа против фашистских захватчиков и литературному наследию этой героической эпохи посвящена дипломная работа Н. Смирновой «Тема партизанской борьбы в современной болгарской прозе». Автор исследует значительный материал: романы, повести, очерки, мемуарно-документальную литературу о массовой партизанской борьбе болгарского народа. Особенно удачной и самостоятельной является глава «Литература о партизанах для детей и юношества».

Дипломные работы 1948—1951 гг. по славянским литературам, выполненные студентами Ленинградского университета, представляют несомненный интерес для изучения истории славянских литератур.

В. Гапова

## СЛАВИСТИКА В ОДЕССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Одесский университет является одним из старых научных центров славяноведческой науки.

В настоящее время в области славяноведения кафедрами университета ведется большая преподавательская и научно-исследовательская работа. Читаются курсы лекций по некоторым славяноведческим дисциплинам (история славянских народов, сравнительная грамматика славянских языков, старославянский язык, современный болгарский язык) и ряд спецкурсов по славянской литературе.

Ведется научно-исследовательская работа в области языка, литературы и истории славянских народов.

Преподаватель кафедры Н. В. Павлюк написал работу «Категория местоимений в старопольском языке». Преподаватель А. М. Френкель пишет работу на тему «Предлоги в современном болгарском литературном языке как средство выражения надежных значений». Написаны и защищены две дипломные работы: «Влияние русского языка на польский язык после Великой Отечественной войны» (В. И. Шишов) и «К вопросу о влиянии русского языка на болгарский литературный язык» (В. К. Чернецкий).

Литературоведы университета уделяют большое внимание изучению украинско-славянских союзов. Доцент В. З. Нестеренко на протяжении нескольких лет работает над монографией «Шевченко и славяне». Доцент А. В. Недзведский написал работу «Шевченко и польская революционная демократия». Ст. преподаватель кафедры Б. И. Галащук защитил кандидатскую диссертацию «Славянская тема в творчестве украинских демократических писателей 70—90-х годов XIX в.»

В настоящее время Б. И. Галащук работает над статьей «Литературные связи современных украинских писателей с зарубежным славянством стран народной демократии».

Преподаватели кафедры зарубежной литературы написали работы на темы: «Образ коммуниста в современной болгарской литературе» (доклад Шайкевич), «Роман Путрамента «Действительность»», «Тема творческого труда в современной польской литературе» (ст. преподаватель Е. П. Ковальчук), «Мария Пуйманова на пути к социалистическому реализму» (ст. преподаватель Н. Т. Марьям).

Написаны студенческие дипломные работы «Славянская тема в творчестве Старицкого», «Переводы Франко из чешского поэта Гавличка-Боровского», «Пушкин и Мипкевич». В этом году студенты-дипломники пишут работы на темы: «Христо Ботев и русская революционно-демократическая литература 60-х годов» и «Образы новых людей в современной болгарской литературе».

Историки Одесского университета работают над темами: «Гуситское движение в Чехии», «Проблемы возвышения и упадка польского государства в XV—XVII вв.» (проф. Н. Н. Розенталь).

Ст. преподаватель П. О. Карышковский защитил в марте 1951 г. диссертацию на тему «Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг.», написал статью «Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава» (напечатана в «Вопросах истории» № 8, за 1951 г.). В настоящее время работает над изучением среднеболгарского перевода византийской хроники и пишет статью на тему «Крестьянская война в Болгарии в XIII в.»

Написаны дипломные работы: «Герцен и славянский вопрос», «Чехия накануне гуситского движения». Кафедрой педагогики ведется работа по изучению современного развития просвещения в Болгарии, Польше и Чехословакии.

*Б. Галащук*





---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### Статьи и сообщения

А. П. Соловьева. Ян Неруда о русской культуре . . . . .	5
В. Д. Конобеев. К вопросу о передаче Болгарии в 1879 г. русских судов дунайской флотилии . . . . .	17
В. Г. Карасев. Д. И. Писарев и Светозар Маркович . . . . .	24
В. И. Владимирская. К вопросу о публикации работ В. И. Ленина и И. В. Сталина в болгарской социал-демократической печати в 1917—1918 гг. . . . .	34
Л. С. Кишкин. Декабрист Враницкий . . . . .	38
В. Д. Королюк. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке . . . . .	43

### Рефераты

П. О. Карышковский. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава . . . . .	53
А. С. Сазонова. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса . . . . .	62
Н. Д. Ратнер. Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871) . . . . .	73

### Критика и библиография

В. И. Зуев. Книга о русско-турецкой войне . . . . .	85
И. Ф. Белза. Проблема изучения шопеновского наследия . . . . .	91

### Хроника

Дипломные работы по славянским литературам в ЛГУ (В. Гапова) . . . . .	107
Славистика в Одесском университете в послевоенные годы (Б. Галащук) . . . . .	109-

*Утверждено к печати  
Ин-том славяноведения  
Академии Наук СССР*

\*

Редактор издательства *М. В. Горбачев*  
Технический редактор *Т. В. Полякова*  
Корректор *В. К. Гарди*

\*

Т-07732. Издат. № 3757а  
Тип. заказ № 656. Подп. к печ. 27/X 1952 г.  
Формат бум. 70×108 3/4. Печ. л. 9,59  
Уч.-издат. 8,6. Тираж 3000.  
*Цена по прейскуранту 1952 г. 5 руб. 20 коп.*  
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР  
Москва, Шубинский пер., д. 10

БИБЛИОТЕКА  
Института  
Языкознания  
А. Н. СССР



